НАПОЛЕОН

ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ

КАК СТАТЬ ВЕЛИКИМ

Алексей ЩЕРБАКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Молодой петербургский автор Алексей Щербаков рассказывает о Наполеоне Бонапарте — о великой личности, история жизни которого не может не поражать. Он отдельными штрихами и мазками создает портрет незаурядного человека, который никоим образом не может служить примером классического диктатора. Хотя именно Наполеон позволяет понять многое в биографиях более поздних диктаторов, таких как Сталин или Гитлер.

По мнению автора, Наполеон — классический пример того, как можно «быть ничем, а стать всем». И изменить судьбу целого мира.

- Алексей Щербаков
  - Предисловие
  - ЛИЦО КОРСИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
    - 1. «Мы их разобьем»
    - 2. «Ни с кем не хаживал я в паре»
    - 3. Пожар в бардаке
    - 4. Когда умирают иллюзии
  - ФОРМУЛА ПОБЕДЫ
    - 1. Слава берется с бою
    - 2. Последняя соломинка
    - 3. Против лома нет приема
    - 4. Завязка знаменитого романа
  - ВОЙНА — АЗАРТНАЯ ИГРА
    - 1. Как сделать шпану солдатами
    - 2. Этих дней не смолкнет слава
    - 3. Вот — новый поворот
    - 4. Великий актер на дипломатической сцене
    - 5. И с победой возвращались
  - ПЕПЕЛ ПУСТЫНИ
    - 1. Древний путь
    - 2. Если везет — так везет
    - 3. Восток — дело тонкое
    - 4. Все шишки на голову
  - ВИНТОВКА РОЖДАЕТ ВЛАСТЬ
    - 1. «Караул устал!»
    - 2. Порядок есть порядок
    - 3. Миг удачи
    - 4. Порядок есть порядок-2
  - ПРАВОТА БОЛЬШИХ БАТАЛЬОНОВ

        - 1. Жизнь под прицелом
        - 2. Как по нотам!
        - 3. Блицкриг по-французски
    - ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЁ
        - 1. Тронное одиночество
        - 2. Тигр против акулы
        - 3. Поляков всегда обманут
        - 4. Польская жена императора
        - 5. Развязка войны
        - 6. Шоу на Немане
    - СВИРЕПОЕ СОЛНЦЕ ИСПАНИИ
        - 1. Еще одно шоу
        - 2. Ненависть вышла из берегов
        - 3. Злой город
    - НА ВЕРШИНЕ ЛЕДЯНОЙ ГОРЫ
        - 1. Хозяева Европы
        - 2. «Нужен ли нам папа?»
        - 3. Императорский брак
        - 4. Маршалы смотрят искоса
    - ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗЕМЛИ
        - 1. «Дипломатическая война»
        - 2. Огонь
        - 3. День Бородина
        - 4. Шумел, гудел пожар московский
        - 5. Миф про русские морозы
    - КОМПРОМИСС — НЕ ДЛЯ НАС!
        - 1. Поступь новой войны
        - 2. «Смерть приближается к нам»
        - 3. «Акела промахнулся!»
    - НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ
        - 1. И опять отказ
        - 2. «Итальянские сапоги»
        - 3. Крах
    - ДЖЕК-ПОТ С НУЛЯ — И СНОВА НОЛЬ
        - 1. Пьяный проспится, дурак — никогда
        - 2. Тигр готовится к прыжку
        - 3. Шаги Командора
        - 4. Фортуна показала фигу
    - ИТАК, ИТОГ
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15

Алексей Щербаков
«Наполеон. Как стать великим»

Предисловие
ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ДЕЛ

Почему именно Наполеон? Почему из всех Великих Диктаторов последних веков автор предлагает вашему вниманию этого корсиканца в его знаменитой на весь мир треуголке? Конечно, дело не в том, что совсем недавно, 2 декабря 2004 года, исполнилось 200 лет со дня коронации императора. Это памятная дата — французская, не наша… Но, с другой стороны, за два века интерес к этому человеку так и не иссяк. К примеру, большинство наших и европейских «клубов исторической реконструкции» занимаются именно наполеоновской эпохой. И когда рабочие парни из-под Вологды шьют себе мундиры французских гренадер, это никого не удивляет и не возмущает (что случается сплошь и рядом, когда такие же «реконструкторы» надевают, к примеру, мундиры вермахта).

Так почему же?

Раны той эпохи затянулись. Сожженная Москва отстроилась и множество раз перестроилась. Но осталась память о великой эпохе. И память о человеке, история жизни которого не может не поражать. Он — классический пример, как можно «быть ничем, а стать всем». И перевернуть судьбы Европы.

Наполеон позволяет понять многое в биографиях более поздних диктаторов, но, благодаря удаленности во времени, его личность не вызывает столь бурных эмоций, что неизбежны при разговоре, к примеру, о Сталине. Хотя мифов о Наполеоне было создано в свое время великое множество. Только их благополучно забыли. И осталась память о *времени героев*. Титанов. Возможно, через сто лет и о Второй мировой войне будут вспоминать так же…

То была блестящая эпоха. И, конечно, более всего в ней интересна личность главного актера на исторической сцене. Точнее — и актера, и режиссера одновременно. В чем же секрет его успеха? Это, думается, занимает не только любителей истории. Ведь и человек, начинающий бизнес, может задаваться вопросом: как какой-нибудь провинциал, не имевший ничего — ни денег, ни связей, ни даже крепких кулаков — «сделал» всех? Бизнес — это тоже война. Многое тут очень схоже.

Потрясателем мира на рубеже XIX века стал не бог и не супермен. Это был великий, гениальный, но — человек. Которому, чтобы достигнуть своей бессмертной славы, пришлось проделать путь непростой и извилистый. И во многом этот путь

— как и последующий крах — определился свойствами его характера. Причем в гораздо большей степени, чем, к примеру, «славный» путь Гитлера. Наполеон — это так сказать, «герой в чистом виде». Тем и интересен.

В этой книге я часто буду пропускать подробности военных действий и тонкости дипломатических игр. Все это есть в специальной литературе. Мне же интересен именно человек — Наполеон Бонапарт.

ЛИЦО КОРСИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

1. «Мы их разобьем»

Утром 4 апреля 1814 года император Франции Наполеон Бонапарт, возвратившись после смотра войск во дворец Фонтенбло, застал своих маршалов со смущением на лицах. Отчаянные вояки, не боявшиеся ни Бога, ни черта, равнодушные к свисту пуль и ядер, чувствовали себя отчего-то очень неуверенно. Они переминались с ноги на ногу и не решались заговорить.

В самом деле, разговор предстоял весьма непростой. Сказать к этому времени, что положение Франции было тяжелым — значило не сказать ничего. После поражения в «битве народов» под Лейпцигом оно стало просто отчаянным. Враги, армии стран антинаполеоновской коалиции, имели теперь подавляющее численное превосходство. Война давно уже шла на территории Франции, совсем недавно войска союзников вошли в Париж.

А у Франции к этому моменту не было уже ничего. Не было сил, не имелось ресурсов и вооружений. Не было больше здоровых мужчин, которых можно было бы поставить под ружье. А самое главное — страна смертельно устала. Нет, семьдесят тысяч солдат действующей армии и теперь готовы были отдать жизнь за своего императора. Об этом они только что заявили Наполеону на смотре. Но это было бы теперь лишь напрасным кровопролитием. Которое ничего уже не могло изменить.

Маршалов перспектива продолжения войны ужасала. Противник — в том числе и русские войска — прочно занял столицу. И военачальники опасались, что если Наполеон попытается отбить Париж, то русские могут вспомнить московский пожар — и оставить от столицы Франции одни руины. Теперь спасение от надвигавшейся катастрофы маршалы видели в отречении Наполеона от престола. Именно об этом они и собрались сообщить императору.

Разговор, как и ожидалось, вышел тяжелым. Бонапарт сдаваться не привык. Ему приходилось терпеть поражения. Но чтобы капитулировать… Поначалу он и слышать не хотел об отречении. Но потом… Потом удалился в свой кабинет. И вскоре, позвав всех туда, зачитал только что составленную бумагу. Наполеон соглашался сделать то, что от него требовали.

Уже взяв перо, чтобы подписать документ, он вдруг замер. Потом внимательно оглядел лица своих давних соратников. И неожиданно спросил:

— А может быть, мы пойдем на них? Мы их разобьем!

Но маршалы угрюмо молчали. Тогда император поспешно подписал бумагу.

Казалось, все было кончено. Но миру еще предстояло увидеть одну из самых невероятных авантюр в истории человечества — «Сто дней».

В этом «может, пойдем на них» — вся суть Наполеона. Суть азартного игрока, готового играть даже тогда, когда шансов на победу нет. Да, вроде всё кончено. Все козыри — на руках у противников. И можно бросить карты на стол. Но…

А вдруг?! Ведь можно сделать еще один ход! Кто знает, возможно, именно он принесет волшебный поворот судьбы — и колесо фортуны начнет раскручиваться в обратную сторону? Так с ним уже бывало. И не раз. В конце концов, вся жизнь Наполеона — бешеная азартная игра, в которой он не жалел ни своей, ни чужой жизни. Почему бы не попытаться еще раз? Ведь он много раз делал то, что сделать невозможно в принципе. Мало кому до него такое удавалось. А ему удалось…

2. «Ни с кем не хаживал я в паре»

А начиналось все вполне обычно. 15 августа 1769 года в городке Аяччо, что на западном побережье Корсики, жена небогатого местного дворянина Карло Бонапарта внезапно почувствовала родовые схватки. Она успела лишь добежать до дома — и прямо в гостиной благополучно разрешилась от бремени ребенком мужеска пола…

Тут я несколько отвлекусь. Честно говоря, авторы многих биографических книг, стремясь к максимальной добросовестности, с одуряющей подробностью прослеживают путь своего героя чуть ли не с колыбели. Читая эти книги, ловишь себя на мысли: скорее бы кончились эти «родился-учился»… Я постараюсь избежать этого, а потому, рассказывая о молодых годах будущего императора, упомяну лишь те обстоятельства, которые сыграли заметную роль в его ослепительной судьбе.

Первое, и очень существенное, — это особенности родины Наполеона. Корсика была в ту пору весьма своеобразным и, откровенно говоря, довольно-таки диким местом. К моменту рождения будущего императора остров вроде как принадлежал Франции. Именно «вроде как». Потому что в состав французского государства он вошел всего годом ранее. А до 1755 года Корсика числилась за Генуэзской республикой — одним из существовавших тогда на территории Италии небольших государств. Жители острова говорили на одном из диалектов итальянского языка. Стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться: даже чисто географически Корсика куда ближе к Италии. Но на самом-то деле жители острова ощущали себя прежде всего корсиканцами. И никем больше. «Островная» психология, стремление к «самостийности» были здесь чрезвычайно сильны. Недаром четырнадцать лет, непосредственно предшествовавших рождению Наполеона, Корсика фактически являлась независимой. Генуэзцев попросту послали куда подальше. Долго, конечно, независимость маленького небогатого клочка суши длиться не могла — и, в конце концов, остров попал в лапы более крупного соседа — Франции. Но сепаратизмом тут было пропитано всё. Паскаль Паоли, лидер местных «самостийников», добровольно удалившийся в изгнание после прихода французов, был для корсиканцев, говоря современным языком, культовой фигурой. Его авторитет продолжал оставаться непререкаемым.

Этим особенности Корсики не ограничивались. Кроме того, что это было весьма дикое место, здесь бурно процветали

старинные патриархальные нравы. Население издавна делилось на кланы, между кланами шли постоянные войны. Широко был распространен такой милый обычай, как знаменитая вендетта — кровная месть.

Нам теперь трудно понять, что это такое. Исконная вендетта — это когда мстят не самим обидчикам. И даже не их близким родственникам. Мстят — всем представителям клана. Которые могут даже не знать, в чем, собственно, дело. Как чаще всего и бывало. Причину вражды давно забыли — а вендетта продолжалась. Но — таков обычай…

Конечно, Корсика — это все-таки не Сицилия. В просвещенный XVIII век жители городов уже цивилизовались настолько, что предпочитали гадить враждебным кланам менее кровожадными способами, нежели удар кинжалом. Но сохранялось главное — клановое деление «свой-чужой», и оно было превыше всего. О нравах Корсики свидетельствует то, что отец Наполеона, трудившийся на поприще адвокатуры, был небогатым, а если говорить точно, то просто бедным человеком. Это при том, что в соседней Франции словосочетание «бедный адвокат» уже было равносильно «холодному огню» или «горячему льду». А на родине Наполеона тогда до правовой грамотности населения, коей и определяется благосостояние адвокатов, было еще семь верст до небес и всё лесом…

Клановая психология осталась вбитой в Наполеона на всю жизнь. Он всегда и во всех обстоятельствах поддерживал своих многочисленных родственников. Он спускал им даже такие «подлянки», после которых житель иных краев со спокойной совестью послал бы их не просто куда подальше… А Наполеон терпел. Воспитание — великая вещь.

Еще одной особенностью Корсики было то, что жители острова славились своим непроходимым, дремучим суеверием. Это качество, как известно, укореняется в человеке куда крепче, нежели религиозность. Наполеон это блестяще продемонстрировал сам. К религии он всегда относился с полнейшим равнодушием. Более того, будучи до мозга костей рационалистом, прагматиком, даже можно сказать, циником, он в неприкосновенности пронес через всю жизнь множество корсиканских суеверий. Более всего сказалась в его жизни вера в «свою звезду», в ниспосланную невесть откуда удачу. В «своей звезде» Наполеон был с какого-то момента непоколебимо убежден. И всю свою жизнь слово «судьба» (Fortune) писал он с большой буквы.

И это ни в коей мере не походит на идею «избранности», которой был, к примеру, одержим Гитлер. «Избираются» — за что-

то. А «звезда» — это нечто вроде блатного «фарта». И не зря здесь корень слов один. Везет — и всё. Ни с того, ни с сего. Как ни сдавай карты — всё «очко» выпадает.

Вот, пожалуй, и все, что имеет смысл сказать о детстве будущего императора. Остальное неинтересно. Да и детство само закончилось для него довольно быстро. Дело в том, что отец, Бонапарт-старший, сотворивший со своей супругой Летицией тринадцать детей, имел желание дать своим сыновьям достойное образование. Но не имел такой возможности. Потому как денег не было. Что же ему оставалось делать, дабы мальчики не выросли митрофанушками «корсиканского розлива»? Искать места, куда можно было бы пристроить детей учиться «за так». В те времена такими местами были военные училища — нечто вроде нынешних кадетских корпусов. Поэтому в 1779 году юный Наполеон Бонапарт оказался на казенной стипендии в военном училище города Бриенна.

В тамошний коллектив соучеников он не вписался сразу. Он был чужаком, глубоким провинциалом. По-французски будущий «император всех французов» говорил плохо, допуская грубые ошибки (он, впрочем, говорил с ошибками до конца жизни). Но не это, думается, главное. Просто есть такие люди, которые «не в силах стоять в строю». Которые в любом коллективе остаются где-то в стороне. «Я не умею подчиняться», — сказал Наполеон через много лет.

Таких не любят. Вот и Наполеона попытались поначалу травить. Благо был повод — все то же чужое произношение. Да и манеры у корсиканца были тоже весьма странные. Чего же больше?

Но тут коса нашла на камень. Наполеон был худ, маленького роста, он никогда не отличался физической силой. Но «наезжать» на себя — не позволил. Первые же попытки «наезда» окончились несколькими свирепыми драками. Бонапарту досталось здорово, но и его обидчики поняли, что с этим парнем лучше не связываться. И оставили его в покое. Наполеона, судя по всему, такой расклад вполне устраивал.

Он остался один. И отдушиной для него стали две вещи. Во-первых, пламенная любовь к родному острову. Не беда, что Наполеон, покинув Корсику в десятилетнем возрасте, не слишком многое запомнил. Это было даже к лучшему. Недостаток информации заполнялся фантазией. В мозгу мальчика Корсика представала как лучшее место на земле. Как остров, сплошь населенный героями. Вторым душевным убежищем для Наполеона стали книги. Он читал жадно, быстро и много. Причем

Бонапарт был не из тех людей, которые смотрят в книгу, а видят фигу. Обладая исключительной памятью, он хорошо запоминал прочтенное. И, к тому же, делал из этого выводы.

Что же касается учебы, то юность Наполеона прекрасно опровергает популярные среди юных лоботрясов теории о том, что все великие люди были двоечниками. Он двоечником не был. Совсем наоборот. Вот, правда, языки ему не давались. До конца жизни он так и не сумел сносно овладеть ни одним иностранным языком. Но, в самом деле, не может же человек быть гениален во всем…

Как бы то ни было, но в пятнадцатилетнем возрасте, окончив училище, Наполеон впервые оказывается в Париже. Он поступает в Парижскую военную школу. Это — уже кузница кадров для армии. Ее выпускники надевают офицерские эполеты. И тут-то следует первый удар судьбы. Умирает его отец.

Событие, очень грустное само по себе. Но усугубляет беду то обстоятельство, что если и раньше финансовое положение будущего императора было не ахти, то теперь оно становится просто ужасным. Потому что у семьи никаких средств к существованию не имеется. Вообще-то в таком случае, по корсиканским понятиям, заботу о семье должен взять на себе старший брат. Но лень родилась раньше Жозефа Бонапарта. Он как-то не особо горел желанием надрывать ради родственников спину. Ради себя, впрочем, тоже. И Наполеон берет ответственность на себя. Что тоже очень характерно. Впоследствии это будет повторяться часто. Наполеон будет двигаться вперед и вверх по одной простой причине: он не будет бояться брать на себя ответственность, когда другие будут переминаться в нерешительности.

В 1785 году для шестнадцатилетнего Наполеона началась взрослая жизнь. Он получил чин подпоручика (по-нынешнему — лейтенанта) и отправился тянуть служебную лямку в городок Валанс, что неподалеку от Лиона.

Мало найдется в мире армий, где лейтенантам платили бы хорошую зарплату. Во Франции тех времен к младшим офицерам тоже не проявляли особой щедрости. А на шее Бонапарта была семья, которой он отсылал большую часть своего жалованья. Оставалось до смешного мало. Порой весь обед господина подпоручика состоял из куска хлеба и кружки молока. Согласитесь, для молодого человека это не слишком сытно.

Культурно отдыхать, не имея денег, молодому подпоручику тоже было непросто. Особенно если учесть, что его ровесники-сослуживцы жили отнюдь не на жалование. У них-то деньги были. Впрочем, подробнее об этом — чуть позже. Да что там

развлечения! В те времена в армии даже форму казенную офицерам не выдавали. Одеваться приходилось за свои деньги. Так что Наполеону, по большому счету, ходить было не только некуда, но и почти не в чем.

Истина банальная, но верная: трудности закаляют характер. Можно еще добавить: не было бы счастья, да несчастье помогло. Какое оставалось Наполеону развлечение? Книжки читать. Благо он договорился с хозяином ближайшей книжной лавки — ходил туда и читал вволю «за бесплатно». Круг его чтения и сегодня ошеломляет. Кто из добровольных читателей — не по работе, а для души — способен изучать труды по математике, физике и химии? Вот то-то же. А он — изучал. И кроме того — историю, модные тогда труды просветителей (о них — тоже позже) и многое другое.

Впрочем… была у него одна, но пламенная страсть, которая как-то не слишком сочеталась с интеллектуальным времяпрепровождением. Порой Наполеон все-таки выбирался в общество товарищей. Чтобы поиграть в карты. Его любимой игрой, заметим, было не что-либо заковыристое. Это было обыкновенное «очко», оно же «двадцать одно», оно же «Блэк Джек». Что тоже — весьма характерно. «Хорошо играть» в эту игру нельзя. Здесь все зависит исключительно (или почти исключительно) от везения — какая карта пришла. Азарт, стремление играть — это у него с юности. Причем, заметим, Наполеон в этих «сражениях» рисковал гораздо больше, нежели его партнеры. Потому что проигрыш всегда оборачивался тем, что потом несколько дней приходилось голодать. Но Наполеон все равно рисковал. Такой уж он был парень.

Кстати, если уж речь зашла об играх… Наполеон, обладавший безусловно выдающимся аналитическим умом, отвратительно играл в шахматы. Буквально — на уровне «как ходят, как встают». Собственно об игре он представления не имел. Что отлично укладывается в характеристики, которые ему давали впоследствии: «гениальный тактик и никудышный стратег». «Просчитывать ходы» он и не научился до конца своей карьеры. На том и сгорел.

Расчетливый игрок и азартный игрок — это два разных человека. Тут уж либо одно, либо другое. Но героями становятся именно азартные игроки. Расчетливые, порой, добиваются большего. Как, к примеру, Сталин. Но выглядит это не так эффектно.

В своем полку подпоручик Бонапарт выделялся еще одним качеством — он тщательнейшим образом выполнял свои служебные обязанности. В то время как другие младшие офицеры

на службе не слишком горели. Конечно, тому есть и чисто житейское объяснение: надо же было продвигаться по служебной лестнице! Но причина — не только в этом. Будущий император занимался тем, что ни тогда, не теперь офицеру по должности делать не полагается. Он считал, что командир должен уметь выполнять и солдатскую работу. В том числе и такие рутинные вещи, как, например, чистка лошадей и орудий. Лошадь мне чистить приходилось, и если вам — тоже, то вы поймете, *что* добровольно взвалил на себя Наполеон. А бронзовые орудия чистить… Попробуйте почистить какую-нибудь бронзу без «кометов» — и вы поймете, что это такое.

Может быть, именно отсюда та беспредельная любовь к нему солдат? Тех самых, которых он гонял на смерть по всей Европе? Прозвище «маленький капрал» тоже надо заслужить! Видимо, в нем чувствовали своего. Он понимал, что, как и когда им сказать.

Мы, конечно, не знаем, о чем думал Бонапарт в те времена. Привычки изливать душу кому бы то ни было он не имел. Да и в написанных на острове Святой Елены воспоминаниях Наполеон говорит о чем угодно, только не о своих личных переживаниях. Но можно с большой долей вероятности предположить, что его нередко посещали мысли о предстоящей жизни. И мысли эти, скорее всего, были не слишком веселые.

Тут необходимо рассказать о том, что представляла из себя французская армия накануне революции. Так вот, ничего хорошего. Карьеру в ней делали по-разному, но служебные качества офицеров стояли здесь чуть ли не на последнем месте. А для кого «горел зеленый свет»?

Самой надежной гарантией продвижения по службе было знатное происхождение. Закон 1780 года черным по белому ограничивал карьерный рост офицеров, не принадлежащих к высшему дворянству. Такого даже в те времена не было ни в одной европейской стране, включая Россию.

Во Франции тому, кто принадлежал к так называемой «исторической знати», можно было служить спокойно и ни о чем не беспокоиться.

А что такое «историческая знать», «высшее дворянство»? Это когда список знатных предков теряется во мраке веков… По сути, те, чей род прославился давным-давно, могли просто снимать пенки со славы своих предков. И вот Наполеону, провинциальному дворянину «в четвертом поколении», ничего такого не светило.

Не светила ему и карьера «по знакомству». Назначение на высокие должности «по блату» в те времена было явлением

общепринятым. Должности и чины можно было просто купить. Речь не идет о взятках. Нет, вполне официально: «отстегнул» сколько надо, и вчерашний подпоручик — уже капитан.

У Наполеона не было ни знатного имени, ни связей, ни тем более — денег. Так что перспектива рисовалась невеселая. Сидеть всю жизнь в захолустном гарнизоне, под старость выбившись — в самом лучшем случае — в майоры. И глядеть, как мимо тебя идут со свистом наверх те, кому более повезло с рождением… Грустно.

Но сидеть и грустить — не в характере Наполеона. Он начинает попытки самореализации в другой сфере. В литературе и журналистике. Да-да. Человек, прославившийся в веках как гениальный полководец, в молодости обильно марал бумагу, сочиняя произведения в самых разных жанрах. От стихов до философско-социальных трактатов.

О двух его повестях и нескольких рассказах литературоведы отзываются сдержанно. Говорят — неплохо. Но все же не Бомарше. Мы все писали понемногу…

Публицистика — здесь уже более занятно. Юношеское литературное наследие Наполеона можно условно разделить на две части. Первая — всяческое прославление Корсики, порой доходящее до абсурда. В этих произведениях жители острова предстают носителями всех возможных добродетелей. Прямо-таки народ, сплошь состоящий из гомеровских героев. Словом, «великокорсиканский» патриотизм в полный рост. А вот другая часть его работ…

В них Наполеон пропагандирует идеи просветителей. Которые были тогда популярны среди «продвинутой» европейской молодежи примерно так же, как в России конца XIX века — марксизм. Сегодня идеи просветителей несколько подзабыты. Так что имеет смысл напомнить. Итак, Дидро, Руссо и Монтескье — идолы тогдашней «передовой» молодежи — по большому счету занимались тем, что развенчивали все, до чего могли дотянуться. Знакомая картина — они полагали, что люди живут неправильно. Что, исходя из здравого смысла, можно все перестроить на разумных началах. Культ Разума. Которым впоследствии французские революционеры даже попытаются заменить католическую религию.

Если посмотреть глубже, то суть идей просветителей: как захотим, так сделаем. Исходя из нашего понимания, что есть «хорошо», а что «плохо». И что нам не нравится, то…

Не нравилось же просветителям многое. К примеру, религия. Именно от них, кстати, в европейской культуре пошел миф о «реакционных и невежественных попах», которые всячески давят науку. Возьмем истории, на которых воспитаны поколения

школьников — о Копернике, Галилее и Джордано Бруно. Якобы им «клерикалы» не давали развернуться и вообще их истребили. Что вообще-то — полная чушь. Но это — тема для отдельной книги.

Другое дело, что к концу XVIII века католическое духовенство во Франции и в самом деле в значительной степени выродилось в прослойку зажравшихся паразитов, практически утративших авторитет. По крайней мере, среди образованных людей. Это началось давно. Вспомним знаменитую трилогию Дюма, который в описании быта и нравов был весьма точен. Как развлекается Арамис, будучи аббатом, то есть настоятелем монастыря? Пьет, дерется на дуэлях и бегает по бабам. Да и вообще относится к своему сану с великолепным цинизмом — как к хорошей кормушке. При этом, судя по тексту, ничего экстраординарного в его образе жизни не было. Трудно всерьез почитать таких «духовных отцов»… Это было в XVII веке. А еще через сто лет, к концу XVIII века, французские «отцы» утратили не только благочестие, но и мужество, которое имелось у Арамиса. Уважать их стало совсем не за что.

Сильно доставалось и королевской власти. Просветители нападали на самую ее суть, на ее идеологическую основу. Она, как известно, заключается в том, что монархия имеет божественное происхождение. Поэтому бунтовать против королевской власти — означает бунтовать против Бога. Ну, а просветители эту самую санкцию (или «принцип легитимизма») отрицали полностью. Взамен они выдвинули теорию «общественного договора». Суть его в том, что любую власть устанавливает народ. По взаимному согласию. Собрались, к примеру, как-то, и договорились: ну, пущай будет у нас король… А следовательно, если одна форма власти перестала людей устраивать — народ имеет полное право установить другую (впоследствии этот принцип именно так был сформулирован в Декларации независимости США). По тем временам это было сверхреволюционно.

Подобные взгляды развивал в своих работах и Наполеон. «В Европе остается очень мало королей, которые не заслуживают быть низложенными». Это печатно заявляет офицер королевской армии. Ясно: на тот момент это не просто революционно, а сверхреволюционно. О том, чтобы скинуть короля, большинство людей еще даже не задумывалось. Ограничить его власть — это возможно. Но не свергать. Для сравнения: кто в СССР, скажем, в 1982 году всерьез говорил о необходимости ликвидации советской власти? Кучка диссидентов. Вот и во Франции в 80-е годы XVIII века все стояли за реформы, но не за полную смену

формы правления.

Тут возникает вопрос: а верил ли сам Наполеон в то, что писал? Профессиональные журналисты прекрасно знают, КАК пишутся статьи. И порою сами авторы не верят в то, что провозглашают. Нужно еще учесть, что, согласно многочисленным свидетельствам, Наполеон всегда с величайшим презрением относился к «народным массам». То есть ни в какую «волю народа» он никогда не верил…

Но, с другой стороны, идеи просветителей можно понимать по-разному. В конце-то концов суть их: «как хотим, так и сделаем». И всё. Почему же народ, посредством «свободного договора», не может установить диктатуру? В 1933 году в Германии такое случилось…

А можно предположить вовсе просто и цинично. Наполеон, будучи умным человеком, видел, куда ветер дует. И всеми силами старался подставить под этот ветер свои паруса.

И тут хочется поразмышлять над вопросом, с точки зрения высокой науки еретическим. А что было бы с Наполеоном, родись он, скажем, на тридцать лет раньше? Когда существующий порядок держался крепко, когда никто ни о каких переменах и не помышлял? Куда бы девался человек с таким талантом и умом, но — лишенный каких бы то ни было карьерных перспектив?

Думается — не пропал бы он. Возможно, стал бы кондотьером в какой-нибудь из тогдашних «горячих точек» планеты. Да хоть бы в Россию поехал с турками воевать. Может быть, подался бы в землепроходцы или путешественники. Благо в те времена белых пятен на карте было хоть отбавляй. И опередил бы Ливингстона и Стенли.[1] Может, стал бы актером (о его талантах в этой области разговор будет впереди). Да мало ли что еще…

Только в одном качестве трудно представить Наполеона — сидящим в кабаке и, размазывая пьяные слезы по лицу, сетующим на то, что жизнь не удалась… Не тот это был человек.

Но это — фантазии. А реально 14 июля 1789 года произошло событие, которое перевернуло мир. И вместе с миром — жизнь офицера Наполеона Бонапарта. Была взята Бастилия. Началась Великая французская революция.

3. Пожар в бардаке

В России о событиях первой великой европейской революции помнят плохо. Оно и понятно. В школе ее проходили в том возрасте, когда на мировую историю наплевать. Да и проходили как-то вяло. Не знаю как теперь, а в советское время «классовый анализ» был способен сделать невыносимо тоскливым все, что угодно…

Между тем Наполеона, каким он стал, справедливо называют порождением революции. Поэтому стоит напомнить, что же происходило во Франции. Тем более, что эта революция подчас до мелочей напоминает нашу Февральскую с Октябрьской в одном флаконе.

Для начала — почему так вышло?

Дореволюционная Франция была дворянской монархией. Даже не просто дворянской, а аристократической. То есть власть действовала исключительно в интересах ничтожной по численности привилегированной кучки «исторического дворянства». Большинство населения, так называемое «третье сословие», было создано, как полагали наверху, только для того, чтобы этих самых дворян кормить. А между тем именно «третье сословие» пахало и сеяло, работало и торговало. Словом, занималось общественно-полезной деятельностью.

Претензии были у всех. Французских крестьян (как и сто лет спустя — их русских собратьев) более всего волновал аграрный вопрос. Земли им, понятно, хотелось побольше. Потому как мало ее было. Вот и глядели они на плохо обрабатываемые дворянские угодья и размышляли: а не пора ли «кавалерам» поделиться? К тому же, крестьяне были опутаны сложной и крайне запутанной и противоречивой сетью феодальных повинностей, многие из которых тянулись еще со средних веков. Ясно, что это не нравилось.

У тогдашних предпринимателей были свои проблемы. К тому времени они уже вполне процветали, а иные накопили огромные средства и работали с размахом. Но для власти они были никто и звать их было никак. Пусть и богатые, но — люди второго сорта. Тогда деньги определяли еще не всё. К управлению государством французских буржуа и близко не подпускали. А эти люди полагали, что они вполне могут рулить государственным кораблем получше, чем дворяне.

Но все-таки главное заключалось в самом дворянском сословии. В чем, по сути, смысл дворянства? В том, что эти люди служат родине — с оружием в руках или на гражданских

должностях. Именно за это им и даются привилегии, за это они поставлены «над всеми».

Так когда-то было и во Франции. Было, да прошло. К концу XVIII века французское «историческое дворянство» упорно не желало чем-либо заниматься. Что там служба! Они и своим собственным поместьям не желали уделять внимание. Поэтому поместья быстро приходили в упадок. А кушать дворяне хотели. И не только кушать. Дворяне хотели жить широко и весело.

Государство же продолжало действовать исключительно в их интересах. И всеми силами старалось всю эту сволочь прокормить. То есть «благородное» сословие превратилось в класс откровенных паразитов, обходившихся стране чудовищно дорого. Чтобы стало еще понятнее, можно привести несколько примеров. Для утоления ненасытных дворянских аппетитов король создал множество очень высокооплачиваемых должностей, которые являлись откровенной халявой. К примеру, каждое утро во дворец приходили два благородных дворянина в роскошных камзолах и при шпагах и торжественно выносили королевский ночной горшок. Получали они за это очень хорошие деньги. Множество проходимцев просто толкалось во дворце. И они тоже получали. Огромные деньги тратились на «королевские пенсии». Это означало, что здоровым мужикам платили только за то, что они коптят небо.

Халявные деньги тратятся легко. Поэтому дворянство, особенно высшее, превратило жизнь в погоню за наслаждениями. Королю Людовику XVI приписывают фразу: «после нас — хоть потоп». Возможно, так он и не говорил, но дворяне — так жили. Тон задавал королевский Двор. Жил широко и шумно, выкидывая огромные деньги на бесконечные праздники. А кто платил? Народ, который давили налогами по самое «не могу». Это могло нравиться? Вряд ли.

С «благородством» выходило еще хуже. Веселью дворянской жизни сопутствовала полная распущенность нравов. В среде высшей аристократии она была такой, что современная «сексуальная революция» отдыхает. Не существовало таких пороков, каким не были бы подвержены тогдашние аристократы. Впрочем, об этом можно писать отдельную книгу. Здесь же стоит лишь упомянуть, что не зря именно в эту эпоху появился маркиз де Сад. Который не только строчил книжки, но и применял свои идеи на практике. Вообще-то, чтобы лучше представить психологию тогдашних дворян, стоит просмотреть писания де Сада. Но не пространные и достаточно нудные описания сексуальных извращений, а столь же многословные философские рассуждения маркизовских развратников. Суть их проста: мы что

хотим с вами, то и делаем. По какому праву? А вот так. А вы терпите.

Это — не преувеличение. Дворяне, особенно титулованные, имевшие доступ к «кормушке», были свято убеждены в том, что порядок, при котором они имеют право сидеть на шее у народа — справедлив и совершенно естественен. Они чувствовали себя эдакими сверхлюдьми, для которых крутится вся жизнь.

Современным россиянам непросто даже приблизиться к пониманию этой непоколебимой уверенности в собственном превосходстве. Сравнить не с чем. Русские дворяне предреволюционной поры нередко чувствовали смутную вину «перед народом». Сегодняшние новые русские… Они малосимпатичны, но, по крайней мере, новые российские хозяева жизни часто могут сказать: «я этого добился своими руками». Украли, ограбили — но все-таки сами. А французские аристократы не имели даже этой «отмазки». Сами-то они не заработали ничего! Не сделали ничего. Не завоевали ничего. Они тупо проедали наследие предков. Для сравнения снова вспомним книжную серию Александра Дюма о трех мушкетерах. Действие там происходит, как уже отмечалось, примерно за сто лет до революции. Так вот, из всех главных героев только один — Арамис — дожил до «пенсионного» возраста. Остальные — умерли, а большей частью погибли, не дожив до шестидесяти. Веселая у ребят была жизнь. И ведь эти люди были не выдумкой господина Дюма — они реально жили, и жили именно так.

А вот в следующем веке дворяне жили уже куда как тише.

Еще одной проблемой была крайняя замкнутость высшего дворянского мира. Вспомним бессмертную комедию Мольера «Мещанин во дворянстве». Сейчас мы воспринимаем пьесу несколько иначе, чем первые зрители, придворные «короля-солнца» Людовика XIV. Тогда-то главный «прикол» и состоял в том, что такой случай был редчайшим! Потому-то герой так пыжится. Вот зрители и веселились. Эка, мол, куда он полез со свиным-то рылом в калашный ряд!

Опять же для сравнения: в России начала XX века пробиться в дворяне было сложно, но возможно. Лично знаю людей, предки которых стали дворянами «по службе». Среди них, кстати, были — ложитесь, «национал-патриоты» — и евреи. Потомственным дворянином мог стать любой, дослужившийся до полковника или до соответствующего гражданского чина. Недаром герои Белого движения, такие как генерал Корнилов, генерал Марков, в большинстве — выходцы из низов. Ивановы и Петровы сражались как с большевиками, так и за них!

Любой биолог вам скажет: отсутствие притока свежей крови

ведет не к улучшению «породы», а к вырождению. Вот англичане — те поступили умнее. У них в XVII веке тоже случилась революция. Которая была похожа на Великую французскую, как пьяная перестрелка бандитов в кабаке — на Курскую дугу. Хотя и там король не сносил головы.

Так вот, после того, как все более-менее улеглось, новый король Яков I радикально «освежил кровь» дворянского сословия. Был придуман специальный титул «баронета». Любой желающий мог купить этот титул и стать аристократом. Заплатив две тысячи фунтов. Деньги по тем временам серьезные. Но тот, кто мог себе это позволить, — попадал в привилегированный класс. К примеру, известный по классической детективной повести род Баскервилей — потомки удачливых купцов и предпринимателей. Результат был налицо — никаких особо крутых потрясений в Великобритании больше не было.

И еще одно. Король Людовик XVI был, мягко говоря, профессионалом не самого высокого уровня. Ну, что делать? Родился он не на своем месте и не в свое время. Его же многочисленные родственники, как показали дальнейшие события, тоже не обладали ни умом, ни силой воли. Правящая верхушка упорно не желала ничего менять, предпочитая плыть по течению. Вот и доплавались. Все рухнуло. 14 июля 1789 года с падением Бастилии началась совершенно другая эпоха.

Подробно описывать ход революции в этой книге нет смысла. Она — о другом. Но замечу следующее: то, что Наполеон оказался на стороне революционеров, совершенно закономерно. Что он не видел на другой стороне? И терять ему было, в общем-то, нечего. Напомню, что к моменту падения Бастилии он вот уже четыре года сидел без продвижения в чине подпоручика. А перспективы на стороне революционеров были огромные.

Любая революция открывает множество путей, которые социологи называют «социальными лифтами». И возможностей для тех, «кто был ничем», мгновенно «стать всем». Многие взлетают — и тут же падают. А кое-кто и удерживается. И этими «лифтами» пользуются, прежде всего, молодые. Можно вспомнить, к примеру, что на состоявшемся в 1919 году VIII съезде РКП(б) средний возраст делегатов был 22 года! Одному из самых ярких лидеров Французской революции, Максимилиану Робеспьеру, на момент штурма Бастилии исполнился 31 год. Наполеону было двадцать. Революция смела все препятствия на его пути — вроде упомянутого закона 1780 года. Да и вообще все дворянские привилегии. Теперь от человека требовались только ум и энергия. А вот это-то у Наполеона имелось в избытке.

4. Когда умирают иллюзии

Во время бурных революционных событий Наполеон занимает круто радикальную позицию. Как говорится, левее его только стенка. В Валансе он вступает в местный якобинский клуб. Это были «ультра». Как по целям, так и по методам. Цель была — все «разрушить до основанья, а затем…» И далее — по тексту. Без преувеличения. Знай якобинцы «Интернационал», они бы его с восторгом исполняли. Методы якобинцы предлагали соответствующие: если враг не сдается, его уничтожают. Кто не с нами — тот против нас. Забегая вперед, замечу: свою программу они выполнили на 200 процентов…

Историки много спорят о «якобинстве» Наполеона. В конце восьмидесятых такая позиция была все же чересчур радикальной. Большинство революционеров до таких людоедских взглядов еще не докатились. Да и популярность якобинцев тогда была такой же, как у большевиков в марте 1917 года. То есть — практически нулевой. Так что самое простое объяснение — карьерные соображения — отпадает. Не тот это был путь. Примерно то же самое, что сегодня ради политической карьеры вступить, скажем, в Национал-большевистскую партию. Или податься в скинхеды. Ничего «перспективного» из этого не выходит. Проверено.

Вот и перед Наполеоном закрылись двери многих домов — не только «контрреволюционных». Не говоря о том, что и о военной карьере можно было теперь уже забыть навсегда.

Но, с другой стороны, подобные «финты» — скорее, закономерность. Вспомним диктаторов XX века. Сталин и Гитлер — о них все знают. Менее известно, что Мао Цзэдун и Бенито Муссолини начинали, как анархисты. То бишь уж вовсе «левые».

Ничего странного здесь нет. В эпоху крутых революционных потрясений именно экстремисты наиболее соответствуют духу эпохи. И, в конце концов, они берут верх. Политолог Борис Кагарлицкий остроумно сравнил крайние политические течения со стоящими часами. Которые показывают точное время два раза в сутки. Так вот, великая революция — именно «тот самый момент»… Экстремисты — честнее всех. В то время как более умеренные останавливаются на полпути, «ультра» договаривают все до конца.

Так что нет ничего удивительного в том, что будущие «отцы народов» прислоняются в начале к самым крайним. Потому-то они и «отцы», что чувствуют, куда ветер дует. И на что ставить. Люди начинают большую игру. Где ставка — жизнь.

Впрочем, в случае с Наполеоном все было сложнее. В те времена на Францию ему было, по большому счету, наплевать. Он оставался упертым корсиканским националистом. А как же, заметит ехидный читатель, взгляды Бонапарта, описанные выше? Тут нет никакого противоречия. Да, он был сторонником радикальных идей. Только реализовывать их собирался на Корсике. В конце концов, в XX веке, во время русской революции Петлюра по взглядам был радикальным социалистом. Что не помешало ему отчаянно бороться за самостийную Украину. А что? Все логично. Мы у себя наведем такой порядок, какой хотим. Но для начала — пошлем всех вас на фиг.

В 1789 году Наполеон под благовидным предлогом выбивает себе длительный отпуск и отправляется на родину. И там наводит изрядный шорох. До его прибытия Корсика оставалась сонной провинцией. Наполеон начинает активно действовать. Он добивается того, что местный законодательный орган принимает декларацию, приветствующую события во Франции. Подтекст этого очевиден: раз вы там провозгласили свободу, то мы имеем полное право отложиться и жить по своему разумению. Знакомая логика. Вспомните Прибалтику эпохи перестройки.

Однако будущего императора в этом шабаше местного значения быстро задвигают на третьи роли. Вскоре из изгнания прибывает местный вождь и учитель, культовая фигура корсиканцев — Паоли. Наполеон, как все его соотечественники, встречает лидера националистов с полным восторгом. В искренности его чувств сомневаться не приходится. Еще бы! Это — кумир его детства и юности. Живая легенда. Как относился Наполеон к Паоли, говорит следующее. Он делает то, что не совершал никогда больше — ни до, ни после. Бонапарт почтительно набивается к местному кумиру в друзья. Чуть ли не бегает вокруг с заискивающей улыбкой. Все его тогдашние статьи и брошюры сводятся к желанию быть полезным корсиканскому лидеру.

Вообще-то, для начала средненькой политической (и не только политической) карьеры такое начало — дело обычное. Чтобы пробиться в боссы — сперва приходится ради них побегать. Примеров — тьма. Да только вот с характером Наполеона это уж больно не соотносится. Всю свою жизнь он делал карьеру не так и не такими методами. Ну, не такой он был человек, чтобы, простите за выражение, задницу кому-то лизать! Впоследствии Наполеон гордо отказывался от очень заманчивых предложений, суливших куда большие выгоды — потому что это не соответствовало его взглядам на жизнь. А вот тут…

Что ж, юношеские идеалы — вещь сильная. Напомню, что

весь строй мысли Наполеона, все его надежды были связаны тогда с Корсикой и только с ней. Во Франции он в те годы ощущал себя кем-то вроде гастарбайтера. Который вынужден работать на чужбине, потому что дома жрать нечего… В этом, кстати, его отличие от Сталина или Гитлера. Сталин никогда не испытывал особой привязанности к Грузии. Австриец Адольф Шикельгрубер свою малую родину тоже не особо высоко ставил. Фюрера интересовала лишь «германская нация», после Первой мировой войны он в родном Браунау ни разу не был. А вот Наполеон был другим…

Но самое-то интересное — в том, как повел себя Паоли, глядя на такое вот откровенное виляние хвостом. Он демонстративно оттолкнул Наполеона. Не пожелал с ним «играть». У будущего императора получается как в песне Александра Башлачева: он вынужден «протягивать свою открытую руку, чтоб снова пожать кулак».

Самое простое объяснение такого нежелания дружить — в клановых корсиканских пережитках. Наполеон действительно был представителем другого клана. Да и отец Наполеона Карло Бонапарт был, по понятиям Паоли, «предателем». Потому что предпочитал жить с французами в мире.

Но согласитесь, трудно предположить в опытном политическом деятеле, пусть и провинциального масштаба, такую непроходимую ограниченность, понятную разве что в каком-нибудь неграмотном горном пастухе. Занятия политикой быстро отучают от подобной деревенской ксенофобии.

Видел в Наполеоне соперника? Но «ум, честь и совесть» Корсики и молодой, никому не известный офицер — персонажи совершенно разных весовых категорий. А ум и талант Наполеона всяко бы пригодился Паоли.

Проблема была в том, что на самом-то деле Наполеон уже был на Корсике чужаком. Хотя сам, возможно, до поры до времени этого не осознавал. Это похоже на один из рассказов Чехова. Приезжает студент на каникулы домой, в глухую провинцию. Он искренне рад видеть своих домашних, счастлив очутиться на родине. Но вскоре понимает: он для всех — совсем чужой человек. Они говорят на разных языках… Никак он не вписывается в местный пейзаж. Хотя очень этого хочет.

Вот и в случае с Наполеоном — то же самое. Бонапарт жил во Франции, бывал в Париже, прочел бездну книг. И потому, в глубине души, понимает: масштабы уж больно разные. Франция и Корсика…

Глаза Наполеона открываются быстро. Иллюзии рассеиваются. По сравнению с великими делами, творящимися на

«материке», деревенские корсиканские страсти — детский сад. Это в мечтах Корсика была милой родиной. А в реальности — глухая дыра. Подобное отношение проскакивает в его работах времен пребывания на родине. И чем дальше — тем больше. Все более ясно он формулирует мысль: залог процветания родного острова — в совместном развитии с Францией. Понимал он и другое. Время подобных микроскопических государств, осколков средневековья — стремительно уходит. Накатывалось время империй. А политических недомерков все равно сожрут более крутые соседи. Как совсем незадолго до этого Россия, Австрия и Пруссия раздраконили Польшу. Разделили. Захотелось им так — и всё. Взяли и стерли страну с карты. А Польша-то — все-таки не Корсика…

Паоли, умный и чуткий человек, не мог не почувствовать настроений Наполеона. И конечно — не мог одобрить. Дело в том, что культовый корсиканский лидер был по своим взглядам законченным, непроходимым «самостийником». По сравнению с которым Стефан Бандера просто отдыхает. Паоли являлся типичнейшим «человеком одной идеи», на служение которой положил жизнь. Его политические взгляды были просты, как штопор. Пункт первый. Корсика должна быть независимой. Пункт второй. Если имеются какие-то вопросы, смотри пункт первый. И всё. Точка. Паоли даже не пытался задумываться, какой общественный строй он желает видеть на своем острове. И уж тем более — не пытался просчитать, сколько корсиканская «незалежность» продержится. Не волновали его такие мелочи!

Вот тут-то всегда и начинались расхождения. Любой местечковый национализм неизбежно скатывается к оголтелой ксенофобии. А если «местечко» еще и глухое — то обязательно дело сводится к идеализации «старых добрых обычаев». В этом случае перемены, происходящие в метрополии, автоматически проходят как «чуждое влияние». От которых стоит держаться подальше. Вот здесь и была зарыта собака! Наполеон, безусловно, являлся сторонником революции — и наступающих с ней перемен. Хотя бы потому, что лично ему они были выгодны. А вот Паоли был из тех бескорыстных людей, слуг идеи, которые оказываются порой хуже любых проходимцев. В том числе — хуже и для идеи, ради которой они жизнь кладут. Паоли на Корсике оказался в числе самых непроходимых консерваторов. Которые вопили, лишь только речь заходила о каких бы то ни было переменах.

И проблема здесь была даже не в том, хороши или плохи перемены, принесенные французской революцией. Даже если допустить, что они были кошмарны на сто процентов, как тогда

казалось многим. Беда была в другом. Великая французская революция стремительно вкатывалась в неизбежный этап гражданской войны. Когда логика любого революционного правительства сводится к лозунгу: «Дави контрреволюцию!» Да и никакое революционное правительство не горит желанием «отпускать на волю» территории, доставшиеся ему в наследство от старой власти. Лидер английской революции Оливер Кромвель потопил в крови ирландское движение за независимость. В России в 1918 году Тихий Дон тоже решил отложиться, и большевики пресекли это почище Кромвеля. То, что тогда отпустили Прибалтику и Финляндию — это только «от плохой жизни». Грузию и Армению не отпустили. И там «самостийников» было полно. А во Франции уже шла война с мятежной «контрреволюционной» Вандеей. Перед тем, что там творилось, блекнут ужасы «разказачивания».

К тому же Паоли стал заигрывать с главным врагом Франции — Англией, которая поддерживала врагов революции. То есть он откровенно подставлял свой любимый остров под карательную операцию. Мало бы там никому не показалось. К счастью для корсиканцев, в те времена у революционеров до Корсики руки не дошли.

Подробно рассказывать о политической деятельности Наполеона на его родине не имеет смысла. Мелко это все. Да и, честно говоря, нудно. Во многом это походило на какую-нибудь «республику атамана Козолупа» — каких наплодилось множество во время российской гражданской войны. Для нас интерес состоит в том, что чем дальше — тем более Наполеон расходился с Паоли. А значит — неизбежно оказывался в подавляющем меньшинстве. Потому что, как обычно бывает, население увлеченно играло в сепаратизм. Ведь кажется: стоит только отделиться — и заживем, как у Христа за пазухой. Это нам тоже знакомо… Наполеон, шаг за шагом, занял откровенно профранцузскую позицию. Значит — гад, предатель. И вообще «москаль»!

Кончилось все это плохо. Бонапарта по приказу Паоли арестовали — и ничего хорошего ему этот арест не сулил. Наполеону удалось бежать. В родной город ему пришлось пробираться глухими горными тропами. В последний момент Бонапарт успел отправить семью во Францию. Вовремя это он сделал. Озверевшая толпа сожгла отчий дом Бонапарта и разграбила оставшееся имущество. На Корсику путь ему был теперь заказан. У Наполеона не стало больше родины.

Как видим, Наполеон отнюдь не был баловнем Фортуны, как о нем принято думать. Первый период его жизни закончился полным крахом. Он пустил псу под хвост свою военную карьеру — взамен получил шиш с маслом. Его юношеские мечты оказались сплошной иллюзией. Все разлетелось в прах. Наполеон не просто не сумел заняться тем, что полагал делом своей жизни — борьбой за свободу Корсики, он попал в число ее врагов и фактически остался без родины. И ко всему еще — имел теперь на своих плечах бездомное семейство, которое требовалось куда-то пристроить и содержать. Кто-то из мудрых людей сказал, что юность кончается тогда, когда умирают юношеские иллюзии. Если это так, то с июня 1792 года, времени окончательного возвращения во Францию, у Наполеона началась взрослая жизнь.

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ

1. Слава берется с бою

Когда в Париже смылилось все мыло,
С петицией в Конвент явились прачки.
Не плакаться и не просить подачки.
А требовать того, что их кормило.
Над сыплющими пудрой париками
«Горы» и жирондистских депутатов
Махали прачки **красными** руками,
Срывая ход парламентских дебатов.
А депутаты **белыми** платками
Отмахивались от насевших прачек.
И бледный якобинский аппаратчик
Грозил им полицейскими полками.
Но руки прачек были как знамена,
Которых ввек не целовали принцы.
И проголосовали поименно
В их пользу представители провинций.
И председатель с помутневшим взором,
Поправив парика седые клочья,
Указом предоставил полномочья —
Особые — парижским живодерам.
«Тяф-тяф!» Болонок выдали бордели.
И пуделей — балконы и мансарды.
В напуганных предместьях поредели
Голодные и тощие бастарды.
Закон гласил: кто тявкнет — вне закона.
Мулен кричал: «где грязно, там измена».
Меж **красных** пальцев протекала пена.
И намокал воротничок Дантона.

(Е. Сливкин)

В этом небольшом стихотворении, описывающем реальное событие 1793 года, — вся суть Французской революции. Что же произошло? С начала 1793 года нормальная жизнь в революционном Париже совсем расстроилась. И в июне депутация парижских прачек пришла на заседание Конвента и в ультимативной форме потребовала: хоть разбейтесь в лепешку, но мыло нам дайте! Спорить с пролетарскими массами было опасно. И Конвент издал указ, по которому парижские живодеры смогли хватать на улице любых подвернувшихся собак —

основное «сырье» для производства мыла. Даже «благородных» болонок и пуделей, не говоря уж о безродных и тощих «бастардах» предместий. Характерная картинка… Для тех, кто не знает: Мулен и Дантон — революционные деятели, они кончили жизнь на гильотине. Да их-то и не жалко. Но попались и многие другие. Мочили не только бедных собачек, но и людей. За что? А так, на всякий случай. У нас вот теперь модно ругать большевиков за «красный террор». А во Франции было куда хуже. Существовал специальный «декрет о подозрительных», по которому можно было забрать любого. Вот вам, к примеру, не нравится сосед. Пошли и настучали: он, мол, явно сочувствует врагам революции. И — всё. Приезжали и забирали. А во Франции Колымы не было. Все шли под «вышку». Но самое-то смешное — революционеры были по-своему правы! Вот хоть ногами меня бейте, а эти монстры вызывают все-таки больше сочувствия, чем их враги. Потому что у них были хоть какие-то идеи. И лозунг «аристократов — на фонарь» французы понимали просто. Раз все дворяне окажутся на фонарях, обратно требовать «свое законное» уже никто не явится… А землю крестьяне получили? Получили. Феодальный хомут с шеи скинули. И предприниматели перестали чувствовать себя в своей стране людьми второго сорта. Поэтому до поры до времени даже террор воспринимался как неприятная, но необходимая вещь.

Но Бог с ними, со взглядами революционеров. Проблема-то, повторим, была как раз в том, что у их врагов, по большому счету, никаких особых идей не было! Нет, они, конечно, говорили что-то о «легитимизме», то есть о святости королевской власти. Но королю — а потом и королеве — к тому времени уже отрубили головы, и у большинства французов это особенного волнения не вызвало. На принцип легитимизма им было наплевать. Какие еще идеи имелись в запасе у роялистов? А никаких! По сути, вся «белая» французская эмиграция была сборищем людей, которые клянчили у всех европейских государств об одном: «берите, что хотите, только верните нам наши поместья и привилегии». Немногие из них вроде, «отца Одессы» герцога Ришелье, способны были заняться хоть каким-то полезным делом. Большинство же бегало, интриговало, толкая государства, в которых они обосновались, на войну со своей родиной. В России в XX веке нашлись среди «белых» настоящие люди, которые сражались за свои убеждения. А вот во Франции — как-то не сложилось. Ну, в самом деле. Можно уважать генералов Корнилова и Деникина. Да и адмирал Колчак — все-таки он не слабый деятель был. А где вы встретите таких среди тогдашних французских «белых»? Нет их!

Точнее, люди-то были. И не так уж их было мало. Но с

вожаками получилось хуже. Не нашлось. В итоге эмигранты так и не смогли организоваться хоть в какую-то работоспособную структуру. Но мстить — и кушать — хотелось. А значит, эмигранты превращались в обыкновенных платных агентов различных враждебных Франции государств. В первую очередь — Англии, которая их охотно подкармливала. На Родине к ним относились как к предателям. Кстати, написание слова «родина» с прописной буквы — тоже изобретение той революции.

Стоит, наверное, рассказать, откуда пошел и сам термин «белые». Так вот, он пошел не от ангельской чистоты, как теперь пытаются объяснить некоторые. А просто от того, что тогдашний королевский флаг являлся фамильным штандартом династии Бурбонов — белое знамя и три золотые лилии на нем.

Между тем положение Франции было не просто тяжелым. Оно было критическим. Мало кто верил, что революции удастся продержаться хотя бы еще несколько месяцев. Для начала отметим, что в стране царил полный экономический хаос. Когда народ борется за «свободу, равенство и братство», то работать — никто не работает. А раз так… Цены растут, жрать — нечего. И народ в Париже шатался с революционными знаменами и всё что-то требовал. В стране ширились восстания крестьян, которым уже немножко надоел такой «революционный порядок».

И со всех сторон лезли вражеские войска. Дело-то обычное. Как только в стране смута, так сразу появляются «добрые соседи», желающие навести порядок.

Казалось уже всем: этот режим — должен пасть. Но — не вышло! Оказалось вдруг, что люди, когда они идут в бой за идею — может, и ложную, но все-таки эта идея у них в головах имеется… Так вот, оказалось, что эти люди способны совершать чудеса.

Тут надо сказать поподробнее. Наполеон ведь пришел не на голое место. Во Франции уже появилась армия, равной которой в мире не было. Никакой мистики здесь нет. Все очень просто. Армии всех европейских государств были весьма консервативными структурами. В тогдашней войне преобладал принцип «линейного боя». Я вот хочу спросить читателей, служивших в армии: представьте себя в батальоне, идущем по пересеченной местности, шеренгой по фронту в пятьдесят человек. И как вы выполните команду «полуоборот налево?» Вот именно. Не выполните. И я не выполню. Нас так не учили. А тогда именно в этом и была суть маневра.

Для того, чтобы научиться так шагать и поворачиваться, требовались долгие годы обучения (именно с тех пор, кстати, в

армии принята шагистика как средство воспитания). Но у французских революционеров не было времени учиться такому цирку. Офицеры прежней армии, как уже говорилось, были на сто процентов дворянских кровей. Они, спасая себя, в подавляющем большинстве быстро сбежали в эмиграцию. И что было без них делать? Но… Не было бы счастья, так несчастье помогло. Французы придумали новый способ наступления — колоннами. Для тех, кто не служил в армии, поясняю: колонна — это воинская часть, построенная прямоугольником, обращенным к противнику меньшей стороной.

Простое это изобретение оказалось гениальным новаторством. Дело было и в том, что к тому времени уже успели изобрести достаточно скорострельные ружья и пушки, выставлять против которых широкий фронт — смерти подобно. Так что «линейный бой» уже поэтому стал анахронизмом. Но в армиях всех других стран сидели старенькие генералы, которые мыслили по-старому. А во Франции — пришла молодежь. И стала бить всех! Исключение — лишь Александр Суворов. Который долбил французов в хвост и в гриву. Но исключение лишь подтверждает правило.

И все-таки главным в новой французской армии был высочайший моральный дух. Кстати, именно во времена французской революции такое понятие из чисто литературного перешло в область военной науки. До этого большинство генералов держали своих солдат за тупое быдло. Которое должны идти и умирать, куда скажут. И не рассуждать. А тут вдруг выяснилось: люди, которые знают, за что сражаются, способны на невозможное. Каковое они и совершают. Вся история французских войн того времени — как революционных, так и впоследствии наполеоновских — это история солдатских подвигов.

Могут возразить: Суворов тоже ценил в своих солдатах «умение знать свой маневр». Но он, повторяю, был исключением. Над ним в русской армии смеялись как над чудаком. Как, кстати, впоследствии и над его учеником, Кутузовым. И в результате получили позор Аустерлица. Но это было потом…

Вернемся к нашему Бонапарту. К 1793 году во Франции сложилась странная ситуация. Солдаты-то имелись — и очень неплохие — а вот с генералами выходило хуже. Одни подались за бугор. Иных просто прихлопнули под горячую руку — вроде как за измену. Правильно или нет — судить не нам. Но положение получилось паршивое. Руководить было некому, и «на безрыбье» брали кого попало.

Типичный пример генерала, попавшего на пост потому

только, что ставить было некого, — генерал Карто. Он командовал республиканской армией, осаждавшей мятежный Тулон. Этот город был, что называется, знаковым. Над ним развевалось белое роялистское знамя. Конечно же, не обошлось и без оккупантов. Как иначе! Как в стране бардак — тут же набегают добрые соседи, жаждущие и себе отхватить кусочек. Вот и здесь присутствовали все старинные соперники Франции. В бухте стоял английский флот, а в крепости, в компании с местными сторонниками королевской власти, сидели испанские солдаты…

Взятие Тулона было делом принципа. Иначе — мятеж мог перекинуться и на другие города. Как говаривал в другое время другой революционный классик, промедление было смерти подобно.

А генерал Карто особо не суетился. Не потому, что сочувствовал восставшим. Просто он прекрасно понимал свои возможности. Которых было немного. Потому-то он благоразумно и не предпринимал никаких резких движений. Чтобы не опозориться. И хорошо, что не предпринимал. Тем более, что тогда за неудачную операцию легко было отправиться на гильотину. И тут — как в анекдоте. Появляется Наполеон в белом мундире…

Его назначили командовать артиллерией тоже потому, что больше некого было. Подвернулся в Париже приехавший из отпуска офицер — его и послали.

Оказавшись на новом месте, Наполеон оценил ситуацию и предложил план взятия города. Который и осуществил. Фактически — на свой страх и риск. Карто от командования самоустранился.

Не стану утомлять читателя подробным описанием военных действий. Желающие могут обратиться к многотомной литературе на эту тему, написанной более компетентными людьми. Суть же в том, что Наполеон ПОСМЕЛ. Это его качество, как мы еще увидим, много раз приносило ему удачу. Пока другие «щелкали клювом» — он действовал.

В ночь на 19 декабря, после трехдневного артиллерийского обстрела и двух дней отчаянного штурма Тулон был взят. Английский флот вынужден был убраться. Форпост мятежников перестал существовать. Сторонники старого режима не прошли. И, что самое смешное, их остановил человек, который, по большому счету, идейным противником монархии не был. Просто так жизнь складывалась — яркие и талантливые люди оказывались на стороне революции.

Во время наступления Наполеон проявил не только

полководческий талант, но и личную храбрость. А по-другому тогда было и нельзя. Вести в бой штурмовые колонны — дело рискованное. Сам Наполеон расплатился за победу штыковой раной. Впрочем, тогда это было обычным делом. Ран не считали.

Тулон продемонстрировал еще одно достоинство Наполеона — умение «подбирать команду». Он начинает собирать вокруг себя людей. Таких же, как он — молодых, ярких и талантливых. Так, адъютантом Бонапарта становится Андрош Жюно, ставший на всю жизнь одним из самых близких ему людей. Это был человек, кажется, вообще не знавший, что такое страх. Ближайшим помощником Бонапарта стал Жан-Батист де Мюирон, девятнадцатилетний (!) капитан артиллерии. Впрочем, и самому Бонапарту, который теперь стал генералом, было всего двадцать четыре года.

Впоследствии Наполеон всегда считал Тулон поворотным пунктом своей биографии. Так оно и было. Он сумел, наконец, по-настоящему развернуться, продемонстрировать, на что способен.

Наполеон становится заметным человеком. Ему покровительствует Огюстен Робеспьер, младший брат Максимилиана, который был фактическим диктатором Франции. Вообще, отношения Наполеона с якобинцами, которые пришли тогда к власти — дело темное. Якобинцы были людьми идеи. До слез напоминающими русских большевиков. Наполеон же в особой идейности никогда замечен не был. Нет, он, конечно, высказывал в своих статьях революционные мысли. Но… Как-то всё это без особого запала. Не было в нем фанатической одержимости Робеспьера или неистовости другого знаменитого бунтаря того времени — Сен-Жюста. И то, что он оказался в одной компании с ними — вполне закономерно. Они были готовы идти до конца. Невзирая ни на что. Не жалея ни чужой, ни своей жизни. В этом Наполеону было с ними по пути.

Хотя на тот момент не очень понятно — а что ему, все-таки, нужно в жизни? Некоторые историки, подгоняя решение задачи под результат, описывают всю жизнь Бонапарта как целенаправленное движение к власти. Факты этого не подтверждают. В первой половине 1794 года Наполеон выглядит человеком, вполне довольным своим новым положением. Он не пытается лезть в политику, а ведь мог бы попытаться. В феврале его утверждают в звании бригадного генерала и направляют командовать артиллерией Итальянской армии (штаб — в Ницце), где он настойчиво пропагандирует наступательный поход в Италию против австрийцев (продвижению этой идеи помешал антиякобинский переворот 9 термидора в Париже).

К счастью для Бонапарта, он не лез в варившуюся в Париже кровавую кашу «классовой борьбы». Он жил в свое удовольствие. Именно к тому периоду относится первое серьезное любовное увлечение Наполеона. Дело было в Марселе. В этом городе жила теперь семья Наполеона. Бонапарт, который никогда не забывал о родне, часто туда наведывался. Там-то он познакомился с дочерью местного судовладельца, Дезире Клари. Отношения их были весьма романтичны. Свои письма к возлюбленной Наполеон подписывал так: «Твой на всю жизнь». Впоследствии они даже были официально объявлены женихом и невестой. Правда, дальше дело не пошло. По независящим ни от кого причинам. Но о них — речь впереди.

Здесь же стоит затронуть тему, которая до сих пор была как-то обойдена. Отношения Наполеона с женщинами. Конечно, в своем месте мы расскажем и о Жозефине, и о других знаменитых романах императора. Пока что стоит сказать несколько общих слов. В бескрайнем «агитпропе», накатанном роялистами — особенно после их возвращения во Францию — часто выдвигается следующая мысль. Вся бурная деятельность Наполеона была обусловлена тем, что он был маленький и некрасивый — его, мол, женщины не любили, вот он и самоутверждался за счет войны… К этому приложил руку и великий писатель Лев Толстой. Купающийся Наполеон из «Войны и мира» — тип довольно противный.

Все это — чушь. Да, Бонапарт был небольшого роста. Но кому это когда-то мешало? Маленький, но… — как там говорят в народе? А Наполеон был «парнем фактурным». Тем более в молодости, когда не имел еще знаменитого брюшка. К тому же в обращении с представительницами прекрасного пола он был цинично-остроумен, а это женщинам нравилось во все времена. И, кроме всего прочего, обладал незаурядным актерским талантом. Да и вообще, внешность для мужчины — далеко не самое главное. Взять хотя бы современника Наполеона, его же министра иностранных дел — Талейрана. Тот был маленьким, хромым, страшным как война, и совершенно омерзительным типом во всех отношениях. А до старости пользовался ошеломляющим успехом у красивейших женщин своего времени. Почему? А вот поймите.

Так что с женским полом у Наполеона было всегда и всё в порядке. Даже во времена нищей юности. Уже будучи первым консулом, Наполеон попросил кого-то из своих приближенных передать пятьдесят луидоров молодой хозяйке трактира в Валансе. Как пояснил Бонапарт, в те времена он заплатил не за все ужины. Шутка вполне в наполеоновском духе. Трудно себе представить, чтобы трактирщица кормила молодого офицера

исключительно из доброты… Кто когда-нибудь сталкивался с французскими мелкими буржуа, согласится: такого не бывает.

Но это так, шутка. А вообще о мимолетных связях Наполеона известно много. Но он всегда соблюдал чувство меры. Ну, бегал по бабам. А кто не бегал в двадцать лет? Другое дело, что Наполеон никогда, ни в молодости, ни в бытность уже императором, не позволял женщинам вмешиваться в свои дела. А уж тем более — руководить собой хоть в чем-то. Никогда и ни при каких условиях. Вот в этом Бонапарт был кремень. Постель — сколько угодно. А дальше — ни шагу. Его отношение к женщинам отнюдь не было циничным и потребительским. Но старая казарменная острота: «женщина должна, во-первых, лежать и, во-вторых, — лежать тихо» очень к нему подходит. Многих женщин такое отношение просто выводило из себя. Возможно, поэтому впоследствии его мимолетные подружки с удовольствием рассказывали о нем разные гадости. Пересказывать их нет смысла. Откройте любую желтую газетенку и прочтите сплетни о первой попавшейся эстрадной звезде.

2. Последняя соломинка

Все хорошее когда-нибудь кончается. Завершился и беспечальный период в жизни Бонапарта. Для него это было хорошее время. А для страны, вообще-то, — не слишком. Революционный террор дошел уже до точки и до ручки. Машина пошла вразнос и косила всех, кто попадался ей на пути. На гильотину шли уже не «контрреволюционеры» и даже не «подозрительные». С азартом уничтожать друг друга начали вожди.

Лучше всего обстановка того времени описана в романе Анатоля Франса «Боги жаждут». Вчера казнил ты — сегодня приходят за тобой. Дело известное.

В конце концов, кое-кому из вождей это надоело. Потому как жить на пороховой бочке — не слишком приятно.

Якобинской диктатуре пришел конец. Ее лидеры, в том числе и покровитель Наполеона, Робеспьер-младший, в свою очередь отправились на гильотину. «Под раздачу» попали и все их друзья. В том числе и Наполеон. 9 августа его тоже посадили в тюрьму. Это могло для молодого генерала кончиться очень плохо. В те времена не церемонились. Но, в конце концов, Бонапарта отпустили. По некоторым сведениям, за него сильно похлопотала одна из подружек…

Конечно, на свободе лучше, чем на нарах. Но получилось так, что Наполеон снова оказался «вне игры». Дружбы с радикалами новые власти ему не простили. Не доверяли такому человеку. Так что Бонапарт оказался фактически «не при делах». Вернее, это не совсем точно. Его не то, чтобы оттерли совсем… Так, Бонапарту предлагали возглавить дивизию. Не так уж плохо для двадцати четырех лет… Только он отказался. И остался сидеть на половинном — читай нищенском — жаловании.

Советские историки этот отказ обычно объясняют тем, что артиллерист Наполеон не захотел командовать пехотной частью. Поверить в такую трогательную преданность своему роду оружия трудно. Суть, скорее всего, в другом. В том, ГДЕ ему предстояло воевать. Ему предлагали возглавить дивизию, занимавшуюся подавлением крестьянского восстания в Вандее (нынешняя Бретань).

Об этом я уже мельком упоминал. Крестьяне этой провинции как-то не особо прониклись идеями революции. Дело в том, что, во-первых, у французов революционеры землю не раздавали, а продавали. У местных жителей денег на покупку земли не было. К тому же вандейцы не считали себя французами. Они и вправду

— совсем другой народ, с иным языком и обычаями. А тут наехали горожане — чужаки вдвойне — и стали наводить свои порядки. Да еще закрывать церкви и истреблять священников. Вот крестьяне и восстали.

В истории Великой Французской революции есть немало страшных страниц. Но то, что происходило в этой провинции — превосходит все. Это был кошмар, затмевающий даже ужасы российской гражданской войны. Наш «красный» и «белый» террор по сравнению с тем, что творилось там — детский сад и сплошной гуманизм. Обе стороны проявляли совершенно запредельную жестокость. Революционные войска не зря получили прозвище «адских колонн». Они уничтожали целые области. До единого человека. Всех — и женщин, и детей. И, понятное дело, повстанцы отвечали тем же. Не дай Бог попасть кому-то из республиканцев в руки мятежников…

Так вот, Наполеону предложили командовать именно такой вот «адской колонной». Нет, он не был особым гуманистом. Но согласитесь, что служба солдата и работа карателя — это разные вещи. Наполеон, как мы многократно увидим дальше, никогда не останавливался перед жестокостью. Когда она была необходима. Но добровольно лезть в дерьмо — это как-то чересчур…

Так или иначе, Бонапарт остался сидеть в стороне. А жизнь между тем продолжалась. И катилась она в очень нехорошую сторону. Террор, конечно, поутих. Но радости от этого было немного. После уничтожения якобинцев к власти во Франции пришла так называемая Директория. Эти люди внушают уже откровенное омерзение.

Робеспьер и его подельщики были, конечно, жутковатыми ребятами. Но, по крайней мере, они были по-своему честными. Возможно, всё, что они делали, было страшной ошибкой. Но уж себе выгоды они не искали. Счетов в швейцарских банках и сейфов, набитых бриллиантами, после них не осталось.

А вот после них пришла откровенная сволочь. Крови на этих людях было не меньше. Лидер Директории, Баррас, прославился как раз запредельно зверским подавлением монархических восстаний. Поэт Иосиф Бродский сказал: «лучше уж воры, чем кровопийцы». Эти люди были и тем, и другим.

Ребята из Директории явились как циничные вороватые крысы. При якобинцах воровать было сложно, за это очень легко отправляли на эшафот. Как это случилось с одним из лидеров революции, Дантоном. Обвинили его при этом, кстати, в измене (как при Сталине, когда банально проворовавшихся людей ставили к стенке как изменников и «врагов народа»). И в этом нет особой неправды. Для Робеспьера такое поведение изменой и

представлялось.

А вот тут-то «крысы» дорвались! Крали все, кто мог и сколько мог. Никто даже особо не стеснялся и не прятался. Лови момент! Вот все и ловили. Вовсе не стесняясь. Наоборот, Баррас и компания выставляли свои гнусности почти напоказ. Современники утверждают, что не было таких пороков, которыми бы он не обладал. И все это демонстрировалось честному народу с эдаким веселым цинизмом. Для деятелей Директории и им подобных революция и была только лишь средством дорваться до хорошей кормушки и завалиться в нее с ногами. Читая его биографию, постоянно хочется вымыть руки…

Но даже это было бы только половиной беды. Главная проблема заключалась в том, что Директория, кроме как воровать и с довольным хрюканьем валяться в грязи, ничего более не умела. При ней ситуация, и без того тяжелая, начала стремительно ухудшаться. Когда наверху воруют, внизу героически сражаться не станет никто.

Подняли голову и старые враги — роялисты. Казалось, они дождались своего часа. За годы революции, к тому же, эмигранты изрядно поиздержались, им не терпелось вернуть свои поместья и привилегии. И, что даже важнее — отомстить! Всем припомнить всё! А потом забыть годы революции, как страшный сон.

Их шевеление становилось все сильнее. Монархисты даже особо не таились. И в самом деле… Директория успела уже надоесть всем хуже горькой редьки. Небогатые — не то что бедные, а уже и просто небогатые парижане — откровенно голодали. И не было уже никакой «идейной накачки». При якобинцах, как и при большевиках, хотя бы говорили: потерпите, вот побьем всех врагов, тогда заживем… Теперь перспектива все более терялась в тумане. Это очень походило на обстановку, которая сложилась в Советской России в середине двадцатых годов. Тогда многие простые люди, до того горой стоявшие за большевиков, стали во весь голос говорить о том, что вожди «зажрались». Перечитайте стихотворение Маяковского «О дряни». Очень симптоматичная вещь.

Да и вообще — народ устал от революции. Ну, достал весь этот цирк! Хотелось чего-нибудь определенного. Конкретного, а не бесконечной болтовни. Тем более, что теперь представители власти даже и не делали вид, что сами верят в то, о чем говорят. Маятник качнулся в другую сторону. И это нам тоже знакомо. Наверное, каждый знает вполне приличных людей, не шпану, которые в 1991 году под триколорами самозабвенно орали: «Да здравствует Ельцин!», а два года спустя, уже под красными знаменами, — «Банду Ельцина — под суд!»

В конце сентября 1795 года роялисты решились наконец на открытое выступление. Сила была теперь на их стороне. На стороне монархистов оказалась и Национальная гвардия — нечто вроде городского ополчения. К ней, разумеется, присоединилась и многочисленная парижская шпана — те самые «революционные массы», которые за несколько лет до этого свергали королевскую власть. Да ведь шпане-то — всё едино.

Роялисты решились на открытое выступление, и план их был прост — двинуться всей массой на Дворец Тюильри, где заседал парламент, и разогнать всех к чертовой матери. Установить «белую» диктатуру. А потом торжественно призвать Его Величество Короля.

По разным оценкам, силы повстанцев насчитывали от двадцати пяти до сорока тысяч человек. А вот Директорию защищать никто особо не рвался. Большинство предпочитало сидеть и ждать, откуда ветер подует. Командир парижского гарнизона, генерал Мену, откровенно играл с мятежниками в поддавки. Директория, увлеченная хапаньем, опасность заметила слишком поздно. Как пел Владимир Высоцкий: «И пока я наслаждался, пал туман и оказался в гиблом месте я». Наступило похмелье. Члены Директории заметались, словно загнанные в угол крысы. Положение у них было невеселое. Рассчитывать на то, что монархисты захотят с ними договориться по-хорошему, не приходилось. К чему? Влияния и авторитета в стране Директория больше не имела, а зачем договариваться с политическими трупами? А вот крови, напомню, на них было много. И многие из «белых» имели к ним — именно к ним — весьма серьезные личные счеты. К примеру, Баррас пачками расстреливал священников. Только за то, что они были таковыми. Уж он-то на сто процентов был даже не военным, а просто уголовным преступником. Бешеной собакой, которая после победы роялистов не прожила бы и двух дней.

Сил, повторюсь, в Париже не было. Дворец Тюильри охраняли около пяти тысяч человек. И те явно не были намерены сражаться, как панфиловцы. Даже возможности бежать не было. Куда? Баррас не сумел бы отъехать от Парижа и двадцати километров — и украсил бы своей особой одно из придорожных деревьев.

Человек этот был, конечно, редкой сволочью, но вот трусом он все-таки не был. И когда его подельщики полностью потеряли голову, он продолжал мучительно искать путь спасения. Обычно в такой момент у смелого человека мысли обостряются до предела. И он нашел его — выход! Откуда-то из глубин памяти всплыло имя: «Наполеон Бонапарт».

3. Против лома нет приема

И вот будущий император предстает перед нынешним главой государства. По воспоминаниям современников, Наполеон в то время имел довольно непрезентабельный вид. Точнее, просто потасканный. Длинные спутанные волосы, донельзя потрепанная одежда. Но выбирать не приходилось. И Бонапарт получает от Барраса предложение подавить мятеж. Наполеон думает две минуты. И — соглашается.

Надо сказать, что сам Бонапарт откровенно презирал Барраса и всю его компанию. Да и шансов на победу, на первый взгляд, было немного. Ничтожно мало. Но Наполеон идет вперед. Почему? Это был ЕГО шанс. После Тулона Наполеон вновь свято поверил в свою «звезду». Судьба давала козырную карту. Так почему бы не сыграть? Впоследствии он признался: «Если бы эти молодцы (мятежники. — *А. Щ.)* дали бы мне начальство над ними, как у меня полетели бы на воздух члены Конвента!» Но те не догадались. Им не повезло.

Жребий был брошен. Наполеон не мог не понимать, что теперь мосты уже сожжены. Подавления мятежа ему бы уже не простили. Поэтому он заявляет Баррасу: «Я вложу шпагу в ножны только тогда, когда все будет кончено».

Теперь необходимо было действовать. Требовалось победить одним ударом — да так, чтобы надолго отбить желание бунтовать. И вот тут мы впервые видим еще одно качество Наполеона, которое позднее приведет его к славе. ОН НИКОГДА НЕ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ В ВЫБОРЕ СРЕДСТВ. Как гласит одно из старых ковбойских правил: «достал оружие — стреляй».

Наполеон оценивает ситуацию не как политик, а как артиллерист. И находит простое и гениальное решение: пушки! Это было сильным ходом. Не только потому, что этот вид оружия обладает более мощной убойной силой, нежели ружья. Даже тогдашним пушкам противостоять в городе и двадцать тысяч человек не сумели бы. Расчет был в другом. В то время это оружие считалось сугубо полевым, или осадным. В уличных боях их почти не использовали. А уж в Париже во время многочисленных гражданских разборок орудия вообще никогда не применяли! И не из гуманизма. Мы уже видим, что война по всей Франции шла свирепая. Но вот просто… Мозги как-то не доходили. Инерция мышления. Ведь война — одно, а полицейские методы — совсем другое. Между прочим, участники московского декабрьского восстания 1905 года тоже совершенно

обалдели, когда по ним стали лупить из трехдюймовок. Они этого никак не ожидали.

Так что расчет был не только на боевой, но и на психологический эффект. Тем более что монархисты в большинстве своем были не профессиональные воины, а национальные гвардейцы. То есть горожане, взявшие ружья. Это вам не последующие наполеоновские солдаты, которые, было дело, погибали под огнем до последнего человека, но не отступали. Эти были послабже.

Итак, выход был найден. Осталось воплотить его в жизнь. Что тоже оказалось не простым делом. Пушки где попало не валяются. Ближайшие сорок орудий находились в военном лагере в нескольких километрах от Парижа. Их надо было протащить сквозь город, который фактически контролировали восставшие. Этот приказ согласился выполнить молодой кавалерийский офицер. Согласился. А ведь мог бы и «послать»… Авторитета в армии у Наполеона пока еще не было. Про Тулон все давно забыли. Но офицер тут же поднял своих людей и весело бросился исполнять приказ. С этой минуты он шагнул в бессмертие. Его звали Иоахим Мюрат.

Как многие «птенцы гнезда наполеонова», Мюрат был человеком «без корней». Сын трактирщика, долго тянувший солдатскую лямку в нижних чинах и только теперь к двадцати восьми годам получивший первый офицерский чин. Он, прямо скажем, не обладал особенным умом. Зато умел добиваться успеха там, где это казалось невозможным. К тому же обладал совершенно уникальной храбростью. Даже в те времена, когда «безбашенность» считалась у кавалеристов нормой, удаль Мюрата была чем-то запредельным. Как полководец он мало что из себя представлял. Но вот как исполнитель…

Что он и доказал во время первой встречи со своим будущим императором. Приказание Мюрат выполнил блестяще и не особо мудрствуя. Он просто пустил упряжки с орудиями вскачь, сшибая все, что попадалось на пути. Патрули мятежников только крестились вслед. Как потом оказалось, они даже не поняли, что произошло. Или не придали этому значения.

Орудийная позиция была выбрана исходя из принципов, по которым Наполеон будет действовать потом десятки раз. В те времена уже существовали достаточно скорострельные пушки. Только вот большинство командиров не особо понимали, что с этим добром делать. Как правило, орудия расставляли на равном расстоянии по всему фронту. Что особого эффекта не приносило. Но Наполеон был артиллеристом по призванию! Именно он

сделал артиллерию «богом войны».

Тут немного отвлечемся. В тогдашней иерархии родов войск артиллеристы были, скажем так, далеко не первыми парнями на деревне. Выше всех стояла кавалерия, особенно легкая (гусары, уланы). Потом следовала пехота. А ниже «работников бронзовых стволов» были уже всякие там саперы. Артиллеристы? Да что это за воины, они даже лицом к лицу с врагом не встречаются! Недаром ведь даже лучший полководец предыдущей эпохи, Александр Суворов, отдавал предпочтение штыковому удару.

Наполеон вполне оценил смертоносную силу пушек. И он сосредоточил артиллерию на самом ответственном участке. Бонапарт выбрал мост через Сену, по которому не могли не пойти повстанцы. Впрочем, они не успели даже начать боевые действия.

Утром 5 октября (13 вандемьера по революционному календарю) восставшие стали скапливаться на другом берегу. Они никуда не торопились, они были уверены в победе.

Наполеон открыл огонь первым. Грянули сорок орудий…

Эффект беглого огня был страшным. Роялистов буквально сметало картечью. Их воинственное настроение мигом улетучилось. Да и что могли они сделать? Мятежникам, еще совсем недавно уверенным в победе, оставалось лишь поспешно отступать. Вернее — бежать. Разбегаться кто куда, прятаться и пытаться выбраться из города. Все было кончено.

Для Наполеона эта победа имела огромное значение. Тулон был для него, скорее, моральной победой. Теперь же он по-настоящему был на коне. Спаситель Республики! Правда, пока что Баррас и компания полагали, что Наполеон — это большой кулак или дубина, которую всегда можно будет использовать когда надо, но не больше. Актерские и политические таланты Бонапарта еще не развернулись в полной мере. Но он — все понимал. И великолепно «косил» под туповатого солдафона, у которого две извилины — и те следы от треуголки.

Думал ли он о захвате власти теперь? Никаких подтверждений этому нет. Хотя… Два пламенных желания у него имелись. Первое — получить поле деятельности, где можно развернуться во всю ширь. Обычно гении — а в том, что Наполеон принадлежал к их числу, сомневаться не приходится — прекрасно осознают меру своих сил и возможностей.

Второе желание у него было — убраться как можно дальше от этой вороватой шпаны. Потому-то и начал он потихоньку «пробивать» идею своего назначения командующим итальянской армии. Это устраивало и Барраса. Убрать опасного союзника, который может стать соперником, подальше от Парижа. Но

итальянские походы — об этом уже в следующей главе.

А пока стоит заметить еще одну вещь. Как это ни парадоксально, но в те дни Наполеон спас Францию. Конечно, не тем, что уберег от веревки Барраса, по которому та горько плакала. Могут возразить: он спас революцию, о ценности которой можно поспорить. А что было бы плохого, если бы к власти пришел законный король? Не было бы стольких лет кровавых войн? Так-то оно так…

Да только вот вопрос: ЧТО начали бы творить пришедшие к власти роялисты? Вспомним историю. Когда через двадцать лет эмигранты все-таки вернулись, — выяснилось: даже за эти годы они ничего не поняли и ничему не научились. И начался «белый террор», свистопляска, сделавшая возможными «Сто дней» Наполеона. Хорошо еще, что в 1815 году эти самые роялисты сидели, подпертые штыками союзников. И личный враг Наполеона император Александр I приказывал и умолял их: вас здесь не любят, ради всего святого, не делайте резких движений! Но Бурбоны все равно таких дров наломали, что в 1830 году после Июльской революции их снова вышибли вон. Уже навсегда. А многое из того, что создал Наполеон, осталось до нынешнего дня.

А если бы они вернулись в 1795-м? Когда они еще были полны сил и надежд? Когда они еще не стали, (или не понимали, что стали) откровенными куклами в чужих политических играх? Первым делом стали бы вешать революционеров и всех, кто попал под горячую руку. Потом начали бы увлеченно пороть крестьян и — что главное — отнимать у них обратно «свою законную» землю.

Мужикам всех стран, честно говоря, плевать на то, король сидит в столице или парламент. А вот за землю они готовы глотки рвать. В 1918 году на Украине, с приходом немцев, помещики попробовали отбирать свои вотчины назад. В итоге получилась армия батьки Махно, «красные партизаны», «зеленые» и так далее и тому подобное. Мало никому не показалось.

А ведь, в отличие от российских крестьян, французы землицу-то получали не на халяву. Они ее выкупали! За свои, кровные. Так что с возвращением «законного режима» сказочка быстренько началась бы сначала. И было бы еще несколько лет кровавой каши. А там — опять же в белом фраке — пришел бы все тот же Наполеон. И далее — по тексту.

4. Завязка знаменитого романа

Читатель ждет уж рифмы «розы»?
На вот, возьми ее скорей.

(А. Пушкин)

Думается, многие из тех, кто решил прочитать эту книгу, перелистывая страницы, думают: «когда же автор дойдет до Жозефины?» Ну, вот — дошел.

Забавно все-таки устроено наше сознание. Об этом романе императора слыхали даже те, кто думает, что Аустерлиц — это название рок-группы. Хотя, на самом-то деле, история любви Наполеона и Жозефины донельзя банальна. Такое случается во все времена и во всех странах. Между тем в беспредельном море литературы о Наполеоне тема его взаимоотношений с первой женой занимает весьма почетное место. Об этом написана бездна слезливой чепухи. Но, в общем, оно и правильно. Жизнь Наполеона уж больно похожа на хорошо написанный приключенческий роман. А какой роман обходится без мелодраматической линии? А может быть, людям просто приятно сознавать, что человек, которого боялась вся Европа, никакой не небожитель? Что его, такого крутого и гениального, на раз окрутила ловкая бабенка…

Кого-то, кто читал художественные произведения, где автор трактует образы наших героев по-другому, такой цинизм возмутит. Что ж, давайте посмотрим на факты. Забыв на некоторое время, что речь идет не о всемирно известном герое, а, скажем, о свадьбе обычного молодого человека, вдруг успешно рванувшего вверх по карьерной лестнице.

Итак, Мари-Жозефина Таше де ла Пажери. Ее родиной был солнечный остров Мартиника, который в те времена являлся французской колонией. Белые жители подобных экзотических мест, на которые во время дележа колониального пирога успела наложить лапу Франция, назывались креолами. По нравам и темпераменту они весьма сильно отличались от французов. Понятно, не в сторону большей меланхолии. Это уж закон природы — чем солнце жарче, тем более горячие люди под ним живут. Жозефина отнюдь не была исключением. К моменту встречи с Наполеоном ей было тридцать два года, то есть на шесть лет больше, чем будущему мужу. Один раз Жозефина уже

успела побывать замужем. Что чуть не кончилось для нее большими неприятностями. Дело в том, что ее супруг, виконт Александр де Богарне, имел несчастье попасть под революционный террор. В 1794 году ему отрубили голову. Это бы ладно, да только вслед за мужем чуть было не потащили на гильотину и жену. В тюрьму ее уже посадили. Так что если для Бонапарта падение Робеспьера было большим несчастьем, то для нее — совсем наоборот.

Об этом факте своей биографии Жозефина любила при случае мельком упоминать. А как же! Пережитые страдания придают женщинам шарм…

Репутацию Жозефина имела довольно веселую, сплетен о ней ходило много. Особой красотой она тоже не отличалась. Да и, как выяснилось впоследствии, была она достаточно пустой женщиной, которую более всего интересовали роскошь и светская жизнь. Но — было в ней что-то… Обаяние. Шарм. Умение себя подать. Возможно, с женщинами такого сорта Наполеону раньше сталкиваться просто не приходилось. Жизнь его протекала в других измерениях. К тому же Наполеон, в силу своего патриархального воспитания, был, в смысле морали и нравственности, человеком достаточно строгих взглядов. Это неоднократно подтвердится, когда он станет императором.[2] Но, как показывает жизнь, именно люди подобного консервативного воспитания пачками падают к ногам обаятельных «авантюрьерок». И начинают вести себя совсем по-другому.

В общем, Наполеон влюбился. Всерьез и надолго. К своей цели он пер с настойчивостью танка, не обращая внимания ни на что. Напомню, что у него на тот момент имелась невеста — Дезире Клари. Экая мелочь! Наполеон, если говорить прямо, просто послал ее подальше. Все мужчины — подлецы, не правда ли, уважаемые читательницы?

Но еще более свидетельствует о силе чувства Наполеона другое. Как я уже упоминал, Бонапарт был сыном, каких поискать надо. Он всегда заботился о матери, неизменно был с ней почтительным. В личных делах он, как правило, весьма ценил ее мнение. До открытых конфликтов между матерью и сыном за всю «наполеоновскую историю» дело доходило лишь раза два или три. Это при том, что мадам Летиция была не из смирных. Она никогда не считалась с тем, какое положение занимает ее Наполеон. Всегда прямо, не стесняясь в выражениях, не смущаясь свидетелями, она говорила сыну все, что о нем думает.

Так вот, случай с Жозефиной как раз и был первым таким конфликтом. Что могла думать женщина с Корсики (а это почти «восточная женщина») о такой вот «авантюрьерке»? К тому же,

будучи женщиной чрезвычайно умной и умудренной опытом, Летиция прекрасно видела, во что все это выльется. Так что можете представить себе — на основе собственного опыта или латиноамериканских сериалов — что говорила мать сыну.

Рискну в качестве художественного отступления предложить свой вариант:

— У тебя есть голова на плечах? На ком ты собрался жениться? Она на шесть лет старше тебя! Да про нее весь Париж языками чешет! Ладно, если над тобой все будут хихикать, так ты еще опозоришь весь наш род! Была у тебя невеста — хорошая, чистая девушка. А ты связался невесть с кем…

Однако на этот раз Наполеон остался к словам матери глух. Любовь — не картошка… Так или иначе, но 8 марта 1796 года состоялась свадьба. Пикантность ситуации добавляло то, что одним из свидетелей со стороны жениха являлся Баррас. А по Парижу ходили упорные слухи, что Жозефина была раньше его любовницей. Впрочем, кто только не побывал в любовницах Барраса…

Впоследствии Наполеон доказал свои искренние чувства. Из итальянского похода он писал Жозефине по нескольку писем в день. «Я люблю ее до сумасшествия», — признавался он в письмах к друзьям. Это, заметьте, говорил человек, которого вообще-то трудно назвать очень уж романтичным…

Могут спросить: а что же Жозефина? Какие она испытывала чувства к мужу? Достоверного ответа на это нет. Каждый, кто об этом писал, трактует вопрос по-своему. Но если поглядеть цинично… Счастливая невеста была в возрасте, который по тем временам считался уже весьма солидным. Особых денег у нее не было. Мужнин аристократический титул ничего не значил — во время Республики титулы были запрещены. Да и вообще, быть тогда во Франции аристократом было похуже, чем в сегодняшней Москве — «лицом кавказской национальности». Очень уж их сильно не любили. А тут — молодой генерал, который бодро идет в гору.

По ходу рассказа я еще не раз буду возвращаться к отношениям Наполеона и Жозефины. А пока что счастливая жизнь началась. И продолжалась два месяца. Потом Наполеон уехал в Италию. А семейная жизнь… Летиция оказалась права. Как только Наполеон скрылся из вида, началась старая как мир история: «муж уехал в командировку»…

Забавно, кстати, как сложилась жизнь его несостоявшейся невесты. Дезире Клари вышла замуж за сподвижника Наполеона,

Жана Батиста Жюля Бернадота. Впоследствии он стал у Наполеона маршалом. А после того, как в 1810 году шведский король, решив дружить с Францией, его усыновил, Бернадот пролез в наследники тамошнего престола. И фактически стал управлять Швецией, в 1814 году взошел на престол под именем Карла XIV Иоанна. А Дезире, соответственно, стала королевой.

Бывший маршал Франции благополучно «кинул» Бонапарта в 1812 году. Тот рассчитывал на его помощь в походе на Россию. Но Бернадот уже достаточно обтерся в Швеции, чтобы понять: Франция далеко, а Россия под боком. И предпочел договориться с Александром I. А в 1813-м под Лейпцигом вообще сражался против Наполеона.

Бернадот благополучно правил Швецией аж двадцать шесть лет. То есть пережил Наполеона не только на троне, но и на этом свете. Дезире могла злорадствовать.

Самое смешное, что у Его Величества во всю грудь красовалась татуировка: «Смерть всем королям и тиранам!» — память о бурной якобинской юности.

ВОЙНА — АЗАРТНАЯ ИГРА

Далеко шагает, пора унять молодца!

(А. Суворов)

1. Как сделать шпану солдатами

Армия, которой должен был командовать Наполеон, была тем еще войсковым соединением. Впрочем, стоп. Для начала имеет смысл пояснить, что, собственно, эта армия собиралась делать в Италии.

Как уже упоминалось, кроме гражданской войны революционная Франция вела войну и со внешними врагами. Боевые действия то затухали, то разгорались с новой силой. Причин этой войны много. С одной стороны, когда в какой-либо стране бардак, соседи всегда спешат вмешаться и получить что-нибудь для себя. Австрия имела с Францией давние взаимные претензии. Англия, конечно же, обрадовалась случаю ослабить свою вековую соперницу. Тем более, что имелся и веский повод — «защита интересов законной династии». Но дело не сводилось к простому желанию пощипать под шумок соседа.

Все обстояло сложнее. К концу XVIII века европейская политическая система достигла некоторой стабильности. Нет, воевали, конечно. Как и всегда. Но все было достаточно предсказуемо и как-то не всерьез. Повоевали, постреляли, да и помирились. В общем, определились некие правила «джентльменской игры», по которым велась европейская политика. Читаешь дипломатические документы того времени, и все кажется: тогдашние вершители европейских судеб, лидеры «великих держав» ведут себя так, будто играют по сети в компьютерную стратегическую игру. Вот один выиграл, другой проиграл. Ну что же, пошли теперь пиво пить…

Международная политика строилась на личных отношениях, на связях, на династических узах. В общем, эдакая большая семья, в которой часто скандалят, порой и дерутся — но не до смерти же… Все было вполне предсказуемо и даже респектабельно.

И тут появляется революционная Франция. Которая возникла в силу совершенно непонятных для тогдашних политиков причин. Которая существует по непостижимым законам. А потому эта страна — абсолютно непредсказуема. Что этим французам надо? Какие еще коленца они там способны выкинуть? А вдруг этот кошмар и у нас начнется? Такое же отношение у «великих держав» было и к большевикам в двадцатые годы двадцатого века.

Стабильная привычная система затрещала и зашаталась. Это было страшно. Автор этой книги — большой любитель стратегических компьютерных игр. И прекрасно представляет чувства, кои возникли бы, если бы в его компьютере одна из «сторон» мало того, что стала бы вести себя «не по правилам» —

так ее войска полезли бы еще из экрана, грозя смести всё вокруг.

Но так оно и было. Революционная Франция не являлась исключительно обороняющейся стороной, она вела и наступательные, а если уж честно — откровенно захватнические войны. Так, республиканскими войсками было захвачено королевство Бельгия. И по-простому присоединено к Франции. Экспорт революции в чистом виде. Привет товарищу Троцкому.

Намечавшийся итальянский поход тоже не был для французов оборонительным. Франция собиралась сыграть на опережение и нанести удар по силам антифранцузской коалиции. В то время в нее входили Англия, Австрия, Россия, а также множество всякой пузатой мелочи вроде некоторых мелких итальянских государств. Но игра на опережение — это, согласитесь, все-таки не оборона…

Одним из театров военных действий была Италия. Тогда она представляла собой типичный осколок средневековья. Ряд небольших государств, которые часто становились игрушками в руках более сильных. Австрия была одним из таких «кукловодов». В союзе с ней воевало в числе прочих Сардинское королевство. На этом поле и предстояло сражаться Наполеону. То был далеко не самый важный участок войны. Из Южной Франции ему предстояло нанести удар по Сардинии, на территории которой имелись и австрийские войска. Цель — чисто вспомогательная: отвлечь часть вражеских сил, пока другие генералы будут разбираться собственно с Австрией.

Но возвращаюсь к тому, с чего начал главу. Армия досталась Наполеону не самая лучшая. Укомплектована она была сплошь «революционными кадрами». То есть, проще говоря, всяческой шпаной — как французского, так и итальянского происхождения. И это бы еще ладно. Испокон веков в войска набирали не самых лучших граждан — и ничего, воевали. Дело было в другом. Как поется в песенке кинофильма «Трое в лодке (не считая собаки)», «главное в войнах — это снабжение». А вот оно было ни к черту. Армия снабжалась «по остаточному принципу». Да и все, что выделялось, разворовывалось по дороге. О нравах времен Барраса мы уже знаем. В итоге… Солдаты забыли, когда получали жалование. Не было продовольствия. Не хватало даже сапог. А ведь война того времени — это «война ног», вся суть тогдашней стратегии — бесконечное маневрирование, то есть многокилометровые переходы. Попробуйте-ка потопать босиком по гористой Италии…

Что делает солдат, когда у него такая жизнь? Либо дезертирует, либо крадет и грабит все, до чего может дотянуться.

Так что к приезду Наполеона это была уже не армия, а, скорее, банда бомжей и уголовников.

Вдобавок высшие офицеры встретили нового начальника отнюдь не хлебом-солью. Нигде, а особенно в армии, не любят, когда руководить ставят «варяга». Да и кто такой был Наполеон в глазах старых вояк, которые уже успели за годы революции отличиться в серьезных сражениях? Выскочка. Ведь даже его победа в Тулоне — это победа над французами. О парижской победе и говорить нечего. Полицейская операция. Так что к приезду Наполеон в армии его воспринимали как генерала, получившего назначение исключительно «по блату».

Генералы Массена и Ожеро, Лагарп, Серюрье были равны Наполеону по званию. Кроме того, они успели отличиться, сражаясь с внешними врагами. Да и, как на подбор, были здоровенными и плечистыми детинами. Так что на Бонапарта они могли смотреть сверху вниз даже в прямом смысле.

Но вот тут-то Наполеон и показал зубы. Он заставил с собой считаться! Продемонстрировал, кто здесь главный.

Произошло это так. Наполеон пригласил генералов к себе в палатку. Они пришли — высокие, плечистые и громогласные. Бонапарт встретил их в шляпе. Потом пригласил их сесть, сел сам, и шляпу снял. Генералы — тоже. И вдруг во время разговора Наполеон резко надел шляпу снова. И так посмотрел на остальных, что они не посмели повторить его движение…

Сыграно блестяще. И очень доходчиво.

После этой беседы Массена, который был отнюдь не робкого десятка, признался:

— Ну, нагнал же на меня страха этот малый.

А во время одной из первых встреч Наполеон сказал Ожеро знаменитую фразу:

— Генерал, вы ростом выше меня ровно на одну голову. Но если вы будете мне грубить, то я немедленно устраню это отличие.

Видимо, сказал он это достаточно внушительно. Так же он вел переговоры и с другими.

Да, страху нагнать новый командующий сумел.

«Приходится много расстреливать», — доносил он Директории в Париж. И в самом деле, казнокрадов из числа снабженцев он стал расстреливать пачками. Что тотчас же повысило его рейтинг среди солдат. Покажите мне армию, в которой любят интендантов.

Но все-таки не это главное. Наполеон напомнил о другом. Напомнил об извечном законе войны, о котором в

«цивилизованном» XVIII веке как-то старались вслух не вспоминать. Любая война ведется с целью грабежа. Никаких других целей у войны нет. Так что ж париться и ждать у моря погоды? Если нет денег, нет еды, нет сапог — надо идти и брать! Эта простая мысль сформулирована в воззвании Наполеона к армии:

«Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены… Я хочу повести вас в самые плодородные страны на свете…»

Вот так. Никаких вам высоких слов. Все просто: хочешь есть, — пойди и отними у врага. Армия должна сама себя кормить. И всё тут. Наполеон знал, что и когда говорить солдатам. Его слова произвели нужное впечатление. Теперь он мог быть уверен в своей армии.

2. Этих дней не смолкнет слава

Уже не раз упоминал я об одной из самых ярких черт Наполеона — умении ставить на карту все, не считаясь с возможным риском. Что это было? Фанатичная вера в свою «звезду»? Азарт крупного игрока? Можно думать что угодно, но именно это качество приносило ему удачу. Однако только теперь оно проявилось в полную силу. Да, в Париже, выставляя пушки против повстанцев, он тоже сильно рисковал. Но это несравнимо с маршем в Италию, который Наполеон совершил с 5 по 9 апреля 1796 года. Дорога армии пролегла по так называемому «карнизу». Это была извилистая, узкая прибрежная полоса. Самый близкий и быстрый путь, но при этом чудовищно опасный. В море крейсировали английские корабли. Стоило им «засечь» двигающуюся армию — и песенка Наполеона была бы спета. Дорога на всем протяжении великолепно простреливалась с моря — укрыться было просто некуда. Мощные пушки английских фрегатов оставили бы от французской армии одно воспоминание…

Но риск себя оправдал. Англичанам просто в голову не пришло, что кто-то отважится на такое безумие. Их корабли болтались где-то в море. Не приходила мысль о таком смелом маневре и командованию находившихся в Италии австро-сардинских войск. Они ждали французов откуда угодно, только не с той стороны. И в итоге получили по полной программе.

Первое сражение произошло 12 апреля. Разутые и голодные солдаты, внешне более похожие на бродяг, расколошматили одну из частей австрийской армии в пух и прах. Не дав солдатам передохнуть, Наполеон бросил свои войска на сардинцев… И опять — полная победа. Здесь впервые проявилось в действии золотое правило наполеоновской тактики — собирать свои силы в кулак и бить противника по частям, не давая ему собраться с силами. Главное тут — не заморачиваться на всякие сложные комбинации. Лупить всех, кто попадется на пути, а там видно будет. Наполеон, а не Ленин, сказал фразу: «главное — ввязаться в драку».

Итальянская эпопея получила название «шесть побед в шесть дней» и является с тех пор одной из самых ярких страниц не только в биографии Наполеона — а вообще в истории военного искусства. Ее изучают будущие офицеры всех стран. Как единодушно говорят историки, даже если бы Бонапарт ничего больше не совершил, он и этими битвами уже обеспечил бы себе почетное место в истории.

Далее пошло в том же духе. Не стану подробно излагать хронику этих сражений. Достаточно сказать, что победы следовали одна за другой. В одном из сражений, 10 мая, Наполеон продемонстрировал, что он не только умеет посылать других под пули, но и сам идет в огонь, если это требуется. Во главе гренадерского батальона Бонапарт пошел в атаку на сильно укрепленный мост, являвшийся «ключом» ко всей австрийской позиции. Противника выбили.

Это был не единичный подобный случай. 15 ноября того же года произошел легендарный эпизод на Аркольском мосту. Наполеон со знаменем в руках возглавил колонну, наступавшую на укрепленный мост. Дело было жаркое. Почти все, кто наступал в первых рядах, рядом с Наполеоном, были убиты. В том, что он не получил при этом ни одной царапины, многие были склонны видеть знак судьбы. А уж суеверный Бонапарт точно увидел…

Судьба — материя тонкая. Но на этом хрестоматийном случае стоит остановиться по другой причине. Да, Наполеон лез под пули. КОГДА НАДО. Тот же Аркольский мост обороняли отборные австрийские части. Они три раза скидывали с него прорывавшихся французов. Сражение входило в нехорошую фазу, когда республиканские войска могли дрогнуть. И — пиши пропало. Тогда — и только тогда — Наполеон лично возглавил атаку.

Это — к тому, что Наполеон не боялся риска, не боялся смерти. Но никогда не играл он с Костлявой без необходимости. Из одного куража. И до поры до времени не испытывал желания лично махать шпагой — или просто лишний раз демонстрировать свое бесстрашие. А между тем подобное поведение было тогда у больших военачальников весьма в почете. Этим отличался, скажем, «храбрейший из храбрых» маршал Ней. Можно еще вспомнить ставшую классической историю про русского генерала Милорадовича, который во время Бородинского сражения выпивал и закусывал на переднем крае под огнем французских пушек.[3]

Наполеон такое поведение старших начальников считал в высшей степени глупым. В самом деле, гибель командира — страшный удар для армии. На войне и так много смертей, так зачем же без нужды подставлять свой лоб? А ведь тогда генералы и даже маршалы не сидели в блиндажах, они находились на линии огня — и гибли довольно часто. Впоследствии именно утрата Наполеоном этого благоразумия будет одним из признаков начала конца…

Но пока все шло великолепно. Повторяю, здесь нет смысла

останавливаться на многочисленных сражениях Итальянской кампании. Стоит отметить лишь общие особенности этой эпопеи. Французы порой терпели и поражения. Но били помощников Наполеона. Сам же он казался непобедимым. Он громил итальянцев и австрийцев направо и налево. Именно громил. Ведь победы бывают разные. Не зря ведь существует выражение «пиррова победа». Это когда одолеть врага удалось такой ценой, что и радоваться как-то не хочется… А тут у Наполеона все получалось легко и просто.

Это казалось чудом. Именно об итальянском походе Суворов сказал приведенную в эпиграфе к этой книге фразу. Австрии был нанесен сильнейший удар. Вена находилась в состоянии полной паники. Ходили слухи, что в австрийской столице в императорском дворце уже начали паковать вещи. Что же касается ее союзницы, Сардинии, то ее вывели из войны, сильно обкорнав территорию страны в пользу Франции. С этого, собственно, и начались серьезные наполеоновские завоевания.

В любом современном учебнике по теории управления говорится: важнейшее качество руководителя — умение подобрать команду. Один в поле не воин. В таком сложном деле, как война, без помощников не обойтись. Умение видеть людей — один из замечательных талантов Наполеона. Он очень быстро разбирался, кто чего стоит. И умел «подбирать кадры». Так, чтобы каждый находился на своем месте. В качестве примера можно рассказать о его «команде» времен итальянской кампании. Интересна она прежде всего тем, что он ее начал, находясь, по сути, «на нуле». Не имел он пока возможности привлекать людей деньгами и высокими чинами. Только — своим собственным обаянием. Своим умением заразить людей верой в то, что невозможное можно сделать возможным. Наполеон отбирал свой «круг избранных» очень тщательно. Но зато уж и верил этим людям до конца. Расскажу о некоторых из тех, кто помогал ему совершить блистательные итальянские походы.

Жан Ланн был ровесником Наполеона. По происхождению Ланн был, что называется, плебей из плебеев. Сын конюха. Революция открыла ему дорогу — и с Бонапартом он встретился, уже будучи полковником. Он был великолепным кавалерийским командиром. Гусаром не только по воинской специальности, но и по складу характера. Именно ему принадлежат знаменитые слова: «гусар, который доживет до тридцати — не гусар, а дрянь». Он, кстати, и не дожил. По характеру Ланн был парень резкий и всегда говорил то, что думает. Он до конца своих дней был одним из тех, кто в лицо высказывал Наполеону свое мнение. Ланн,

например, так и не смирился с коронацией Бонапарта. Потому как по взглядам был убежденным «ультралевым». Что, впрочем, не мешало ему честно сражаться под наполеоновскими знаменами. Во время итальянского похода он дважды спасал Бонапарту жизнь.

Но, как это часто бывает, оборотной стороной достоинств были недостатки Ланна. Кавалерийская лихость — вещь не всегда хорошая. Порой Ланн откровенно зарывался. Наполеон прекрасно это знал. И где нужно было действовать по принципу «сабли наголо и вперед!» — туда и посылал Ланна. А где требовалась осторожность — искал других исполнителей.

А вот начальник его штаба, генерал Александр Бертье, был совсем иным человеком. Но так оно и должно быть. Начальник штаба — работа неэффектная, рутинная. Много ли вы помните советских начальников штабов фронтов во времена Великой Отечественной войны? Вот именно. Фамилия Бертье тоже мало что кому-либо говорит. А между тем он был неизменным начальником штаба Наполеона до первого его отречения. Прошел с ним все походы — и во многом способствовал блестящим победам Бонапарта.

А значение этих людей в победе чрезвычайно велико. Командир отдает приказания — начальник штаба их детализирует и конкретизирует. Можно привести сравнение из мира музыки. Полководец «пишет мелодию» военной кампании, начальник штаба ее «аранжирует».

В отличие от большинства соратников Наполеона, Бертье был «военным специалистом» — служил еще в королевской армии. (Опять напрашиваются параллели. Во время российской Гражданской войны в Красной армии штабистами часто служили профессионалы этого дела, начинавшие в царской армии. Результат известен: красные победили.) Кроме того, Бертье успел повоевать и по ту сторону океана — сражался на стороне американцев в Войне за независимость. Штабная работа — это не та, в которой можно достичь успехов исключительно за счет гениальности. Тут нужен опыт и еще раз опыт. И кроме того, — призвание. Как говорят военные, командир и штабист — это две разные психологии.

Так вот, Бертье был чуть ли не идеальным начальником штаба. Он обладал поразительной работоспособностью и феноменальной профессиональной штабной памятью. Могут возразить: Наполеон обладал теми же качествами. Но не мог же Бонапарт вникать во все! Ведь и компьютер, у которого памяти хватит на тысячи Наполеонов, порой «клинит» от избытка информации. Война — это бесчисленное количество мелочей.

Которые должен знать начальник штаба. Сколько в каждом полку реально осталось людей? В каком состоянии дороги, по которым предстоит двигаться? Когда подвезут боеприпасы и продовольствие? И так далее, и тому подобное. Все эти нити сходятся к начальнику штаба. И голова Бертье действительно работала, как компьютер с мощной оперативной памятью. Он помнил всё!

А вот на самостоятельные действия Бертье не был способен в принципе. Не получалось у него командовать! Можно сказать, что в тогдашнем военном мире он был «лучшим из вторых». Бонапарт это знал и никогда не пытался продвигать Бертье в маршалы. Символично, что умер Бертье в 1815 году — в год окончательного падения Наполеона.

А вот еще одна «пружина» армейской и политической машины Наполеона — Антуан-Мари Лавалетт. Он был одним из наполеоновских адъютантов. Иногда эту должность полагают чуть ли не «лакейской». Особенно в среде боевых офицеров. Расфранченный «адъютантик», который путается под ногами — ходячий образ в художественной литературе. Между тем это не совсем так. Конечно, адъютант — это не командир батальона, который ходит под пулями. Но для полководца хорошие адъютанты — люди очень нужные. Они — те, кому он верит безусловно. Адъютант должен уметь быстро разобраться в ситуации — военной и политической — и точно доложить. Ведь в гуще сражения кто-нибудь из подчиненных может, к примеру увлечься и докладывать: «Ура, мы ломим! Дайте еще подкреплений — и будет победа». Так было, к примеру, под Бородино. Ней был уверен: еще немного — и он сломит русских. А было все совсем не так. Вот адъютант и должен разобраться: что и как. Лавалетт был именно из таких людей.

Приведу кстати из жизни Лавалетта занятный эпизод, который вполне подойдет для авантюрного романа. Во время «Ста дней» Наполеона Лавалетт перешел на его сторону. После того, как все кончилось, вернувшиеся Бурбоны стали разбираться с «изменниками». «Под раздачу» попал и Лавалетт. Адъютанта императора посадили за решетку. Ему светила «вышка». Из попыток добиться помилования ничего не вышло. За день до казни к нему допустили на свидание жену — Эмилию Богарне, племянницу Жозефины. Через некоторое время она вышла, закрыв лицо, опустив голову и сгорбившись, спотыкаясь на каждом шагу… И ушла. Как вы, наверное, уже догадались, когда утром пришли за арестованным, — поняли, что казнь отменяется. Потому что в камере находилась Эмилия Богарне. А Лавалетт прямым ходом двинул в Америку.

Вот такую команду подобрал в итальянском походе Наполеон. Все они были с ним до конца. До своего или императорского.

В итальянском походе проявилась еще одна черта Наполеона — абсолютно наплевательски относиться к международному праву. Конечно, это право во все времена являлось фиговым листком. Любые договоры всегда и везде нарушаются, когда это кому-то становится выгодным. Но Наполеон даже не делал и вида, что воспринимает всю эту гуманитарную канитель всерьез. Не придумывал никаких оправданий. Или почти не придумывал. Так, в Италии, как и потом в других войнах, он не обращал ровно никакого внимания на такую «мелочь», как нейтралитет тех или иных государств. К примеру, Тоскана была нейтральной. Ну, и что с того? Нужно ему было занять это герцогство — он его и занял.[4] И даже не пытался обосновать свое хулиганское поведение. Когда в том же походе требовалось занять Венецианскую республику, он нашел замечательный повод: на ее территории найден убитым один французский солдат. Как сказал много лет спустя мудрый китаец Мао Цзэдун, «винтовка рождает власть». И попробуй, поспорь с этим. Особенно, если у тебя нет винтовки.

Двигаясь по Италии, занимая города и области, Наполеон по мере сил воплощал в жизнь свой принцип: война должна сама себя кормить. Он и его маршалы со спокойной совестью брали в захваченных городах все, что считали нужным. Не только припасы и воинское снаряжение. А вообще — все, на что падал взгляд. Включая произведения искусства. Вообще-то это называется «грабеж». Но с другой стороны, так уж повелось издревле. Только к концу XVIII века этот увлекательный процесс стал прикрываться разными словами вроде «контрибуций» и прочими словесными фиговыми листочками. А Наполеону прикрываться было некогда. Он просто и честно грабил.

Население относилось к этому по-разному. Иногда пыталось возмущаться. Так, в городе Луго местные жители убили нескольких особо обнаглевших французских драгун. Наполеон отреагировал на это сурово. Город был отдан на разграбление, все жители, подозревавшиеся в нелояльности, были перебиты. Но обычно все проходило мирно. Большей частью — никак. Наполеон, прямо скажем, не особо лестно оценивал жителей завоеванной страны: «дряблый, суеверный, трусливый, увертливый народ». В это же время он выработал свои основные правила поведения в оккупированных землях: ненужных жестокостей не допускать, а любое сопротивление подавлять без пощады. Это прекрасно работало в «цивилизованной» Европе. Но

вот в более «крепких» землях такое не прошло. В Испании и России эти методы с треском провалились…

Особенный размах увлекательное дело экспроприации приобрело в Папской области. Напомню, что тогда римский Папа был не только главой Католической церкви, но и светским государем. Формально он им и теперь является (Ватикан считается независимой территорией), но тогда это было всерьез. Папская область занимала довольно обширные (по итальянским меркам) и богатые (по любым меркам) земли.

Папа, по понятным причинам, являлся одним из самых яростных противников французской революции. Еще бы! После того, что творили в новой Франции со священниками, трудно представить, чтобы он стал бы относиться к этой стране как-то иначе. В общем, Понтифик изо всех сил поддерживал австрийцев. И это ему вышло сильно боком. Войска Наполеона вторглись в Папскую область. Разбитые войска папы драпали так быстро, что французы просто не могли за ними угнаться. А в городах ребята Наполеона бодро экспроприировали ценности и произведения искусства. В общем, Папа запросил пардону. На тот раз он отделался сравнительно легко. Его территорию здорово обкорнали, а закрома изрядно почистили. Но он все-таки остался светским государем. До поры до времени. Наполеон сохранил ему власть и из чисто политических соображений. Сам он в почтении к церкви никогда замечен не был. Но Наполеон помнил уроки Вандеи. Лозунг восставших крестьян был — «защита веры». Пусть Бонапарт и не слишком уважал итальянцев, но все-таки…

Были еще сражения, и были еще походы по итальянской земле. В конце концов примерно половина Италии оказалась под властью Бонапарта.

Нельзя сказать, что Наполеон вел себя как обычный захватчик. На занятых землях он во многом повторял то, что до него во Франции уже проделали революционеры. Например, ликвидировал феодальные порядки, которые население уже изрядно достали. Поэтому жители порой возмущались, а порой и встречали его цветами. Раз на раз не приходился.

Некоторые европейские романтики, сочувствовавшие идеям французской революции (а таких было множество, как и в XX веке сочувствовавших большевикам) все еще думали, что он несет Италии «свободу, равенство и братство». Но Наполеон мыслил куда более конкретно. Так, во время переговоров с австрийцами Бонапарт заявил, что рассматривает Средиземное море как французское. То есть Италия теперь «могла отдыхать».

Впоследствии из завоеванных земель была создана марионеточная Цизальпинская республика. Но до этого

произошли еще кое-какие интересные события.

3. Вот — новый поворот

Нет сомнений в том, что именно итальянский поход окончательно определил дальнейшую судьбу Наполеона. Он прославился на весь мир, его полководческий гений ярко проявился в этой кампании. Во Франции Наполеон стал знаковой фигурой, с которой невозможно уже было не считаться. Его личная популярность росла среди народа. Но и это еще не все. Молодой генерал, который отправился в итальянский поход фактически нищим, стал весьма состоятельным человеком. Уже находясь на острове Святой Елены, он писал, что получил в Италии около 300 000 франков. По тем временам — сумма весьма серьезная. Но многие историки ехидничают: он просто забыл вставить еще один нолик… Вообще-то Наполеона никогда не интересовали деньги сами по себе. Уж кем-кем, а жадным он не был. Но стоит вспомнить, что Бонапарт всегда ощущал себя главой клана. И теперь-то он мог быть уверенным, что его мама и другие родственники не останутся бедствовать.

Сподвижники Бонапарта тоже не упустили возможности поправить свои дела. К их рукам тоже прилипли немалые суммы, и теперь они были готовы идти за Наполеоном в огонь и в воду.

В итальянском походе Наполеон по-настоящему осознал, что удача просто идет к нему в руки! Он может сделать то, чего не делал никто и никогда! Он попирает основы военной науки — и побеждает! Как говорят игроки: «карта идет». Значит — надо продолжать играть. И выигрывать!

Но есть еще одно очень серьезное обстоятельство. В завоеванной Италии Бонапарт обрел огромную власть. Он распоряжался там, как хотел. Издавал законы, смещал неугодных ему правителей. Качал деньги из завоеванных городов. В общем, Бонапарт вел себя как хозяин «всея Италии». Именно «всея» — потому что государства, даже оставшееся незахваченными, пикнуть теперь не смели. А вдруг и до них очередь дойдет? Фактически он вел себя не как генерал воюющей армии, а как наместник. А точнее — как независимый правитель.

Вместе со своими сподвижниками он занял роскошный замок Монбелло под Миланом. По сути, это уже было нечто вроде «двора». В замке шли непрерывные праздники. На них блистала наезжавшая сюда Жозефина. Как отмечают современники, только теперь она по-настоящему осознала, что сделала правильный выбор. Это был праздник победителей. Наполеон и его приближенные были молоды, богаты и уже почувствовали сладость славы. На них пока еще не легла усталость от

нескончаемых войн. Как отмечают очевидцы, это был веселый и беззаботный двор. Все казалось достижимым. Ветер дул в их паруса. Завтра снова война, завтра снова в поход? Ерунда! Били тех, побьем и этих.

Вот тут-то Наполеон познал вкус власти. Настоящей. В самом деле, что ему была Директория? Да в гробу он ее видал! Что они могли ему сделать? Генералы на других театрах военных действий воевали из рук вон плохо. К тому же постоянно требовали денег и всего прочего. А он сам отправлял деньги в Париж и ничего себе не требовал. А с деньгами во французской казне был тогда полный швах. Так что он был Парижу нужен, а не тот ему. Наполеон все меньше и меньше стал обращать внимание на руководящие указания центра. Вот пример. Парижским руководителям все меньше и меньше нравился слишком уж «борзый» генерал. Они попытались отработать эту ситуацию по классическому римскому принципу: «разделяй и властвуй». Директория решила разделить Итальянскую армию на две самостоятельные единицы, каждой из которых ставились самостоятельные задачи. Что же Наполеон? Он их попросту послал. «Положение армии Республики таково, что вам необходимо иметь командующего, пользующегося полным вашим доверием; если это буду не я, вы не услышите от меня жалоб…»

Тон письма не должен обманывать. В Париже сидели не идиоты. Они отлично понимали, что вопрос ставится так: «или я тут буду главным, или все пойдет к черту». Бонапарт остался единоличным хозяином Италии.

Как потом, уже в ссылке на острове Святой Елены, признавался Наполеон, именно тогда он и стал задумываться: а с чего бы это он должен трудиться на благо «этих адвокатов»? Которых он искренне презирал, да которые и сами ни на что путное не были способны. К чему стараться, если они все равно всё пустят прахом? Поставлять деньги для их пьянок-гулянок, которые изумляли весь Париж? Стоило поискать себе занятие поинтереснее.

Впрочем, формально дела обстояли пока более-менее мирно. Он не шел на открытый конфликт. Ему слали директивы. Он отписывался рапортами, написанными по всей форме. Но мы уже видели, что за этой внешней субординацией стояло на самом деле. В Париже тоже прекрасно понимали, что их директивы Хозяин Италии если как-то и использует, то только в одном известном месте. А поступает — по-своему. И началась пока что «подземная», но от этого не менее упорная война. Наполеона с Директорией. Во время которой Бонапарт раскрылся еще с одной

стороны…

Во время пребывания в Италии Наполеон заодно уж заплатил и по кое-каким старым счетам. Корсиканским. Несколько лет назад его буквально пинком выкинули с родного острова. Теперь ситуация несколько изменилась.

Впрочем, личного здесь было немного. В политике и войне Наполеон в «личной» злопамятности и мстительности до поры до времени не был замечен. В отличие, скажем, от своего будущего врага — императора Александра I, многие действия которого имели причиной личную ненависть к сопернику — императору французов. Бонапарт же, занимаясь государственными делами, старался гнать от себя все человеческие чувства. В том числе — гнев. Но получалось это не всегда. И, как мы увидим дальше, приводило обычно к очень неприятным последствиям.

Разобраться же с Корсикой потребовала политическая ситуация. Паоли, фактический глава Корсики, как уже упоминалось, заигрывал с англичанами. И даже пригласил их войска на остров. Он заигрался. Многовековой опыт показывает, что англичан куда проще пригласить, нежели потом выставить. Но Паоли, привыкший считать своими врагами итальянцев и французов, как-то не замечал, что в результате его героической борьбы за самостийность остров фактически снова угодил в зависимость от чужеземцев. Это было ясно уже многим на Корсике. Поэтому Паоли стремительно терял популярность.

Наполеона наличие английской базы возле своих берегов не особенно устраивало. Он успел обзавестись на острове своими информаторами и прекрасно представлял себе, что там происходит. Он не стал влезать в крупную военную авантюру, а для начала послал на Корсику своего доверенного человека. Тот набрал разных отморозков из числа пастухов, обильно снабдил их оружием и итальянским золотом и начал нечто вроде партизанской войны. Судя по тому, что «партизан» не выловили и не повесили местные жители, акции Паоли упали до нуля. Наполеону осталось послать туда две роты солдат — и все было кончено. Гордые бритты поспешно погрузились на корабли и скрылись за горизонтом. Корсика стала французской. Кстати, снова о личных счётах. Наполеон и пальцем не тронул своего обидчика. Несмотря на то, что тот по мере сил упорно продолжал гадить французам. Вот только сил у него больше не было.

Позже Наполеон скажет: «Я никогда не делаю бесполезных вещей». Паоли был ему больше не опасен. Ну, и черт с ним. Бонапарт уже достаточно «офранцузился», чтобы не играть «в вендетту».

Сам Наполеон на родном острове даже не показался. Теперь он «играл» за Францию, и Корсика была для него лишь почти незаметной фишкой в новой большой игре. Знаменательно, что именно во время итальянского похода Наполеон изменил написание своей фамилии. До этого он подписывался по-итальянски: Buonaparte. Теперь переменил написание на французский лад — Bonaparte. Под которым его запомнил весь мир.

4. Великий актер на дипломатической сцене

До сих пор Наполеон большей частью достигал своих целей, двигаясь как танк по минному полю. Подорвался — значит, не повезло. Прорвался — глядишь, что-нибудь и выйдет. В герои подобным образом выбиваются то и дело. Правда, чаще всего посмертно. Но вот в великие государственные деятели таким путем выйти невозможно. Ведь против лома нет приема — если нет другого лома. А другой лом рано или поздно найдется.

Наполеон был азартным игроком. Но это качество не предполагает, что человек всегда ставит «на всё». Что всегда лезет на рожон. Таким «безбашенным» игроком был, к примеру, шведский король Карл XII. (Тот, с которым воевал Петр Великий.) Одержав блестящую победу, Карл тут же благополучно пускал псу под хвост все ее плоды.

Наполеон действовал иначе. Потому как был гением, а не просто одаренным в военной области «отморозком». Теперь у него уже была цель — выбиться из-под власти «этих адвокатов» — Директории. Вряд ли у него имелся конкретный многоходовый план захвата власти. По правде говоря, подобные многоходовые планы существуют только в сказках про «сионских мудрецов» или в «Кратком курсе истории ВКП(б)». На самом деле всегда и всюду дело обстоит сложнее.

Дело, конечно, не обходится без дипломатических игр. В чем суть дипломатии? Путем переговоров достичь наибольших выгод для себя в ущерб другим. Никакой честной игры здесь нет и быть не может. Все эти переговоры, пакты, договоры — всего лишь сватки хитрецов, где каждый руководствуется только собственной выгодой и рассчитывает обхитрить другого. Чтобы, выбрав момент, нанести удар в спину… Так происходит и во внешней политике, и во внутренней.

В данной ситуации Бонапарту требовалось, говоря современным языком, «приподнять» свой рейтинг. А для этого успешно проведенную войну требовалось столь же успешно завершить. Самому. Потому что, как хорошо запомнил Наполеон, даже самые блестящие победы забываются общественной памятью довольно быстро. Особенно если пресса — не под контролем. В данном случае требовалось самому лично заключить мир. Поставив тем самым жирную точку. И это право Наполеон вырвал, хотя потрудиться пришлось немало и, к тому же, окончательно испортить отношения с Директорией. Зато здесь он

развернулся!

Мы уже знаем, что европейская политика XVIII века была весьма респектабельной. А уж дипломатия — тем более. Дипломатические игры, как правило, вели представители высшей аристократии своих стран. В то время это была, что называется, «одна тусовка». Повязанная родственными узами и прочими тесными связями. Международная элита. Добрые знакомые, стоящие высоко над своими народами. Да и споры шли не то чтобы очень горячие, они не затрагивали жизненных интересов. Так, по-мелочи. И тут появляется человек, который по старым правилам играть не желает.

«Старые правила» — это бесконечная и неспешная «торговля», уточнение формулировок, казуистика. Попытки «нагреть» противника, втерев ему какой-нибудь двусмысленный пункт договора. Примерно так, как теперь поступают недобросовестные продавцы строящихся квартир.

А Бонапарт ведет себя иначе. И побеждать прожженных дипломатов, кроме искусных, собственно дипломатических финтов, ему помогает выдающийся актерский талант.

Лицедеем Наполеон был великолепным. Причем в манере игры он далеко опередил свое время. У профессиональных актеров считалось тогда нормой играть на сцене аффектированно. Вздымать и заламывать руки, говорить трагическими голосами, принимать красивые позы — словом, заниматься тем, что теперь называется «театральщиной». Но Наполеон играл не на сцене, он пришел исполнить главную роль в мировой драме. Потому-то Бонапарт лицедействовал в ином, вошедшем в моду гораздо позже реалистическом стиле.

Одним из его коронных номеров были сцены «безумного гнева». Вот один из примеров.

Дело происходило в октябре 1797 года. Наполеон вел переговоры с австрийским посланником по поводу заключения мира после итальянской компании. Разговор шел о чисто житейских вопросах, всегда возникающих после войны: кому что достанется. Австрия потерпела поражение, но не была разгромлена. Поэтому договаривались «по-хорошему». Часть из захваченного Наполеон собирался отдать австрийцам. Вот и решали — что. Во время военных действий Бонапарт одним маршем своих войск уничтожил существовавшую тринадцать веков Венецианскую республику (флот которой, кстати, когда-то был хозяином Средиземного моря). Для того, чтобы договориться с Веной, Наполеон кое-что из венецианских территорий решил отстегнуть и австрийцам.

Переговоры шли в обычной манере мелочного торга. Все

двигалось со скоростью параличной черепахи. Так было принято всегда. Куда торопиться-то? Но Наполеону, видимо, весь этот цирк надоел. Поэтому 11 октября дело приняло совсем другой оборот. Когда очередные дебаты зашли в тупик, Наполеон вдруг с места в карьер заорал:

— Ваша империя — старая служанка, привыкшая к тому, что ее все насилуют… Вы торгуетесь здесь со мной, а забываете, что окружены моими гренадерами!

Для пущего эффекта Наполеон вдребезги разнес великолепный фарфоровый сервиз. Кстати, подаренный этому австрийцу Екатериной Великой.

— Так я разобью вашу империю! — Припечатал он на прощание и вышел вон, хлопнув дверью.

Дипломат ошалел настолько, что предпочел больше не спорить. Мир был подписан на тех условиях, которые предлагал Наполеон. Австриец потом «отмазывался», рассказывая, что Наполеон был невменяем по причине, говоря милицейским языком, сильного алкогольного опьянения. Мол, во время переговоров он пил, как лошадь. Стакан за стаканом хлестал пунш. Только заметим, что, во-первых, Наполеон практически не пьянел от выпивки. Во-вторых, он вообще не был замечен в злоупотреблении спиртным. Да и не в его обычае было решать серьезные дела в пьяном виде. Это вам не граждане, похожие на первого российского президента…

Сцена гнева была хорошо рассчитанным приемом, призванным полностью деморализовать противника. И Наполеон применял его потом множество раз.

Но, может, он и в самом деле был подвержен приступам бешенства? Как Гитлер, который, кроме «постановочных» истерик, часто впадал и в настоящие? Это сомнительно — потому, что Наполеон как-то очень быстро от своих приступов отходил. И, что самое главное, они всегда были к месту. Да, Бонапарт впадал иногда в настоящую ярость. Но тогда он не орал и не бил сервизы. Последствия бывали куда серьезнее. В результате одного из таких приступов чуть не взлетел на воздух московский Кремль.

Многие современники Наполеона так и не поняли, что его шумные вспышки гнева — хорошая игра. А вот Александр I, сам блестящий дипломат, сразу это «просек». На него таким образом давить не вышло.

5. И с победой возвращались

Возвращение Наполеона во Францию превратилось в триумфальное шествие. Восторженные толпы приветствовали его на всем пути до Парижа. Песни, цветы, торжественные процессии, напыщенные речи… В общем, «кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». В Париже продолжилось то же самое. Наполеон был героем дня, звездой первой величины. Все мечтали с ним познакомиться, все хотели выказать ему свое внимание. Именно тогда он получил награду, которую до конца своих дней считал самой дорогой в жизни. 25 декабря Национальный Институт — французский аналог нашей Академии наук — избрал его в число «бессмертных». В переводе на современные понятия — присвоил ему звание академика. Впрочем, сказать так — не совсем точно. Награда, которой почтили Наполеона ученые, была куда выше. Во французском Национальном Институте того времени не существовало «почетных академиков», к тому же число «бессмертных» было строго фиксированным. Тогдашняя научная элита держала голову очень высоко, ученые и в самом деле полагали себя эдакими небожителями. Кого попало в свои ряды они не принимали. И вот теперь… Наполеон был искренне растроган этим выбором ученых. Он писал в благодарственном письме: «Голосование выдающихся ученых, составляющих Институт, оказало мне честь. Я сознаю, что раньше, чем стану равным им, мне еще долго придется быть их учеником».

В этом было не так уж много позы. Как уже упоминалось, Наполеон был одним из самых образованных людей своего времени. И уже хотя бы поэтому искренне уважал науку. Поэтому высшее научное звание и стало для него лучшим подарком. Даже в приказах по армии он подписывался: «Бонапарт, член Института, командующий армией». То есть свое научное звание он ставил даже выше военной должности.

Наполеон аккуратно посещал научные заседания. И беседы с видными учеными доставляли ему истинное удовольствие. Да тут и было с кем поговорить. Лагранж, Лаплас, Бертолле. Эти имена всплывут в памяти у любого читателя, имеющего высшее техническое образование.

Уж если зашла речь о науке, стоит заметить вот что. Наполеон очень ценил настоящих ученых. В своих походах по Африке, к примеру, он тащил со своими войсками и всячески оберегал ученых-египтологов. С которых, собственно, и началось настоящее исследование египетской культуры. Он уважал также математиков, физиков, химиков, астрономов. Которым старался

создать все возможности для работы. А вот кого терпеть не мог, так это тех, кого в научной среде называют представителями «болтологических наук». Социологов, психологов, «экономистов»… Тогда они тоже имелись в большом количестве. Хоть и назывались по-другому. Но, в отличие от современных государственных лидеров, у Наполеона хватало ума посылать эту публику куда подальше.

Однако если с наукой у Наполеона дружба удалась, то с культурой получилось несколько сложнее. На одном из приемов он столкнулся с госпожой Жермен де Сталь. Сейчас это имя на слуху не у многих. А тогда она была, что называется, знаковой фигурой. Эта средней руки писательница была одной из основательниц феминизма. В своем салоне, куда она приглашала всех заметных людей, госпожа де Сталь пыталась быть законодательницей общественного мнения. По взглядам она была весьма похожа на недавних наших «демократов». Главное — свобода слова и прочего. А там хоть трава не расти. Подобных граждан в Париже, среди тамошней «интеллигенции», было множество. Мозгов у них было так же мало, как и у их нынешних российских собратьев. Но они постоянно твердили госпоже де Сталь, что она — самая умная женщина. И она в это поверила.

Так вот, на приеме она подошла Наполеону и сказала:

— Я хотела вас спросить, какую из женщин, ныне здравствующих или ранее живших, вы назвали бы первой женщиной в мире?

Тетка явно набивалась на комплимент. Но уж кого Наполеон терпеть не мог, так это феминисток. Особенно тех, которые лезут в политику. Поэтому он ответил просто:

— Ту, сударыня, которая сделала больше всего детей.

Обида была смертельной. С тех пор Наполеон приобрел в лице де Сталь врага. И когда он уже был императором, она попыталась играть роль «духовной оппозиции». Наполеон выслал де Сталь из Франции. Надоела. А она впоследствии собрала немалые моральные дивиденды, изображая из себя «жертву режима».

Чтобы уж кончить с личными делами Наполеона, упомянуем о Жозефине. На фоне триумфа мужа пышным цветом расцвела ее главная страсть — любовь к светским тусовкам и прочим подобным затеям. Все это вскружило женщине голову донельзя. Впрочем, Наполеон, видимо, полагал, что так и надо. Чем еще, по его мнению, должна интересоваться женщина?

Кстати, все сказанное отнюдь не значит, что Наполеон был сухим прагматиком — из тех, которые считают искусство

ерундой. Итальянские музыканты поражались, как тонко он разбирается в музыке. Впоследствии, уже будучи императором, он отложил все дела, чтобы встретиться с Гете. Грозный император почтительно беседовал с мэтром несколько часов.

После возвращения из Италии были у Наполеона кроме светских развлечений и научных занятий и более серьезные дела. Отношения с Директорией становились все хуже и хуже. Хотя внешне все обстояло хорошо. Его назначили командующим «английской армией», которая должна была воевать с Британией.

Может возникнуть вопрос: а на кой черт вообще Наполеону нужно было лезть в эти политические дрязги? Всякие слова вроде «жажды власти» ничего не объясняют. Никаких идей фикс, вроде «нового мирового порядка», у него не было. Особой любви к Франции — тоже. Но, видимо, так уж устроен человек, что стремится к максимальной самореализации. А тут путается под ногами какая-то сволочь, которая мешает развернуться. «Я не умею повиноваться», — говорил он в штабе в Италии. Да ведь и в наше время множество людей тратит огромные усилия, а порой и рискует жизнью, чтобы встать во главе дела. Будь то мафия или корпорация. Опять же — характер азартного игрока. Взять главный приз. Чем плохо?

Пора было разбираться с Баррасом и компанией. Но как? Наполеон сделал попытку войти в большую политику с парадного хода: сторонники попытались пропихнуть его в члены Директории. Не вышло. Впрочем, думается, это и не могло кончиться удачей. Потому что в таком случае Бонапарту предстояла долгая и нудная политическая возня и многоходовые интриги. А Наполеон — не Сталин, который пришел к власти именно таким образом. Бонапарт предпочитал более короткие пути. И путь такой был один — переворот.

В то время плод сей еще не созрел. Французы еще сохраняли веру в принесенные революцией «демократические ценности». Хотя с 1793 года, с начала якобинской диктатуры, никакой демократией во Франции и не пахло, люди еще продолжали верить, что могут сами выбрать хорошее правительство. Переворот же, без поддержки или даже при равнодушии населения, обречен на неудачу. Да и Наполеон пока все-таки был просто героем дня. Он прекрасно понимал цену славы.

— В Париже ни о чем не сохраняют длительных воспоминаний. Если я останусь здесь, то все потеряно. В этом великом Вавилоне одна слава заменяет другую: достаточно было бы увидеть меня три раза в театре, как на меня перестали бы

смотреть, — бросил он как-то одному из своих приближенных.

А время шло. Наполеон прекрасно понимал: скоро о нем снова забудут, накатит какая-нибудь новая сенсация — и весь его политический капитал растает. На такой хлипкой основе делать переворот было неинтересно.

Отсюда следовал еще один вывод: если уж брать власть, то всерьез. Чтобы потом никто не забаловал. Нужен был еще один, настоящий, громкий успех. И вот на горизонте встал знойный призрак Египта…

ПЕПЕЛ ПУСТЫНИ

1. Древний путь

Говорят, что у гения — и ошибки гениальные. Возможно. Но то, что даже его просчеты поражают воображение — бесспорно. Египетский поход был первой по-настоящему крупной неудачей Наполеона. Но, тем не менее, в истории Бонапарта он — одна из самых впечатляющих страниц.

Начнем издалека: а что его, собственно, туда понесло?

Конечно, удобнее всего объяснять действия Наполеона в романтическом ключе. Как же — зов Востока, Индия. Не давали, мол, Наполеону спать лавры Александра Македонского.

— Европа — это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на Востоке, где живут шестьсот миллионов людей! — воскликнул он как-то в беседе с близкими ему людьми.

В другой раз он посетовал, что, мол, времена не те, сегодня уже невозможно, подобно Александру Македонскому, объявить себя сыном бога Амона… Не поймут-с.

Что ж, такое объяснение вполне подходит по духу к декорациям, в которых разворачивалось действие. Сплошная восточная экзотика в стиле «рахат-лукум», в духе туристских путеводителей. Затертую до дыр фразу о сорока веках, которые смотрят на солдат с высоты пирамид, сегодня каждый день возле этих самых пирамид рассказывают десятки гидов…

Все это только подтверждает актерский талант Наполеона. И его чутье относительно того, где и что надо говорить. Отправляясь в итальянский поход, он обещал голодной шпане возможность пограбить. Теперь, двигаясь с отборной армией, Наполеон играл на романтических струнках своих спутников. Стремился потрясти их величием того, что предстоит совершить.

На самом деле ни одна война в истории не велась ради романтических целей. В том числе — и ради славы. Слишком это дорогое, кровавое и опасное удовольствие. Да и вообще — любовь Наполеона к славе сильно преувеличена. Во всяком случае, он был не сумасшедшим, чтобы лезть в подобную авантюру ради такой химеры, как слава, цену которой он уже знал. Да и кто бы ему позволил? Бонапарт ведь был тогда всего лишь генералом, а никак не императором. Но если взглянуть с другой стороны…

В Египет с мрачной настойчивостью лезли все «строители империй» — от Александра Македонского и цезарей Древнего Рима до Гитлера. «Лис пустыни», генерал Роммель, воевал практически в тех же местах, что и Наполеон.

Причина, однако, была проста и банальна донельзя: «все —

из-за бабок», как говорит один из наших юмористов. Кто сидит на южных и восточных берегах Средиземного моря, имеет выход к Красному — тот контролирует всю торговлю с Востоком. В то время такой «контролирующей» страной была Англия, и с ней продолжалась война. Нет, формально Египет не был английской колонией. Но англичане «влияли». И фактически делали там, что хотели. И если Австрию французы с помощью Наполеона изрядно отколошматили, то с гордыми бриттами дело обстояло куда хуже.

Пока во Франции ширился революционный бардак, англичане под шумок прихватили почти все французские колонии. В том числе, кстати, и остров Мартинику, родину Жозефины. Это были прямые убытки. Не только для страны, но и множества людей, зарабатывающих на колониальной торговле. Однако к 1798 году война с Альбионом находилась, говоря шахматным языком, в патовом положении. Англичане не имели серьезной армии, а потому и думать не смели воевать на материке. На море же дело обстояло с точностью до наоборот. Английский флот на две головы превосходил французский по всем параметрам. К примеру, Тулон, под которым началась наполеоновская слава, был захвачен роялистами именно после того, как англичане вдребезги расколошматили под его стенами французский флот.

Так что о высадке на английскую землю — пока — не приходилось и мечтать. К этой идее Наполеон вернется уже на другом уровне. И снова прогорит. Из-за того же флота. Но об этом речь еще пойдет.

А пока что Наполеон задумал нанести удар англичанам по самому больному месту — по кошельку. Первая цель захвата Египта — перерезать основные торговые пути. И сесть на них самому. Вторая часть плана была еще более грандиозной — выдрать из лап британского льва «жемчужину английской короны» — Индию. Ключом к которой являлся все тот же Египет.

Конечно, Наполеон был не бизнесмен. Но он был военный и политик! А если генерал не хочет выиграть грандиозную войну — он плохой генерал. Генералы на то и существуют, чтобы воевать. Поставить на колени вековую соперницу Франции — это да! Это как для спортсмена — Олимпийские игры выиграть… Тут нет противоречия. Это не жажда славы. Это — профессиональное самолюбие. «Я сделал это!»

Но был в замысле «броска на восток» и чисто прагматический расчет. Человек, который преподнесет французам такой подарок, сможет делать все, что ему заблагорассудится. Ему и власть брать не придется. Принесут на блюдечке с голубой каемочкой. Ради этого стоило рисковать.

Директория согласилась на эту авантюру на удивление охотно. Баррасу и компании показалось, что здесь они выигрывают в любом случае. Преподнесет Наполеон им этот подарок — вот и хорошо. А не вернется назад из опаснейшего предприятия — тоже неплохо. Так что «таможня дала добро».

И на побережье Средиземного моря начались большие сборы.

Наполеон здесь осуществлял не только общее руководство. Он влезал буквально в каждую мелочь. В качестве примера можно привести порядок отбора в экспедиционный корпус солдат. Бойцы отбирались чуть ли не по одному. Наполеон обладал феноменальной памятью — и никогда не считал лишним загружать свой «винчестер» сведениями о рядовых. Для него солдаты никогда не являлись безликой серой массой. Он помнил множество людей не просто в лицо — он знал их личные качества. Не зря потом исследователи говорили, что один из секретов успехов Наполеона был в том, что он умел выбирать не только маршалов, но и капралов (сержантов).

Одновременно пришлось осваивать и новое совсем дело — ведение информационной войны. Точнее, высокое искусство дезинформации противника. Как уже говорилось, английский флот был куда сильнее французского. Но это еще не все. Так уж тогда сложилось, что английскими кораблями командовал один из величайших флотоводцев всех времен и народов — адмирал Нельсон. Который лупил всех на море так же, как Наполеон — на суше. Попадись Нельсону французский флот в море — Наполеон мог бы сразу вешаться на рее.

Скрыть грандиозные приготовления к морской экспедиции было невозможно, разведка существовала и в те времена. Поэтому англичане прекрасно знали о том, что Наполеон задумывает нечто грандиозное. Единственный и главный вопрос, который мучил английское руководство — что именно?

Наполеон и тут отличился. Была налажена многоуровневая система дезинформации. О чем-то «проговаривались» в газетах, где-то ползли слухи, в нужном месте нужному человеку «пробалтывался» пьяный шкипер. Французы старательно гнали «дезу» о том, что готовится вторжение в Ирландию. Недоверчивые англичане поверили в это наполовину. Британский флот болтался возле Гибралтара, имея возможность ринуться как на восток, так и на запад. В такой обстановке началась эта эпопея.

2. Если везет — так везет

Флотилия из 350 различных судов вышла из Тулона 19 мая 1798 года, неся в трюмах тридцать тысяч солдат, артиллерию и всякое снаряжение. И вот тут начались чудеса, после которых нетрудно было поверить, что Наполеон — и в самом деле избранник Судьбы. Начнем с погоды. Огромная флотилия состояла из разномастных судов, собранных с бору по сосенке. Многие из этих посудин не отличались особыми мореходными качествами. Поэтому тащились медленно. В караване ведь всегда равняются по самому медленному. Путь — неблизкий. Застань их сильный шторм — всех разметало бы к чертовой матери. Получился бы один позор. Но погода стояла отличная, ветер был попутный. А вот в районе Гибралтара, где стояла английская эскадра, наоборот, шторм бушевал в полный рост. Так что Нельсону было не до чего — он боролся со стихией.

9 июня французский флот подошел к острову Мальта, лежащему примерно на половине пути. Мальта была еще одним осколком средневековья. С XIV века островом владела своеобразная структура под названием Орден мальтийских рыцарей. Владели по принципу Неуловимого Джо. Этот остров был не нужен никому. Но Наполеон прихватил «до кучи» и его. Просто — высадился на берег и поднял французский флаг, послав рыцарей подальше. Простые мальтийцы ему только «спасибо» сказали: Орден, замкнутая каста иноземных паразитов, за шестьсот лет их изрядно достал. На Мальте французы пробыли десять дней, а потом двинулись дальше.

И вот дальше началось самое веселое. Вскоре до Нельсона, который, конечно, имел на Мальте своих людишек, донеслась весть, что флот Наполеона уже идет к Египту. На всех парусах флотоводец ринулся к Александрии, на перехват. Корабли у Нельсона были отличные, не чета французским лоханкам. Но именно это его и подвело. Великий адмирал пришел к Александрии на двое суток раньше французов.

И произошло примерно следующее…

— Ребята, Наполеон тут не появлялся?

— Слушай, какой такой Наполеон? Не знаем никакого Наполеона! Нам и без него неплохо…

Нельсон решил, что раз французов в Египте нет, значит, они идут в Константинополь. И ринулся туда. Освободив место Наполеону. И вот представьте себе: приходит Бонапарт в Александрию и узнает, что «вами тут группа товарищей сильно интересовалась». Наполеон увидел, что всего двое суток отделили

его от возможности накормить собой средиземноморских рыб. И все это только потому, что Нельсон имел лучшие по тем временам корабли. Ну, как тут не увидеть очередное подтверждение того, что тебя ведет по жизни «счастливая звезда»! А раз так — можно рисковать дальше.

3. Восток — дело тонкое

2 июля Наполеон со своим войском стоял уже на твердой земле. Он снова очутился в своей стихии — и без промедления приступил к делу. Могут спросить, неужели он с тридцатью тысячами солдат всерьез рассчитывал завоевать огромные территории, а то и допереть до далекой Индии? Даже от одного взгляда на карту голова кружится. Нет, завоевать-то как раз все это было не так уж сложно. А вот удержать…

И опять же не все так просто. У Наполеона имелся расчет. Дело в том, что ситуация в Египте была весьма своеобразной. Формально страна принадлежала Османской империи. На самом же деле реальная власть принадлежала так называемым мамелюкам. Это были конные воины, которые подчинялись своим начальникам — беям. По сути, мамелюки были чем-то вроде «братвы», «крышевавшей» все остальное население. И жили не по закону, а по понятиям. Ну, а восточные понятия… Особо страдали от беев богатые арабы, которых мамелюки трясли, как груши, каждый раз, когда им нужны были деньги. Да и вообще, мамелюки что хотели, то и делали.

Мамелюки были весьма занятной публикой. Первоначально это была особая каста, вроде янычар. В завоеванных землях турки отбирали малолетних детей и воспитывали из них профессиональных воинов. Мамелюки этнически происходили в основном с Кавказа. Порою эти люди взлетали высоко — потому что султану такие слуги были удобны, за ними не тянулся обычный на Востоке «хвост» родственных связей. В Египте мамелюки были уже давно. Но все равно: для арабов они были чужаками.

На том и строились планы Наполеона. Он полагал, что арабское население, пользуясь случаем, поднимется на борьбу против своей «братвы». Вот что говорится в его воззвании к египетскому народу:

«Давно уже беи, господствующие над Египтом, оскорбляют французскую нацию и подвергают ее негоциантов унижениям: час отмщения настал… Народы Египта, вам будут говорить, что я пришел, чтобы разрушить вашу религию — не верьте! Отвечайте, что я пришел, чтобы восстановить ваши права, покарать узурпаторов, и что я уважаю больше, чем мамелюки, Бога, его пророка и Коран. Скажите, что все люди равны перед Богом, только мудрость и добродетели вносят различия между людьми…»

В общем, «аристократов — на фонарь!» Кроме того, еще из

Франции Наполеон послал своих людей к Типпо-Султану, который боролся против англичан в Южной Индии. Уже на острове Святой Елены он вспоминал, что в его планы входило вызвать «великую революцию на Востоке». Наполеон говорил, что ему достаточно было бы хотя бы с небольшим отрядом прорваться в Индию, и он вырвал бы ее у англичан.

В Египте Наполеон пытался договориться с арабской элитой, зажиточными людьми, соблазнив их принципом неприкосновенности частной собственности (в тогдашнем Египте такого понятия просто не знали, люди владели своим имуществом, пока это устраивало бея). Мол, при французах будет полный порядок, никакого беспредела.

То есть, вообще-то говоря, Бонапарт рассчитывал «закосить под освободителя». Вызвать всеобщее восстание и под шумок создать профранцузское государство. А если получится — то и вовсе колонию. Только вот фокус не удался. Как говорил товарищ Сухов, Восток — дело тонкое. Наполеон, еще будучи в Италии, изучил огромное количество материалов о Египте, беседовал с множеством бывавших там людей. Но сделал в корне неверные выводы. Ошибка его состояла в том, что он мерил египетскую жизнь европейскими мерками. По той причине, что других он просто не знал. Конечно, восточные порядки казались европейцам дикими, власть мамелюков — деспотией, от которой те рады будут избавиться. А у арабов, как оказалось, были иные представления о жизни. Мамелюки? Хоть и дерьмо, да свое. Иноземные «освободители» оказались им как-то ни к чему. Их вполне устраивало то, как они жили.

Так что арабское население отнеслось к воззваниям Наполеона с полнейшим равнодушием. Оно их просто не воспринимало. Вся риторика Наполеона проходила мимо их ушей.

— Слушай, зачем нехорошие слова говоришь? Кто такой узурпатор? Не знаем такого! Вот бей есть у нас — его знаем. Вай, плохой бей, злой. Но Аллах нам такого дал, ему с неба виднее…

Дальше дела пошли совсем хреново. Французам понадобились деньги, и их начали добывать привычным способом — вымогать у местных жителей. В Италии такое проходило тоже с проблемами, но все-таки не слишком большими, ибо основной массе итальянцев их графья надоели хуже горькой редьки. На Востоке все вышло иначе. Французы были чужими во всём. Незваными пришельцами. Тем более что даже у мамелюков особых сокровищ не имелось. Зачем они им? Они пользовались кошельком арабских купцов, как своим собственным. Значит, французам оставалось вытрясать деньги силой. Что тоже

получалось не ахти. К примеру, у одного купца требовали, как на большой дороге: крупная сумма или жизнь. На что тот с полным спокойствием отвечал, что если Аллаху угодно, чтобы он умер, так он все равно умрет. И зачем, спрашивается, ему перед этим еще и раскошеливаться?

Поведение французов, понятное дело, вызывало только одно чувство: ненависть к захватчикам. Начались восстания. Наполеон стал действовать по своему обычному принципу: подавлять сопротивление, не останавливаясь ни перед чем. Так, когда восстание вспыхнуло в одном поселке под Каиром, он направил туда карательный отряд. Все мужчины были перебиты, дома сожжены. Отрубленные головы на следующий день были выставлены на каирской площади. Как стало после этого относиться к Наполеону местное население — понятно.

И, конечно же, начался ничем не прикрытый грабеж всего, что попадалось под руку. В общем, армия Наполеона превратилась в обыкновенных завоевателей.

Эту ошибку он повторит еще два раза. Подойдя с мерками «цивилизованной Европы» к народам с несколько иной психологией. В Испании (тогда эта страна была очень далека от европейских порядков) и России. И потерпит еще две неудачи. В каждой стране будут свои собственные прелести. И в обоих случаях величайшему полководцу придется отступить…

Кстати, его враги англичане разобрались в психологии арабов гораздо лучше. Нахапав колоний по всему белу свету, они никогда не пытались захватить Египет. Предпочитая «влиять». Наполеона же опять подвело отсутствие стратегического мышления. Как оно будет подводить его во всех случаях, когда дело не будет сводиться лишь к военному разгрому неприятеля. Но, видно, каждому дано то, что дано. Из Египта он так и не сделал выводов.

4. Все шишки на голову

Я шесть недель шел сквозь ад, и я клянусь:
Там нет ни тьмы, ни жаровен, ни чертей,
А только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог.
Отдыха нет на войне солдату!

(Р. Киплинг)

Чем дальше в лес (то есть в пустыню), тем более Бонапарту становилось ясно, что вся эта египетская затея — чистейшей воды авантюра. Чем дальше, тем больше валилось шишек на французские головы.

1 августа 1798 года моряки французского флота, стоявшего в Абукирском заливе, увидели милую картину: со стороны моря на них двигались корабли, на мачтах которых развевался «Юнион Джек».[5] И произошло волнующее свидание с эскадрой адмирала Нельсона. Силы были примерно равны, французы даже несколько превосходили англичан по главному военно-морскому показателю — числу пушек. Но это на суше у французов был Наполеон. А на море у британцев имелся Нельсон. В общем, после этого сражения флота у французов не стало. Армия завоевателей оказалась полностью отрезанной от родины.

Дальше дело пошло еще веселее. Против Наполеона двинул армию турецкий султан. Бонапарт, верный своей тактике, отправился навстречу — в Сирию. А положение с бунтующим населением привело к тому, что из тридцати тысяч своих солдат Наполеон смог взять в поход меньше половины. Остальные поддерживали порядок в захваченных городах.

Переходы по пустыне — это как раз то, что описано в стихотворении Киплинга. Жара, жара, жара, отсутствие воды… Представьте себе тогдашнюю военную форму, очень красивую, но совершенно неприспособленную для войны в таких условиях. И вот эти люди двигаются по пескам — а из-за барханов постоянно тревожит конница мамелюков…

Правда, турок Наполеон отколошматил не хуже Суворова. И тут уже пошла война на полном серьезе. Со всеми ее прелестями. Помню, кто-то из ребят, увлекающихся исторической

реконструкцией, говорил мне, что «в те времена война была благороднее». Ага. Война — она всегда одна. Так, в городе Яффа четыре тысячи уцелевших турецких солдат сдались с условием, что им сохранят жизнь. Они прекратили сопротивление, потому что кто-то из французов им это обещал.

Наполеон устроил за это своим страшный разнос.

— Что мне теперь с ними делать? Где у меня припасы, чтобы их кормить? — отчитывал он подчиненных.

Конвоировать пленных в Каир тоже было проблематично. И тогда…

Впрочем, возможно, нравы того времени были и в самом деле более благородны. Потому что Наполеон думал аж три дня. И только потом приказал всех турок расстрелять. В XX веке никто бы и часа раздумывать не стал…

Поход закончился возле города Акка. Его оборонял англичанин Сидней Смит. Человек, о котором можно написать роман. Международный авантюрист, агент тогдашних британских спецслужб, за два года до того совершивший невероятный по дерзости побег из парижской тюрьмы. Один из последних морских пиратов… В общем, достойный джентльмен. Вшивенькую крепость Бонапарт пытался взять два месяца, но так и не сумел. Смит его переиграл. Потому что с моря Сиднею постоянно подходили подкрепления, прибывали боеприпасы и продовольствие. А вот у французов все ресурсы были невозобновляемыми. Так что окончилось все полным конфузом. Всю жизнь Наполеон придавал этой неудаче мистическое значение. Ему казалось, что возьми он тогда Акку — и все пошло бы на лад. Это, конечно, вряд ли. Слишком уж широко он размахнулся.

Однако путь в Сирию оказался закрыт. Приходилось убираться назад, в Египет.

На обратном пути, в Яффе, произошло еще одно хрестоматийное событие. В армии свирепствовала болезнь, которая всегда возникает во время войны в жарких странах. Чума. Наполеон навестил барак, в котором лежали чумные больные. Барак, который здоровые предпочитали обходить стороной. Смело поступил, прямо скажем. Заразы боятся даже те люди, которые храбро идут под пули. Но здесь это было необходимо. Хотя бы потому, что уровень морального духа армии был просто на нуле. Военачальнику требовалось продемонстрировать всем свой пример. Правда, потом больных чумой так и оставили умирать в Яффе…

Если переход «туда» был тяжел, то обратный стал одним сплошным кошмаром. Наполеон велел всех лошадей отдать для

перевозки раненых (тех, кто не заболел чумой, французы упорно тащили с собой). И тут заведующий конюшней подкатился с вопросом: какую лошадь оставить генералу? Он полагал, что для командующего должно быть сделано исключение.

Наполеон впал в бешеную ярость. Он ударил главного лошадника хлыстом по лицу.

— Вы что, не слышали приказа?! Все идут пешком!

Сцена происходила при всем честном народе. Если она не была спланирована заранее, то это — гениальная импровизация. Как актер Наполеон был велик. Он продемонстрировал то, что и должен был. Именно за такими вождями солдаты идут в огонь и воду. О них рассказывают легенды, позабыв про песчаный или снежный ад, про кровь, боль и горы трупов. И до конца жизни гордятся, что воевали под их знаменами…

Во время похода постигла Наполеона и большая личная неприятность. От одного из самых близких людей он узнал то, что в Париже давно уже было известно всем. Что Жозефина ведет весьма веселый образ жизни и не заморачивается супружеской верностью. Ему, правда, сказали не всё… Поэтому такое грустное событие он тоже увязал со своими суеверными приметами. Пришла Жозефина — и началась счастливая его полоса в Италии. Изменила она ему — и пошла полоса неудач. Впрочем, потом Наполеон неоднократно вспоминал и еще одно нехорошее предзнаменование. Когда флагманский корабль только выходил из Тулона в поход, он задел днищем дно… Это старая морская примета, не обещающая ничего хорошего.

А в Каире судьба вроде бы снова ему улыбнулась. На Египетское побережье высадилась турецкая армия, которая собиралась изгнать французов. Это турки, конечно, поспешили. Нашли, с кем связываться. В результате у турецкого султана одной армией стало меньше. Наполеон приказал в пленных не брать — и озверевшие французы с готовностью выполнили приказ. Армия была истреблена практически полностью! Редчайший по тем временам случай.

— Эта битва — одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся армии не спасся ни один человек, — прокомментировал событие Бонапарт.

Но не везет — так уж не везет. В руки Наполеона попадают два издания: «La Gazette de Frankfort» и «Courrier Francais de Londres». Наполеон узнает европейские новости, которых долгое время был лишен. И, в частности, то, что Суворов, совершив свой легендарный переход через Альпы, объявился в Италии и наголову разбил оставшихся там французских генералов. Наполеона восхитила блестящая операция русского полководца.

Но все итальянские завоевания Бонапарта пошли прахом. Мало того, Суворов двигался теперь на Францию. В которой царил уже совершеннейший бардак. До Франции Александр Васильевич так и не дошел — австрийские союзнички продали. Но Наполеон тогда этого еще не знал.

Забавный, кстати, момент. Эти газеты оказались у Наполеона не просто так. Его египетский противник Сидней Смит через своих людишек обеспечил, чтобы Наполеон «случайно» прочел эти издания. Сидней Смит, проходимец международного масштаба, знал, конечно, о «теплых» отношениях Бонапарта с Директорией. Расчет его был прост: попытаться убрать таким путем Наполеона из Египта. И своей цели он достиг на сто процентов. Правда, если бы Смит знал, каким боком все это обернется для Англии, он, наверное, тут же сжег бы эти газеты. Но никто не знает, чем отзовется его шаг…

Бонапарт решает вернуться во Францию. Решение далось непросто. Бросить армию… С одной стороны, с военной точки зрения, это — тягчайшее преступление. К примеру, во время Великой Отечественной войны за это расстреливали без разговоров. И появление в Париже с «хвостом» в виде такого поступка могло повлечь очень серьезные неприятности. Во всяком случае, имелся риск с треском вылететь из армии — а значит, поставить на своей судьбе жирную точку.

Но с другой стороны… Наполеон не мог не понимать, что дальнейшее его пребывание в Египте — это широкая дорога в тупик. Он здесь — отрезан от метрополии. Да, страна вроде бы завоевана. Но именно «вроде бы». Потому что все держится исключительно на силе оружия. Сопротивление населения растет. Армия тает, и пополнений ждать неоткуда. Сколько можно так просидеть? Главное, что это сидение лишено всякого смысла. Потому что ни одна из задач кампании, по большому счету, не решена. Тут уж ловить нечего. А в Париже… Кто знает, как там все повернется?

Наполеон понимал, что поступает, мягко говоря, некрасиво. Поэтому в последние перед отправкой дни он старался как можно меньше встречаться с генералом Клебером, которому собирался передать командование. Можно сказать, Наполеон откровенно от него прятался. Да и африканский берег он покинул тайком, ночью, на небольшом суденышке. Клеберу он сообщил о назначении письмом, которое оставил в штабе.

Армию он оставил в плачевном состоянии. Вот что доносил Клебер в Париж:

«Армия — раздета, и это отсутствие одежды особенно скверно, потому что в этой стране это является одной из главных

причин дизентерии и болезни глаз».

Уехав, Наполеон также бросил армию абсолютно без денег. Более того, он оставил долг в 12 миллионов.

Это был первый случай, когда он кинул — в прямом и переносном смысле — своих боевых товарищей. Второй такой случай будет в России.

Но, с другой стороны, все было верно. Этот кон — проигран. Надо начинать следующий.

В беседе с близкими ему людьми он оправдывал свое бегство положением во Франции:

— Без меня все рухнуло. Нельзя дожидаться, когда произойдет полное крушение; тогда уже бедствие будет непоправимо… судьба, которая поддерживала меня до сих пор, не покинет меня и сейчас. К тому же, надо уметь дерзать: кто не идет на риск, тот не имеет шансов на выигрыш.

Справедливости ради надо сказать, что впоследствии, уже придя к власти, он продолжал испытывать если не угрызения совести, то все же сознание, что сделал гнусность. И несколько раз пытался организовать экспедиции в помощь брошенной армии. Но — не судьба. Каждый раз по разным причинам помощь послать не удавалось. В результате Клебер кое-как держался до 1801 года. А потом все-таки вынужден был сдаться англичанам. Так бесславно закончилась египетская авантюра.

Самое любопытное — то, что египетским походом Наполеон, сам того не ведая, обеспечил один из самых впечатляющих прорывов в исторической науке. Дело в том, что в то время о Древнем Египте было практически ничего не известно. А ученые-египтологи, отправившиеся с Бонапартом, обнаружили в числе прочего знаменитый Розеттский камень. Который впоследствии послужил Шампольону отправной точкой для расшифровки египетских иероглифов. И человечеству открылась огромная великая цивилизация. Тайны которой изучают до сих пор.

ВИНТОВКА РОЖДАЕТ ВЛАСТЬ

1. «Караул устал!»

Нельзя сказать, что дорога Наполеона до Франции была приятной прогулкой. Все сорок семь дней, пока небольшое суденышко болталось в отрытом море, оставалась опасность радостной встречи с англичанами. Которая неизбежно кончилась бы пленом, а значит — полным и окончательным крушением, ведь общественное мнение никогда не прощает генералов, попавших в руки врага. На родине перспективы тоже были туманны. А что, если французское руководство потребует от своего генерала ответа за его действия? Ведь, по большому счету, египетская кампания окончилась полным пшиком. Так что особо радоваться причин у Бонапарта не имелось.

Поэтому настроение у всех было гнусным. Вот как описывает его один из спутников Наполеона:

«Все было загадочно в нашем положении; надежда завоевать самую знаменитую область Востока уже не воспламеняла юное воображение, как в дни отплытия из Франции; наши последние иллюзии рассеялись… Мы оставляли во всепожирающей земле Египта большую часть наших товарищей по оружию; непостижимый рок влек нас, и мы ему подчинялись… Пятнадцать месяцев миновало с тех пор, как мы покинули нашу родину. Все нам улыбалось при отъезде, все было сумрачным при возвращении».

Целыми днями участники «круиза» просиживали в кают-компании. А путешествие было очень долгим: полтора месяца! С ветрами постоянно не везло. Наполеон, мастер устных рассказов, развлекал спутников как мог. Он говорил о чем угодно — от античной истории до корсиканских баек о привидениях. Еще чаще играли в карты — в двадцать одно. Они были вынуждены зайти на Корсику и провести там несколько дней. Но Наполеона свидание с родиной не тронуло. У него уже были другие цели и интересы.

Надо было начинать все сначала. Бонапарт сошел на берег Франции, имея вполне конкретные опасения. Но… он высаживается — и совершенно неожиданно для себя встречает восторженный прием населения. По всему пути в Париж его приветствуют с энтузиазмом, сравнимым разве что с возвращением из итальянского похода. Но тогда ведь он пришел победителем, теперь же… Но кому какое дело! Никого не волнуют подробности его африканских приключений. В нем видят Спасителя Отечества. Это было для него несколько

неожиданным. На самом-то деле Наполеон, возвращаясь из Африки, не имел какого-то конкретного плана действий.

«Среди многих великих проектов, без конца возникавших в голове Бонапарта, был, несомненно следующий: встать и во главе правительства; но тот бы ошибся, кто поверил в то, что у него при возвращении был какой-либо оформленный план или четкий замысел…» — пишет один из близких ему людей, однокашник по военному училищу Бурьенн.

Наполеон действовал здесь по своему извечному принципу: «сперва надо ввязаться в драку, а там будет видно». Это только задним числом все выглядит четко и стройно, как в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он был готов ко всякому. Но действительность превзошла самые радужные его ожидания…

Оказалось, что в политическом смысле египетский поход не был таким уж провалом. Скорее, наоборот. Потому что во время отсутствия Наполеона Директория с упорством идиота продолжала разваливать все, до чего могла дотянуться. Во Франции уже не было даже подобия порядка. Все шло вразнос. В Вандее снова разгоралось задавленное было восстание крестьян, которые шли в бой под белыми знаменами. Власть воровала. Молодые парни, уклонявшиеся от службы в армии, шатались по стране тысячами. И, понятно, добывали себе пропитание отнюдь не честным трудом. Развелась пропасть самых обыкновенных бандитов. Дороги стали практически непроезжими. Шайки грабителей нападали на деревни, где пытали крестьян, требуя показать припрятанные ценности. Их любимым развлечением было подвешивать свои жертвы над медленным огнем. Их так и называли — «поджариватели».

Бандиты нападали даже на небольшие города. Эти люди называли себя «белыми», «мстителями за короля». Хотя с тем же успехом они могли называться и фиолетовыми в крапинку…

Как всегда в таких случаях, свирепствовали инфляция, безработица и так далее. Не зря французские работяги выдвинули тогда очень характерный лозунг: «Мы хотим режима, при котором едят». И всё. Чего всегда и во всех странах хочет народ в подобных ситуациях? Правильно. Сильной руки.

Но не стоит думать, что для Франции в тот момент сгодился бы любой «суровый, но справедливый». Имелась в стране мощная сила, которая, к примеру, возвращения «короля-батюшки» категорически не желала. Это были зажиточные крестьяне, купившие во время революции землю. С тех пор, кстати, понятия «бедный крестьянин» во Франции не существует. В результате в этой стране сформировался слой, который в России так и не

удалось создать Столыпину.

Интересы этих людей были очень просты. Во-первых, получить гарантию неприкосновенности своей собственности. Чтобы никакие эмигранты и думать не могли заявить на нее свои права. А во-вторых, они хотели элементарного порядка. А всякие там республики и прочие «гражданские забавы» были этим людям абсолютно ни к чему. Именно эта среда и стала опорой для Наполеона.

Молодой генерал им подходил. Он не имел никаких связей с аристократией, а его провинциальное дворянство никого не волновало. Он не был повязан с коррумпированной шайкой, сидящей во главе страны. Наоборот, он находился с ней на ножах, а о том, что именно Бонапарт спас в свое время Барраса, все уже благополучно забыли. Такова уж память народная. И, наконец, это был боевой генерал, одержавший блистательные победы. Провал в Египте? Да и черт с ним, с Египтом. Зато как он ходил по Италии… Лучше-то все равно никого нет!

Бонапарт оценил ситуацию правильно. Поэтому, прибыв во Францию, он без долгих проволочек, не особо даже скрываясь, занялся подготовкой государственного переворота.

Это понимали все. Тут же нарисовались спонсоры, готовые финансировать его затею. Так, банкир Колло преподнес Бонапарту аж полмиллиона франков. На текущие расходы. На орбите Наполеона проявился и знаменитый «флюгер» — Антуан Талейран, который всегда знал, откуда дует ветер. Это был уникальный человек. С ним может в какой-то мере сравниться только советский руководитель Анастас Микоян, о котором говорили, что «от Ильича до Ильича дошел он без паралича». Вот и Талейран благополучно прошел «от Людовика до Людовика» (да и того пережил). Причем, он не только благополучно миновал все опасности той бурной эпохи, но с каждой сменой власти упрочивал свое благосостояние. В описываемое время Талейран был министром иностранных дел при Директории и теперь благополучно «сдавал» ее Наполеону. Наполеон видел цену этому человеку. Но не мог Бонапарт не оценить, что перед ним — один их умнейших людей своей эпохи. Будущий император сознавал, что Талейран и его при случае продаст. Однако пока что этот «фолюгер» сдавал своих бывших хозяев ему. Появился на горизонте и еще один человек — Фуше. Этот в прошлом был деятелем большого террора и более всего боялся, что вернутся Бурбоны и ему придется за все ответить. Фуше был гением полицейского и политического сыска. Но был не тем человеком, которому можно хоть в чем-то верить. И тут наступает новый

этап. До этого Наполеон окружал себя людьми, которым он доверял. Теперь приходилось работать с теми, которым доверять может лишь законченный идеалист или клинический идиот. Но что делать, таковы правила большой политики…

Честно говоря, заслуга Наполеона в самом успехе переворота — гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. Он посмел, это верно. Но организовал переворот не он. Все уже давно созрело. Множество людей, образно говоря, ходили с фонарями: где же ты, смелый и решительный? И вот — он пришел. Сразу все пошло, как по маслу.

Подготовка к перевороту шла около трех недель. Все это время Наполеон с успехом применял свой актерский талант. Ведь среди спонсоров и подельщиков имелось много тех, кто полагал, что двигают к власти человека, который будет плясать под их дудку. И Бонапарт старательно «косил» под недалекого рубаку. Отсюда и многочисленные свидетельства о любви Наполеона к славе «в чистом виде». Будущий император любил об этом поговорить. Эдакий пропахший порохом генерал, которого волнует только гром военных побед. Так, он вел хитрую игру с Баррасом, давая понять, что после переворота оставит его в прежнем состоянии. Да и другим головы дурил не хуже.

Это, кстати, удивительно напоминает период, предшествовавший приходу к власти Гитлера. О фюрере все те, кто помог ему придти к власти, тоже думали, что будут им вертеть, как захотят. Итог был в обоих случаях одинаков — победитель потом всех прижал к ногтю.

В это предгрозовое время произошло и объяснение Наполеона с ветреной женушкой. Узнав о его прибытии во Францию, она бросилась встречать мужа. Однако Наполеон устроил так, что они разминулись в пути. Он ведь уже знал, что она в его отсутствие весело погуляла. Обидно, да?

Жозефина бросилась вслед за мужем. Она примчалась домой, но муж заперся в кабинете и не отвечал на отчаянные призывы жены. Несколько часов она плакала у него под дверью, пока он, наконец, ее не впустил. Произошла долгая и серьезная разборка. Наполеон заявил Жозефине, что собирается с ней развестись. Подробностей этого разговора никто не знает, но, думается, он не особо отличался от тысяч подобных. Наполеон был, без сомнения, великим человеком. Но с женщинами он вел себя как большинство простых смертных. Он даже физиономию ей не начистил. А так, покричал и простил. Дело тут не только в том, что Наполеон искренне любил Жозефину. Развод обманутого мужа с женой… В Париже! Более крутой «анти-пиар» в этом городе придумать было трудно. Человек, рвущийся в диктаторы,

не может быть посмешищем. И еще одно обстоятельство… При Наполеоне Жозефина была на своем месте. Он был человеком, прямо скажем, далеко не светским. Бонапарт был господином, весьма тяжелым в общении. Да, он мог быть очаровательным. Но иногда без какого-то явного повода становился резким и язвительным. Это потом, когда он стал уже императором, всем приходилось принимать его непростой характер как должное. Но пока ему приходилось иметь дело со многими людьми, которые могли бы очень пригодиться в будущем деле. Так вот, Жозефина великолепно умела поддерживать светскую непринужденную атмосферу, сглаживая некорректное поведение своего супруга. Словом, являлась отличной хозяйкой дома. Что, собственно, Наполеон и ценил в женщинах. Поэтому возникшая в супружеских отношениях трещина в общем и целом зарубцевалась.

Всё было готово. За Наполеона стояли войска. И это — главное. Потому что защищать Директорию дураков не имелось. Ситуация была очень похожа на российский Октябрь 1917-го. В том смысле, что существовавшие властные структуры находились в космической пустоте.

Итак, «час икс» настал. 9 ноября (18 брюмера по революционному календарю) 1799 года Наполеон явился в Тюильрийский дворец, где заседала верхняя палата — Совет Старейшин. Он пришел туда в теплой солдатской компании и толкнул небольшую речь против Директории. Суть ее сводилась к строкам Маяковского: «Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время».

— Что вы сделали из той Франции, которую я вам оставил в таком блестящем положении? — вопрошал он. — Я вам оставил мир — и нахожу войну! Я вам оставил итальянские миллионы, а нахожу грабительские законы и нищету! Я вам оставил победы — я нахожу поражения! Что вы сделали из ста тысяч французов, которых я знал, товарищей моей славы!

Этого было достаточно. Возражений не последовало. Директория прекратила свое существование. Барраса же Наполеон элементарно «кинул». Тот до конца думал, что без него Бонапарт не обойдется. А глава путча послал Барраса на хутор (точнее, в поместье) бабочек ловить. Тот и пошел, куда велели. Поздно пить боржом, когда желудок отвалился…

Однако на следующий день ситуация изменилась. С обеими палатами парламента оставалось теперь только разобраться. Для того, чтобы было меньше вони, люди Наполеона заранее пробили идею перевода заседания палат в пригород — в Сен-Клу.

10 ноября туда явился Наполеон. В сопровождении нескольких гренадер он вошел в зал заседаний нижней палаты — Совета пятисот, и попытался повторить вчерашнее представление. Но на этот раз номер не прошел. Со скамей раздались крики:

— Долой! Вне закона изменника!

Некоторые особо рьяные полезли на «гостей» врукопашную. И кто-то даже попытался ударить Наполеона кинжалом. С чего бы это? Ведь ясно было, на чьей стороне сила. Но во все времена у «народных избранников» за время сидения в парламентских креслах происходит какой-то перекос в мозгах. Им в самом деле начинает казаться, что, протирая штаны и почесывая языки, они занимаются большим и нужным делом… Вот и во Франции депутаты упорно не желали покидать насиженные кресла. Им все еще казалось — они что-то решают. Хотя к этому времени Совет пятисот был уже абсолютно независим. В том смысле, что ничего уже от него не зависело. И все же он проявил воинственность.

Однако гренадеры отбили Наполеона и он покинул помещение. Создать видимость законности не получилось.

Следующие несколько часов были одним из самых тягостных периодов в жизни Бонапарта. И загадочных — тоже. В этом эпизоде он выглядит совсем не как крутой и неслабый парень, которому на все плевать. Безусловно храбрый и решительный человек, на этот раз он поддался слабости. Не мог решиться сделать последний шаг. Почему? Вряд ли из-за уважения к законам. И уж тем более — к Республике. Но стоит учесть, что Наполеон все это время замышлял переворот, но никак не путч. Не зря ведь он вел все эти хитрые игры. Хотелось соблюсти хоть какую-то видимость законности.

Откровенно насильственный захват власти означал, что дальше отвечать за все придется Наполеону. Лично. Свалить неудачи будет уже не на кого. Мы никогда не узнаем, что думал Наполеон и почему он вдруг затормозил. Смелый и рисковый человек — и вдруг такое… Каждый может придумать этому свое объяснение, и оно будет не хуже любого другого. Я лишь могу предположить, что он вдруг осознал груз, который взваливает на свои плечи. Ведь только не очень умным людям кажется, что власть — это сплошь мед и пряники. Это — колоссальная ответственность. Так или иначе, но сделать главный шаг в жизни Бонапарту оказалось непросто.

Опять историческая параллель. Мало кому известно: если во время русской революции Ленин рвался хватать власть, то Сталин всеми силами переворот оттягивал. И вообще склонен был решить дело более мягко. Видимо, тоже понимал, во что ввязывается. И те же большевики ведь все-таки согласились

поначалу созвать Учредительное собрание. Откровенный силовой переворот опасен уже хотя бы тем, что слишком у многих порождает желание повторить этот трюк.

Как бы то ни было, Наполеон бесполезно тратит время, не решаясь ничего предпринять. Рядом находится Мюрат, у которого никаких сомнений не было. Мочить — так мочить. Он терпеливо ждет, пока командир дозреет.

Но приступ слабости в конце концов проходит. Да и отступать теперь уже некуда. Отступить — значит надо убираться из Франции, пока цел. И Бонапарт принимает главное в своей жизни решение. Он решается.

Дальше все пошло как по нотам. Его брат, Люсьен Бонапарт, выступил перед солдатами. Он высказался в смысле: ребята, наших бьют! Вашего командира эти депутатишки чуть до смерти не уходили! Айда разбираться!

Те и рады были стараться. Надоело ждать у моря погоды. Да и никакого почтения к народным избранникам у солдат не имелось. Под барабанный бой гренадеры ворвались в зал заседаний. И командовавший операцией Мюрат произнес историческую фразу:

— Вышвырните отсюда всю эту сволочь![6]

Что и было сделано в считанные минуты. Депутаты драпали через двери, а некоторые сигали в окна. Солдаты же никого не обижали. Ни к чему это было. Как оказалось, дело, приняться за которое Наполеон так долго не решался, не стоило и выеденного яйца. Думается, этот эпизод оказал серьезное влияние на будущего императора. В самом деле, что было париться-то! Все прошло просто и с песнями. Через сто пятьдесят лет Мао Цзэдун поэтично сформулирует: «Винтовка рождает власть». 10 ноября 1799 года Наполеон в этом убедился. С тех пор данный принцип Бонапарт будет неуклонно воплощать в жизнь. «Большие батальоны всегда правы», — любил он повторять с тех пор.

Уверенность, что все вопросы можно решить голой силой, будет причиной его ослепительных побед. И — причиной краха. Когда он столкнется с силами, природу которых он так и не сможет понять до конца своей жизни…

Но это только будет. А пока все оказалось сделанным в лучшем виде. По совету Люсьена гренадеры пробежались по окрестностям и изловили кое-кого из разбежавшихся депутатов. Собранные ошметки Совета пятисот, а также большинство Совета Старейшин вечером того же дня издали декрет, менявший структуру власти в стране. Формально Францией управляли теперь три консула. Первым консулом стал Наполеон. Первым и,

по сути, единственным. Потому что остальные двое представляли собою пустое место. Для того-то их на эту должность и поставили.

Казалось, Наполеон должен был ликовать. Он сделал это! Но по дороге из Сен-Клу в Париж Бонапарт был мрачен, как грозовая туча. Он сорвал высшую ставку в игре. Но почему-то это его совсем не радовало…

2. Порядок есть порядок

Когда Наполеон оказался у власти, он стал действовать примерно так же, как и его будущие «коллеги», диктаторы XX века. С той лишь разницей, что Бонапарт жил до эпохи глобальных идеологий. Поэтому у Наполеона — всё честнее. Его поступки не прикрыты идеологическим словоблудием. Так что перед нами, можно сказать, голая схема того, как наводят порядок после революции.

Собственно, это был один из главных наполеоновских тезисов: революция закончилась. Погуляли — и хватит.

Первой задачей было искоренение бандитизма. Кровавыми слезами пришлось плакать многочисленным криминальным элементам, равно как и коррумпированным чиновникам и прочим казнокрадам. Тут-то Наполеон показал класс!

С бандитами теперь разбирались просто. Посланным против них отрядам был отдан приказ: пленных не брать! Грабителей отстреливали как бешеных собак. Та же участь ожидала тех, кто их укрывал, а также скупщиков краденого и так далее. Всех ставили к одной стенке, не заморачиваясь долгими судебными разбирательствами. Это имело успех. С разгулом преступности Наполеон справился в полгода. По дорогам стало можно передвигаться безбоязненно.

Не хуже разбирался он и с коррупцией. Сегодня в России даже государственные мужи говорят, что, мол, чиновники всегда воруют, с этим ничего не поделаешь. А вот Наполеон думал иначе. Он опять же не утруждался поиском юридических доказательств. Метод Бонапарта был очень прост. Разнокалиберных хомяков, разжиревших вокруг казны, он без проволочек сажал за решетку. И держал там до тех пор, пока они сами не возвращали украденное. Правозащитников в те времена не водилось, вякать за тогдашних березовских было некому. А на мнение «мирового сообщества» он плевать хотел.

Вообще-то, доброту для лидера государства Наполеон считал самым большим пороком. Как-то много позже его брат Жозеф, который к тому времени стал бельгийским королем, похвастался, что народ его любит. На это Наполеон ответил:

— Брат мой, если про государя говорят, что он добр, значит, его царствование не удалось.

Что, в общем, верно. Не такая это работа. Что государь «добрый» — говорят, когда больше о нем сказать нечего. В лидере государства доброту обычно расценивают как слабость. И с удовольствием на добрых ездят…

Свои принципы руководства Наполеон сформулировал как-то со свойственным ему цинизмом: «Есть два рычага, которыми можно двигать людей: страх и личный интерес». Причем под последним он понимал не только материальную заинтересованность, но и жажду славы, честолюбие, стремление к самореализации. И в самом-то деле, — других основ управления пока что никто еще не придумал. Да их и не бывает…

Провозглашенный Наполеоном «конец революции» предполагал примирение враждующих сторон. Хотя бы частичное. Однако мириться надо на какой-то базе. И вот Наполеон — пожалуй, первым в Европе — выдвинул национальную идею. Корсиканец стал говорить: «французы». Не «патриоты», то есть революционеры, как говорили во Франции со времени «штурма» Бастилии — а единая нация, которая должна отстаивать свои интересы.

Это было по тем временам необычно. Напомним, что в других странах — даже в Англии — на простой народ государственные мужи внимания не обращали. То была эпоха «узких элит». А Наполеон обратился КО ВСЕМ. Французы начинали себя чувствовать единым народом, у которого есть собственные национальные интересы. Сталин впоследствии повторит этот трюк, заявив о «новой исторической общности» — советском народе. О Гитлере и говорить не приходится.

Ради объединения нации Наполеон постепенно стал облегчать и положение церкви, которая во время революции находилась фактически вне закона. Католицизм был признан «религией большинства французского народа». Этим Наполеон сделал сильный ход. И выбил из рук «белых» один из их самых сильных аргументов — «защиту поруганной матери-церкви».

Это помогло ему решить и еще одну из самых больных проблем. Нарывом на теле Франции оставалась продолжавшая бунтовать Вандея. Семь лет террора ее не успокоили. И Наполеон начал применять тактику кнута и пряника. Вернее, пряника и кнута. Всем повстанцам, добровольно сложившим оружие, объявлялась амнистия. Их лидеры приглашались на офицерские должности в армию.

Занимаясь проблемой Вандея Наполеон совершил поступок, который, был возможно, поэффектнее случая на Аркольском мосту. Бонапарт пригласил для переговоров лидера шуанов (повстанцев), крестьянина Жоржа Кадудаля. Свидание проходило с глазу на глаз. Кадудаль был мужчина феноменальной физической силы. А по убеждениям — упертый «белый» фанатик, абсолютно не ценивший собственной жизни. Так что беседа

вполне могла закончиться тем, что вождь шуанов, ради торжества «легитимистской» идеи, просто свернул бы Наполеону шею. Ему это было — что плюнуть. Так что, пока шла беседа, в коридоре приближенные Бонапарта тряслись от страха.

Все кончилось ничем. Кадудаль Наполеона не тронул, но и от предложенных генеральских эполет отказался. Ушел обратно в лес.

Зря он так. Потому что вслед за пряником Наполеон пустил и кнут. Кто из мятежников не сдавался, того уничтожали. Такие «ножницы» сделали свое дело. Опять же — возвращение церкви… В общем, отряды шуанов быстро таяли. Полностью восстание не было ликвидировано, но опасности уже не представляло. Однако до конца разобраться с внутренними врагами Наполеон не успел. Пришлось поворачиваться к внешним.

3. Миг удачи

В жизни Наполеона было множество эпизодов, когда ему элементарно везло. Везло, как немногим. Взять хоть тот же случай с эскадрой адмирала Нельсона. Но даже в этом ряду битва при Маренго — совершенно уникальна. Ее можно сравнить с удачей человека, сорвавшего «Джек пот» на последнюю десятку…

Но — все по порядку. Весной 1800 года началась новая война. Наполеон не мог примириться с тем, что плоды его побед в Италии пропали. Этот лакомый кусочек очень хотелось вернуть себе — и Франции — обратно. Благо, теперь на итальянской земле не было Суворова. Русский генералиссимус уже окончил свой славный земной путь. О чем, кстати, любители военной истории очень сожалеют. Что не встретились в поле лучший полководец эпохи уходящей и лучший полководец наступающей. Кто бы кого? Но не сложилось…

Начало компании ознаменовалось тем, что Наполеон, восхищавшийся переходом Суворова через Альпы, почти в точности повторил этот рискованный маневр. Правда, в обратном направлении. Австрийские генералы эпохи наполеоновских войн чуть не поголовно отличались редкостным «умом и сообразительностью». Однако Толстой, блестяще описавший их в «Войне и мире», был не совсем точен: на деле эти господа были еще бездарнее. Они, понимаете ли, Наполеона по этой дороге не ждали! Опять! Хотя могли бы сделать выводы. Наполеон один раз обошел Альпы в неожиданном месте — и разбил австрийцев. Потом Суворов переходил те же самые горы и бил уже французов. И — опять «не ждали»!

Всё не могли дисциплинированные австрийские мозги никак примириться с тем, что есть на свете полководцы, которые воюют «не по правилам». Но, так или иначе, Бонапарт снова свалился, как снег на голову. И поначалу опять все пошло как по писаному. Наполеон занимал города, австрийцы крепко чесали в затылке…

И тут Наполеона подвело качество, которое уже играло с ним злые шутки. Он увлекся. Стал действовать чересчур размашисто и совсем забыл об осторожности. А излишняя самоуверенность никого до добра не доводила. Вот и Бонапарт крепко вляпался. Австрийцы сумели-таки его подкараулить и навязать сражение в тот момент, когда Наполеон был к нему не готов. И оказались в положении, в которое всегда стремился поставить себя Наполеон — быть сильнее в нужном месте.

Дело было 14 июня 1800 года, под селением Маренго. Обстоятельства сложились так, что битва эта могла решить исход

всей войны. И не только войны. Дело в том, что хотя Бонапарт навел в стране порядок «в первом приближении», но до спокойствия во Франции было еще очень далеко. За полгода его власти слишком многие поняли, под какую сильную руку угодили. Те, кто думал, что сами будут руководить первым консулом, поняли, что сильно в этом ошиблись. И теперь намеревались ошибку исправить. Во время отсутствия Наполеона во французских верхах начались разброд и шатание. Первый консул находился в состоянии неустойчивого равновесия. Одна ошибка — и всё могло пойти прахом. Многие ждали, когда «Акела промахнется»…

Снова могла завариться политическая каша с непонятным исходом. Помните мучительные раздумья Бонапарта перед захватом власти? Возможно, он предвидел возможность такого расклада. И теперь этот неприятный момент наступил.

А на поле боя все сложилось хуже некуда. Австрийцы превосходили французов численностью в полтора раза. Мало того, у Наполеона почти не имелось его любимых «игрушек» — орудий. А вот у австрийцев с ними все было хорошо. Неравенство сил было чересчур велико — воевать не числом, а умением могло не получиться.

С самого начала австрийцы стали упорно теснить французов. Те сражались храбро, но к середине дня, казалось, исход битвы был уже предрешен. Армии Наполеона светил полный разгром. Она начала отходить, и отступление вот-вот превратилось бы в бегство. В штабе французов царил разброд.

Наполеон повторял:

— Надо держаться.

Но, кажется, сам уже понимал, что проиграл.

А его противники были уверены в своей победе на сто процентов. Австрийский генерал Меласс уже послал гонца в Вену с победным докладом. Не терпелось ему, понимаете ли. Как же! Разбил того самого Бонапарта! Славы теперь на всю жизнь хватит — и еще для истории останется. А ведь известно: не говори «гоп»… За эту поспешность Судьба ему жестоко отмстила.

В самый что ни на есть критический момент на помощь Бонапарту нежданно-негаданно явился генерал Дезе со свежей дивизией. За день до битвы Наполеон послал его выполнять вспомогательную задачу, но, услышав гром пушек, Дезе вернулся. И очень вовремя. Это было чудо. Дело даже не в том, что появилась подмога — она появилась в самый нужный момент.

— Первое сражение, кажется, проиграно. Остается выиграть второе, — разобравшись в ситуации, спокойно заметил Дезе.

Он был прав. Лучшее время для вступления в бой свежих сил

придумать было трудно. Уверенные в победе австрийцы уже расслабились. Целыми частями они выходили из боя и располагались на обед. Начали, так сказать, праздновать. И в этот самый момент получили железным молотком по голове… Шок был страшный. «Вторая серия» битвы длилась чуть больше часа. Ошалевшие австрийцы, которые только что переваривали свой триумф, теперь бодро пустились наутек. Безнадежно проигранное сражение обернулось блестящей победой. К сожалению, герой дня, генерал Дезе, погиб во время атаки.

Узнав об этом, Наполеон — в первый и предпоследний раз в своей жизни — не смог сдержать слез.

— Как хорош был бы этот день, если б сегодня я смог бы обнять Дезе! Почему мне не позволено плакать!

Такого прощального слова удостаивались от Наполеона немногие. Он часто рисковал собственной жизнью — и еще меньше ценил чужую. Но здесь его все-таки проняло…

Очень забавно получилось с венским двором. После того, как первый курьер привез сообщение о победе, в нем воцарилась эйфория. Страшный Бонапарт разбит! Казалось, теперь все пойдет как надо. Все будет хорошо. И тут, «как смерть на свадьбу», прибывает второй гонец… Из сообщения которого выходит, что вся Италия опять оказалась в руках «корсиканского чудовища». Забавно было бы поглядеть на лица австрийских придворных… Редкое, должно быть, было зрелище. По сравнению с ним гоголевская немая сцена — проходной эпизод.

В Париже было то же самое. Первые дошедшие сведения были неутешительны. И противники Бонапарта зашевелились. Пошли гулять комментарии, что, мол, допрыгался, голубчик. Но тут вдруг приходит сообщение о победе! На соборах зазвонили колокола, Париж охватила эйфория. Как вспоминают современники, это был именно выплеск национальной гордости. Мы, французы, сделали это! Теперь тем, кому Наполеон был не по нраву, уже пришлось затаиться. Надолго.

В результате заключенного после этой победы мира Наполеон снова прибрал к рукам свои итальянские завоевания. Фактически же и Голландия, и все скопление малых, маленьких и микроскопических немецких государств тоже попало под его контроль. Он УЖЕ сделал Францию самой сильной державой в Европе. Исключая, конечно, Россию.

И как после такого чуда было Наполеону не увериться, что он и в самом деле — избранник Судьбы и баловень Фортуны!

4. Порядок есть порядок-2

Если поражение поставило бы Наполеона на грань катастрофы, то победа укрепила его авторитет несказанно. Теперь, хотя бы на время, его противники должны были прикусить языки. С героями дня не спорят. Но Наполеон понимал, что все это временно. Все-таки пока его власть держалась только на силе штыков и личном авторитете. Пора было всерьез заняться ее укреплением.

Повторим еще раз: в этот период интересы Наполеона полностью совпадали с интересами большинства населения страны, во главе которой он оказался. Нужен был порядок и еще раз порядок. И всё.

А вот демократия была совершенно ни к чему. Сегодня многие продолжают верить в навязанный нам миф, что демократия — это высшая ценность сама по себе. Что, на самом деле, является полной чушью. Это — лишь инструмент. Который иногда работает хорошо, а иногда — не очень. На «Мерседесе» приятно ехать по мирной автостраде. А по полю боя сподручнее — на танке.

За годы революции Франция нахлебалась демократии досыта. Что же касается самого Наполеона, то он эту форму правления не переваривал в принципе. И постарался устранить все ее следы. Не буду утомлять читателя описанием созданной Наполеоном системы управления государством. Достаточно сказать: дело было теперь поставлено так, что окончательное решение принимал лишь один человек. И все мы имя этого человека знаем.

Но зато чиновников он заставлял работать, как негров на плантациях. Работая сам по двадцать часов в сутки (без преувеличения), он много требовал и с других. Государственным людям были назначены очень большие оклады, но уж хорошей кормушкой чиновничью работу при Наполеоне назвать было трудно. О взятках и речи не шло. До самого крушения наполеоновской империи государственный аппарат работал с точностью часового механизма.

В назначениях чиновников на различные посты, Наполеон придерживался того же принципа, что и в армии: всегда старался поставить человека туда, где его достоинства способствовали бы делу, а недостатки не мешали бы. Знакомства, личная приязнь или неприязнь, прошлые заслуги — ничто в расчет не шло. Единственный критерий был — способность выполнить порученное дело.

К примеру, Наполеон терпеть не мог Фуше. Ну, просто не переваривал. Тошнило его от этого типа. Но Бонапарт понимал: Фуше наделен способностями, которых он сам лишен. Офицер Наполеон в специфике полицейской работы абсолютно не разбирался. Поэтому Фуше и стал министром полиции. Или Талейран. Его Наполеон всегда считал редкой сволочью. Каковой тот и являлся. Но Талейран был умнейшим дипломатом. Поэтому и стал министром иностранных дел.

— Высшая безнравственность — это браться за дело, которое не умеешь делать, — любил повторять Наполеон.

А вот чего Наполеон терпеть не мог в людях и никогда не прощал, так это глупости. Так, когда в 1805 году министр казначейства (финансов) Бербе-Мобруа по глупости и бездарности наломал дров.

Наполеон вызвал его для «разбора полетов».

— Государь, вы не считаете меня, по крайней мере, вором? — спросил горе-министр.

— Я предпочел бы это сто раз. Жульничество имеет какие-то границы. Глупость — беспредельна.

Впрочем, Бербе-Мобруа дешево отделался. Он лишь со свистом вылетел со службы.

И вот что еще интересно. В наполеоновской империи бюрократический аппарат так и остался чисто рабочим инструментом. Уникальный случай, когда закон Паркинсона не сработал.

Круто разобрался Наполеон с прессой. Из 60 французских газет он оставил лишь 12. А потом и вовсе — 4. Эка он свободу слова-то. Кошмар? Но с другой стороны…

Как говорил булгаковский профессор Преображенский, «разруха не на улицах, она в головах». Автор, как журналист, отлично представляет себе степень ответственности своих коллег за то, что они пишут. Вернее — их полную безответственность. Тогдашние газеты были ничуть не лучше. За двенадцать лет (!) революции «разрухи в головах» у французов произошло предостаточно. А уж у журналистов — тем более. А тогда газетам еще верили. Существовало значительное число людей, которым так понравилось заниматься борьбой, что больше они ничего делать и не желали. Они не то, чтобы Наполеону особо мешали, но… путались под ногами. Потому-то он и заткнул им глотки. Может, Наполеон в этом и погорячился, но никто по поводу закрытия газет особо не плакал. Кроме, конечно, самих журналистов, которые потеряли работу. Большевики тоже в свое время прикрыли «чужие» газеты. И правильно сделали. Они,

правда, создали свои. Но Наполеон жил в другую эпоху, до глобальных идеологий. Силу пропаганды он так и не понял. Наполеон полагал: его действия говорят сами за себя.

Но все-таки самым знаменитым «мирным» достижением Бонапарта стал так называемый «Кодекс Наполеона». Это свод законов, который по сию пору изучают будущие юристы. За этот документ современники простили Наполеону не только закрытие газет. А именно — за провозглашенный в нем принцип: «частная собственность священна». Именно это оказалось жирной точкой в длинной драме революции. Черным по белому было сказано: кто чем владеет, тем и будет владеть. Кончено. Никаких переделов больше не будет. А это, собственно, и все, что было нужно крестьянам от новой власти. Именно поэтому следующие пятнадцать лет солдаты, выходцы именно из этой среды, безропотно сражались и умирали.

Характерно, что когда после падения Наполеона к власти снова пришли Бурбоны, они — при всей их ненависти к наполеоновским порядкам — не посмели изменить ничего ни в созданной Наполеоном государственной системе, ни в его законодательстве.

ПРАВОТА БОЛЬШИХ БАТАЛЬОНОВ

1. Жизнь под прицелом

Какая же диктатура, да без репрессий! Были они и при Наполеоне. Другое дело, что репрессии эти не идут ни в какое сравнение с тем, что происходило на «ниве имперского строительства» при последователях Наполеона.

Быть диктатором — занятие не только трудное, но и опасное. Речь не идет о боях и прочих сражениях. Человека, обладающего такой властью и отравляющего жизнь стольким политикам, обязательно кто-нибудь попытается убить. И Наполеон не был исключением. Пожалуй, Бонапарт — первый в новой истории государственный деятель, за которым террористы повели планомерную охоту.

Первыми за дело взялись недобитые якобинцы. Они мыслили как истинные революционеры. Диалектически. Когда сами пришли к власти, — тут же установили диктатуру. Да такую, что Наполеону и не снилась. Когда это сделал другой, — тут же завопили о «гибели республики». Так вот, «тирана» решено было убить.

9 октября 1800 года в театре Оперы четверо отморозков с кинжалами в руках пытались прорваться в ложу первого консула. Когда их повязали, они не скрывали своей цели — «убить тирана». Через месяц после того, как их взяли, полиция накрыла еще одного якобинца. Тот изготавливал взрывное устройство. Тоже не с целью рыбу глушить.

Но это была лишь разминка. 24 декабря Наполеон снова направлялся в театр. На одной из улиц под каретой грохнул взрыв. Было убито 22 человека и ранено более 60-ти. Бонапарта опять спасла его «звезда». Снова! Кучер гнал карету быстро — и взрыв произошел с секундным опозданием. Двигайся экипаж помедленнее — и Наполеон предвосхитил бы судьбу Александра II.

Бонапарт и тут проявил изрядное самообладание. Он счел нужным все же приехать в театр. Появившись в ложе, он ничем не выдал своих чувств. С точки зрения пиара, это было великолепно. Слух о происшествии долетел быстрее кареты. Так что при появлении Наполеона зал устроил ему овацию.

Бонапарт, конечно, сильно обиделся на такое отношение к себе бывших партайгеноссе, (то есть якобинцев, в клубе который он когда-то состоял). И приказал министру полиции Фуше составить списки леваков, подозреваемых в том, что они продолжают свою деятельность. А потом, согласно спискам, выслать их подальше да поюжнее. Понятно, не в Ниццу. Фуше

подсуетился. Он ведь тоже в свое время был якобинцем. Так что постарался теперь законопатить всех, кого только можно. Для того, чтобы и на него вдруг чего не подумали.

Прокатилась волна репрессий. Подозреваемых в революционной деятельности отправляли в Гвиану — африканскую колонию, где белые долго не заживались. Впрочем, якобинцам обижаться не приходилось. Это все равно было куда мягче их собственного «декрета о подозрительных». Каждому — по делам его. Выслали примерно сто двадцать человек. Не так уж и много, если по меркам XX века…

Впрочем, как выяснилось, здесь Наполеон погорячился. Начальник полиции продолжал копать. Он-то как раз догадывался, что к последнему взрыву его «бывшие товарищи» отношения не имеют. А доводить дело до второй попытки он уж никак не хотел. И Фуше оказался прав. Последний теракт организовали люди совсем с другой стороны.

С момента захвата власти Наполеоном роялисты тешились некоторое время иллюзией, что Бонапарт сделал это лишь для того, чтобы вернуть престол «законному королю». Вскоре после того, как Наполеон стал первым консулом, брат казненного короля, граф Прованский, тоскливо околачивавшийся на территории Российской империи под громким именем Людовика XVIII, даже прислал письмо с таким предложением. Ага, делать было Наполеону больше нечего! Он тогда уже сам метил в императоры. На первое послание Бонапарт просто не ответил. Луи не унимался и написал вторую цыдулю. «Вы не должны желать возвращения во Францию; вам пришлось бы пройти через сто тысяч трупов», — ответил на это Наполеон. В общем, все стало яснее ясного. До Наполеона роялисты верили, что когда Республика окончательно прогниет, дорога им будет открыта. А теперь, когда во главе страны стоял сильный человек, перспектива вернуть трон предков отодвигалась в туманную даль.

Но вот тогда и роялисты пошли по пути террора. Они-то и образовали обширный заговор, участники которого и подготовили взрыв. Когда это дело раскрылось, масштабы его неприятно Наполеона поразили. Он решил покончить с этим делом раз и навсегда. Теперь вешать и ссылать стали уже роялистов. Якобинцев, правда, Наполеон из ссылки не вернул. Так, на всякий случай. Оно спокойнее будет. Но и на этом дело не кончилось.

В 1801 году завершилась война с Англией. Но мир продлился всего два года. В 1803 году всё началось снова. Ну не могла Британия примириться с тем, что Франция становится хозяйкой Европы.

С началом войны, правда, англичане слегка погорячились. Они привыкли отсиживаться на свом острове и обделывать дела чужими руками. Но на тот момент союзников не нашлось. А Наполеон стал готовить десантную операцию против Англии. Этого британцы боялись во все времена. Потому как настоящей армии у них никогда не было (так же они тряслись потом, когда похожую операцию готовил Гитлер).

И тогда англичане решили действовать испытанным способом — организовать политическое убийство. Два года назад они с успехом проделали это в России — устранили Павла I, который склонялся к союзу с Наполеоном. Теперь дело дошло и до Бонапарта. Правда, здесь все обстояло сложнее, нежели в Петербурге. Не находилось исполнителей. Обратились к Бурбонам — и те подогнали подходящего человека из числа своих приспешников. Это был уже знакомый нам крестьянин-фанатик из Вандеи Жорж Кадудаль. Во время встречи с Наполеоном вождь шуанов не убил первого консула, поскольку, как и другие монархисты, питал иллюзии насчет «реставраторских планов» Бонапарта. Теперь, осознав свою ошибку, он был готов ее исправить.

Деньги в это дело были всажены немеряные. Кадудаль и его братва должны были похитить Наполеона во время его верховой прогулки, увезти и ликвидировать.

Ох, и намучились с ним британцы! Кадудаль был человек простой и бесхитростный. А говорить о политическом убийстве прямо тогда не было принято. Задание излагали намеками. Как и в случае с Павлом I: «предложить императору отречься»… Но там убийцами были образованные дворяне, которые такой язык понимали. А тут — крестьянин, которому никак не втолкуешь, что «похитить» — это и значит «завалить».

На все эти увертки шуан отвечал, наверное, так:

— Похитить? А чего его похищать-то? Задушить гада — да и дело с концом!

— Нет, понимаете, во время похищения могут случиться разные неожиданности…

— Дык, зачем похищать? Говорю — прибить его надо!

Но в конце концов Кадудалю все-таки втолковали, чего от его ждут, и он увлеченно принялся за дело.

В этой истории есть один очень любопытный штрих. Кроме непосредственного исполнителя, англичанам был нужен человек, который после убийства возглавил бы «правительство переходного периода». Им стал генерал Моро, который люто ненавидел Наполеона. И знаете, за что? За то, что сам мечтал сделать то же самое, что и Бонапарт! То есть совершить

переворот. У каждого успешного человека есть своя «черная тень» — тот, кто ненавидит счастливца, потому что ему самому подобное не удалось…[7]

Ну, так вот. Пока шли переговоры с Моро (тот хотел работать на себя, а не на Бурбонов) ребята Фуше тоже не дремали. Заговор был раскрыт. Для Наполеона это было уже чересчур. Он прекрасно понимал, кто стоял за убийством Павла I, и совершенно не желал повторить его судьбу. Дело осложнилось тем, что Кадудалю долго еще удавалось скрываться, хотя вся полиция буквально стояла на ушах. Жить под постоянной угрозой покушения — это, возможно, потруднее, чем ходить в бою под пулями. В общем, Наполеон разозлился по-настоящему. А в состоянии подлинного, не наигранного гнева он совершал крупные ошибки, Так вышло и на этот раз.

Талейран в разговоре с Наполеоном бросил фразу:

— Бурбоны, очевидно, думают, что ваша кровь не так драгоценна, как их собственная.

И Бонапарт решил показать сторонникам короля, что «здесь вам не тут».

Под горячую руку попал один из членов королевской фамилии, герцог Энгиенский. Он мирно жил в Бадене, маленьком немецком государстве, и вообще не интересовался политикой. В ночь с 14 на 15 марта 1804 года французская «группа захвата» ворвалась на территорию чужой независимой страны и похитила герцога. Тут же над ним провели суд и быстренько расстреляли.

Уже после казни герцога Наполеон получил его предсмертное письмо. Никто не знает, что там написано. Но Бонапарт уверял: получи он его пораньше, — герцог остался бы жить. Ему просто не повезло…

Просчет Наполеона здесь был, прежде всего, вот в чем. Эта «некорректная» акция привела к тому, что Наполеон нажил себе смертельного и опаснейшего врага. Александра I. Русский император через посла передал Наполеону ноту протеста: нехорошо мол, поступил. По приказанию Наполеона Талейран дал ответ — публично и официально. В переводе с языка дипломатического на обычный, суть его была следующая: а ты-то сам кто? Убил собственного отца и еще выступаешь!

Оскорбление было смертельным — и Александр никогда его не простил. Главное же было в том, что именно в этот момент Наполеон прилагал огромные усилия, чтобы «подружиться» с Россией. В союз предполагалось затащить и Пруссию. И тогда Бонапарт мог бы тихо и спокойно раздавить непримиримого врага — Англию. Возможно, случись это, вся европейская история пошла бы иным путем. Но не сложилось.

Вся эта чехарда с покушениями, несомненно, сильно сказалась на характере действий Наполеона. О чем разговаривать с такими противниками? Давить, давить и давить! «Звезда» ведущая его по жизни, в этом поможет. Наполеон снова показал свой характер азартного игрока. За два года без войны он, казалось многим, остепенился. Вел себя как нормальный хитрый политик. Используя свои выдающиеся способности, играл в сложную дипломатическую игру. Словом, вроде бы, начал вести политику, рассчитанную на долгие годы. Но после казни герцога Энгиенского всё пошло по-старому. Наполеон опять стал играть ва-банк. Всё или ничего. И немедленно! Как всегда водится в азартной игре, ставки постоянно росли. Можно сравнить численность войск и соответственно — убитых и раненых. Всё больше и больше. Наполеон стал захватывать мелкие немецкие княжества просто потому, что ему так хотелось. Водрузил на себя еще одну корону — итальянскую. В общем, большие батальоны всегда правы.

С этих пор и до самого конца правления Наполеона война в Европе не прекращалась ни на один день.

А что же собственная власть?

Выстроенная Наполеоном система была уже империей в самом что ни на есть чистом виде. Вот и следовало довести дело до логического конца. Первый консул — это все-таки звучало несерьезно. Другое дело — Император. Наивно было бы объяснять решение Наполеона надеть на голову корону обыкновенным тщеславием. Чем-чем, а страстью к побрякушкам он не страдал никогда. Да и особого уважения к монархической идее самой по себе Наполеон не испытывал. Смысл здесь глубже.

Положение Первого Консула не обеспечивало преемственности власти. Мы не знаем точно, насколько Наполеон заботился о том, что будет после его смерти. В то время у него еще не было наследника. Но в любом случае, человека, который потратил столько сил на создание фактически нового государства, вряд ли может радовать мысль, что после его смерти все пойдет прахом. К тому же «официальная» империя позволяла создавать и новую аристократию. Это Наполеон не тешился чинами и званиями. А вот его приближенные, в большинстве выходцы из низов, совсем не прочь были сделаться герцогами и графами. И ведь сделались!

Второй момент — это желание получить на власть санкцию Ватикана. В католической крестьянской стране это было важно. И еще одно. В следующей главе речь пойдет о покушениях на Наполеона. Они тоже сыграли свою роль. Коронация обеспечивала большую законность его положения.

Переходу к империи сопутствовал грандиозный раздрай в клане Бонапарта. Его родственнички отчаянно грызлись друг с другом. Каждый хотел себе всего, и побольше. Хотя никакими особыми талантами братья и сестры Наполеона не отличались. Однако они буквально доставали будущего императора: «дай, дай, дай». Особенно отличились в этом деле сестрички. Им до смерти хотелось сделаться принцессами. Впрочем, это понятно. Думается, такая мечта сидит в глубине души если не каждой девушки, то каждой второй — точно. Сестричек очень обижало, что Жозефина находится по положению выше их. Они бесконечно интриговали против нее и друг против друга. Словом, еще не став императором, Наполеон получил в подарок от родни знатный гадюшник под названием «августейшая фамилия».

Надо сказать, что, несмотря на веселые похождения женушки, на то, что она уже стремительно теряла красоту, Наполеон продолжал свою жену любить. Да, она была весьма пустой особой, более всего на свете любившей транжирить деньги. Но, как уже упоминалось, ума в женщинах Наполеон не ценил, а денег у него теперь было, что грязи.[8]

Тут же вышла у императора и вторая крупная ссора с матерью. Она была обижена за своих младших сыновей, которых Наполеон отдалил от себя. По причине их бесполезности. Летиция сочла это изменой клановому единству и смертельно обиделась. Настолько, что не появилась на торжествах по случаю коронации. Знаменитый художник Жак Луи Давид, запечатлевший праздник, вынужден был пририсовывать ее на картине дополнительно. Наполеон ценил талант Давида, он отлично понимал: уже потому, что картина написана этим художником, сцена коронации будет запечатлена на века. Поэтому Наполеону очень хотелось, чтобы все было, как положено. Но великий художник сумел-таки отразить реальное положение дел. Посмотрите на репродукцию, на выражение лица Летиции — все станет ясно.

2 декабря 1804 года в соборе Нотр-Дам состоялась церемония помазания Наполеона. Ее проводил сам Римский папа Пий VII.

В этой истории много забавного. Дело в том, что даже «легитимных» католических европейских монархов папы давно не короновали. Последним такой чести был удостоен основатель французского государства Карл Великий в 800 году. Это был человек, создавший империю, почти совпадавшую в момент максимального расцвета с наполеоновской. Но Карл, по крайней мере, сам поехал в Рим. А Наполеон потребовал от папы, чтобы «гора пришла к Магомету». Тем самым он всем давал понять, кто

хозяин в Европе.

Требование было неслыханное. Но что оставалось делать папе? Он уже испытал хватку французского хищника, и потерял при этом лучшие земли. Теперь же он прекрасно понимал: стоит Наполеону лишь нахмурить брови — и он потеряет все остальное (что, впрочем, через некоторое время и случилось). Наполеона сан примаса не остановил бы. Так что пришлось ехать…

Во время коронации произошел широко известный случай. Папа должен был возложить корону на голову Императора. Однако Наполеон внезапно выхватил ее из рук примаса и надел сам. Бонапарт был актером. И хорошо понимал значение такого эффектного жеста: «Не меня возвели на престол. Я сам себя возвел!» Началось время Империи. «Звезда» Наполеона засияла ослепительным светом.

— Если бы сейчас нас видел наш отец, — сказал Наполеон брату Жозефу Бонапарту после церемонии.

2. Как по нотам!

А первые итоги размашистой имперской политики не внушали особого оптимизма. Англия спасла себя от вторжения, сколотив новую антифранцузскую коалицию. Британцы всадили бешеные деньги в финансирование русской армии (интересно, сколько при этом украли наши начальники?) Кое-что перепало также Пруссии и Австрии. Наступление австрийских войск вынудило Наполеона прекратить — на время, как ему тогда казалось, — подготовку десанта на Британские острова.

Наполеон был плохим стратегом. Но полководцем-то он был гениальным! Этого союзники (кроме Кутузова) с каким-то ошеломляющим упорством не могли понять. Им все казалось: предыдущие триумфы Наполеона — случайность. Союзники — и прежде всего австрийцы — с энтузиазмом принялись наступать всё на те же грабли. Вообще-то все действия австрийцев во время наполеоновских войн — это одно нескончаемое позорище. Но в данную кампанию они превзошли в этом себя. Это было уже за пределами здравого смысла. Что стоит описанный в «Войне и мире» эпизод, когда стратегически важный мост через Дунай захватили… три французских генерала. Именно три генерала лично, без помощи своих солдат. Австрийцы собирались при опасности мост взорвать. Дунай — река широкая. Так что французам пришлось бы изрядно повозиться, организуя переправу. Но генералы Мюрат, Ланн и Бельяр явились к австрийскому начальнику и стали вешать ему лапшу на уши. Мол, заключено перемирие. Тот долго слушал этот бред, и даже не попытался принять мер предосторожности. В конце концов из засады выскочила рота французских гренадер, перебила охрану и французские войска перешли на другую сторону… Дальше уже ехать некуда. В русской армии долго не могли поверить, что австрийцы достигли таких вершин идиотизма. Подозревали, что они, как при Суворове, просто предали союзника.

Но еще до этого Наполеон вдребезги разбил австрийскую армию под Ульмом. Следующим этапом большого пути было взятие Вены. Умнее всех поступил Кутузов. Он прекрасно понимал свои возможности, сознавал, что в открытом бою Бонапарта ему не одолеть. А потому отступал.

Но вот настал один из самых знаменитых дней в мировой военной истории — 2 декабря 1805 года. В морозном воздухе вставало солнце Аустерлица…

Но сначала — о предыстории сражения.

Союзники сделали все глупости, которые только могли сделать. Для начала, в войсках находились аж два императора — русский Александр I и австрийский Франц II. В отличие от третьего императора, присутствовавшего на поле с другой стороны, они ни бельмеса не смыслили в военном деле. Зато очень рвались в бой. У Александра, как мы помним, были и личные причины посчитаться с Наполеоном. Оба были уверены в победе. По численности противостоящие армии были примерно одинаковы. Но незадолго до этого Кутузов при Шенграбене нанес одному из французских корпусов серьезное поражение. Этой, не слишком важной победе придавали чуть ли не мистическое значение. Ждали подхода пруссаков. Тогда перевес в силах стал бы подавляющим.

Задачей Наполеона было — не дать противникам затянуть военные действия. Выманить их на бой. Для этого требовалось прикинуться слабаком.

Компанию по втюхиванию «дезы» Наполеон провел блестяще. Он не просто распространял слухи, что ищет мира. При огневых контактах передовых отрядов французы демонстративно вели себя, как трусливые зайцы. Потом император послал генерал-адъютанта Савари в русский лагерь с просьбой о мире. И даже просил о личной встрече. Или, в случае отказа, просил хотя бы послать к нему кого-нибудь в лагерь для переговоров.

Александр «купился»! Хотя тоже был далеко не последним дипломатом. Которого обычно на такой фигне было не провести. Но, видимо, очень уж Александру хотелось, чтобы дело обстояло именно так. Он послал для переговоров своего любимца — князя Юрия Долгорукова. Который обладал лишь одним достоинством — умел улавливать настроения царя и вовремя поддакивать, выдавая это за свое мнение. Нашли, кого посылать! Этого самовлюбленного дурака великий актер Наполеон шутя обвел вокруг пальца. Он играл всё в ту же игру: изображал растерянного и напуганного человека. Наполеон потом говорил, что Долгоруков говорил с ним «как с боярином, которого хотят сослать в Сибирь». Русский посланник вел себя так, будто победа уже одержана. Так, он предлагал Наполеону уйти из Италии. Потом, в печати, Наполеон прославил Долгорукова на весь мир, прилепив к нему эпитет «freluquet». Обычно это переводится как «ветрогон», но, по-моему, в современном русском языке этому слову больше соответствует определение «трепло дешевое».

Своей цели Наполеон добился. Он вытащил союзников на бой. Теперь кончились хитрости, началось искусство полководцев. И тут уже не было никакого везения. Был холодный расчет. Союзники сделали именно то, на что Наполеон их и

подталкивал. Они хотели окружить Наполеона — и он своими умелыми действиями заманил их в ловушку. Внезапной контратакой Наполеон оттеснил русских на полузамерзшие пруды. Сражение кончилось, началась бойня. Орудия били по льду, и солдаты тонули целыми полками. Австрийцы же проявили свойственную им бездарность. Они несколько часов тупо топтались возле никому не нужного холмика, который защищал слабый французский отряд. А потом сами загнали своих солдат в те же пруды. В общем, разгром был полный. Русско-австрийская армия перестала существовать. Причем не столько солдат погибло или сдалось в плен, сколько разбежалось по окрестностям. А что еще было делать солдатам после того, как оба их императора еще задолго до конца битвы драпанули с поля боя? Итог боя в цифрах таков. Союзники потеряли 15 тысяч убитыми и 20 тысяч пленными из 90 тысяч человек. Французы — меньше 9 тысяч (из 80). Воевать французам стало просто не с кем. Правда, в теории были еще пруссаки. К Наполеону как раз двигался посол короля Пруссии для того, чтобы предъявить жесткий ультиматум. Но когда он прибыл в Вену, куда после победы вернулся Наполеон, то сообразил, что грозить императору теперь, пожалуй, не стоит. Оставалось лишь изысканно вилять хвостом.

— Поздравляю Ваше Величество с победой!

— Фортуна переменила адрес на ваших поздравлениях, — отрезал Наполеон.

Их всех своих многочисленных побед Наполеон более всего ценил именно Аустерлиц. Потому что здесь не было ни капли везения. Блестящая победа малой кровью была достигнута благодаря тому, что Бонапарт лучше разбирался в искусстве войны. Обман Долгорукова тоже был частью полководческого замысла. «Честных» сражений, как и «благородных» войн, не бывает.

Дело было сделано. После заключения мира Австрия потеряла громадные территории и шестую часть населения. Страну, как водится, изрядно пограбили. А Россия? О ней «забыли». Наполеон не стал пользоваться правом победителя. Он продолжал надеяться наладить с Россией хорошие отношения.

Теперь Наполеон мог делать в Европе всё, что его левая нога пожелает. Так, к примеру, в покоренной Италии прежние короли все еще сидели на своих тронах. Самостоятельность их, была, конечно, весьма условной, они полностью подчинялись командам Наполеона. Но он захотел пристроить своего брата Жозефа на хорошее и не требующее особых хлопот место. Для этого он

просто взял и согнал с трона королевскую чету и посадил своего брательника. Другого братца, Людовика, он посадил в голландские короли. В Германии из маленьких государств он создал так называемый Рейнский Союз, главой которого являлся сам. Почему он просто не присоединял территории к Франции, а создавал сложную систему отношений? А очень просто. За взятые под крыло территории надо отвечать. А тут — все внутренние дела решают сами, а верховодит Наполеон. И еще. Император делал четкое различие между «старыми департаментами» и захваченными территориями. Последние он не только откровенно грабил. В экономическом смысле они становились придатками Франции. Которые работали не к своей выгоде, а в интересах метрополии.

Некоторые государства он просто раздал своим маршалам. Так и сын трактирщика Мюрат сумел пролезть в великие герцоги.

3. Блицкриг по-французски

Теперь в Европе оставалась всего лишь одна крупная страна, не зависимая от Наполеона — Пруссия. Это было крупное и, на первый взгляд, достаточно сильное государство. В октябре 1806 года дошла очередь и до нее.

История разгрома Пруссии производит не меньшее впечатление, чем обратная история, произошедшая в 1940 году, когда Третий Рейх в считанные дни разнес Францию. Только в XIX веке все случилось еще смешнее.

Хотя, вообще-то, трогать Пруссию Наполеон не собирался. Ни к чему было. Наполеон никогда не стремился к такой глупости, как «завоевание мира». Говоря коммерческим языком, он завладел в Европе «контрольным пакетом». И ладно. Гораздо важнее было разобраться с Англией. Но пруссаки сами напросились. Они начали первые. Как всегда, решающую роль в этой глупости сыграли те, кто понятия не имел, что такое война. В частности, королева Луиза. Очень уж ей хотелось разгромить «узурпатора». Она его ненавидела лично, видя в нем разрушителя старой и такой уютной Европы. К королеве в штатные подпевалы записались придворные прихлебатели. Которые тоже вряд ли когда-нибудь слышали свист пуль и ядер. Однако они сумели организовать должным образом общественное мнение. И нерешительный король Фридрих-Вильгельм III решил выступить.

Мы полагаем, что шапкозакидательство — специфически русская национальная черта. Не так это. Аналогичному недугу подвержены и другие народы. Именно атмосфера шапкозакидательства царила перед войной в Пруссии. Это была какая-то вакханалия идиотизма. Будто никто не видел, что натворил Наполеон за последние десять лет. Почему-то пруссаки полагали себя непобедимой армией, которая одним молодецким ударом опрокинет «самозванца». Как говорили древние: «Кого Юпитер хочет погубить, сперва лишает разума». Потому что никаких объективных причин для такого шапкозакидательства не имелось. Пруссия тех времен — это не Германия времен мировых войн. И даже не Пруссия Бисмарка. Прусская армия не вела серьезных войн около сорока лет. Да и последняя, Семилетняя война с Россией, была фактически проиграна Берлином. Так что гордиться было особо нечем. Но на Наполеона двинулись весело и с песнями.

А дальше пришлось плакать. Пересказывать ход сражений не буду. Все они примерно одинаковы: Наполеон пришел, увидел, победил. У пруссаков все оказалось ни к черту. Генералы

бездарные, организация никакая, разведка не поставлена. Так, одна битва началась, словно в кинокомедии. Прусский генерал стоял лагерем и полагал, что французы находятся в нескольких переходах от него. Рассеивается туман — и оказывается, что с ближайшего холма на него движутся французские части. Итог битвы, а точнее избиения — понятен.

От «непобедимой» прусской армии только пух летел. По дорогам Пруссии в панике бежали остатки немецких войск. Самое смешное было, когда на одной дороге перемешались остатки двух армий, бегущих с разных сторон. Ребята Наполеона аж вспотели, собирая по дорогам брошенные огромные обозы со снаряжением и припасами.

Война началась 8 октября. А через 19 дней Наполеон подошел к Берлину. Где бургомистр на блюдечке с голубой каемочкой отдал ему ключи. На радостях город даже не особо грабили. А дальше начинается театр абсурда. В стране еще оставались сильные крепости, которые могли держаться и держаться. Но крепости поднимали лапки кверху. Мощная крепость Кюстрин с четырехтысячным гарнизоном и великолепной артиллерией сдалась восьми сотням французов, у которых не имелось ни одной пушки. Крепость Магдебург, в которой находились 22 тысячи солдат, выкинула белый флаг после трех выстрелов из легких пушек, которые не могли причинить ей никакого вреда. В итоге от Пруссии остался лишь Данциг (нынешний Гданьск), в котором отсиживалась королевская чета. Оттуда бежавший король прислал Наполеону письмо, в котором почтительно интересовался: удобно ли императору в его берлинском дворце?

Вся война заняла один месяц. Блицкриг.

Могут спросить: и это тоже немцы? Ведь в XX веке они с песнями прошагали половину Европы? Именно. Прусская армия наполеоновских времен, не воевавшая сорок лет, была из прошлого века во всех отношениях. А чем отличается воюющая армия от мирной? У них разные приоритеты. Вот и у прусских военных более всего котировалось умение красиво ходить на парадах и идеальная выправка.

В командирах и генералах сидели престарелые самовлюбленные бездарности. Офицеры армии в основном пыжились, а не учились воевать. Все нововведения в военном деле, появившиеся с подачи Суворова и Наполеона, успешно прошли мимо нее. И еще. Мы уже увидели, что при Наполеоне важным фактором стал моральный дух армии. Так вот, у пруссаков он тогда был — ниже некуда. Прусская армия была принципиально построена на зверской жестокости по отношению

к солдатам. Измывательство над рядовыми считалось среди офицеров делом чести. Авторитетом эти командиры не пользовались ни малейшим. Так что вы хотите с такой армии?

А вот в армии Наполеона была совсем иная ситуация. О подборе командиров мы уже знаем. Здесь молодость была не недостатком, а преимуществом. Среди императорских генералов и маршалов были и более одаренные, были и менее. А вот бездарных не имелось. И — о солдатах. Уже говорилось, что Наполеон пользовался у солдат исключительной популярностью. Не только за личную храбрость и военную удачу (хотя, каждому приятнее служить в армии-победительнице). Он умел говорить с солдатами, внушить им мысль, что его война — это и их война. Наполеон, кстати, своим умом дошел до суворовского принципа: «любой солдат должен знать свой маневр». Перед битвой он всегда обращался к солдатам с речью, где говорил не только общие слова, а и примерно объяснял предстоящую задачу. Телесных наказаний, принятых во всех тогдашних армиях, Наполеон никогда не применял.

«Что же можно ожидать от людей обесчещенных? Как может быть чуток к чести тот, кого в присутствии товарищей подвергали телесным наказаниям? Вместо плети я управлял честью… После битвы я собирал солдат и офицеров и спрашивал их о наиболее отличившихся», — писал Наполеон.

Да, он нередко расстреливал за разные провинности. Но при этом перед строем всегда зачитывался приказ, в котором разъяснялось — за что. Мало того. В старой гвардии, элите армии, среди солдат существовал свой собственный «суд чести». Если кто-то трусил в бою, и это ускользало от внимания начальства — с трусом разбирались сами товарищи. Он просто исчезал. Остается только гадать — сами солдаты до этого додумались, или Наполеон внедрил эту традицию через своих людей. Но что характерно — солдаты старой гвардии НИКОГДА не отступали без приказа. А уж тем более — не бегали с поля боя.

Теперь, покорив фактически всю Европу, Наполеон снова нацелился на Англию.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЁ

1. Тронное одиночество

Власть человека портит. Особенно — власть абсолютная. Особенно — человека такого масштаба. Наполеон чем дальше, тем больше проникался ощущением своей исключительности. Уверенностью, что ему доступно все. Что захочет, то и сделает. Политические игры, переговоры, договоры — все это Наполеону казалось теперь лишним. Зачем, если есть «большие батальоны», которые могут любого заставить плясать под императорскую дудку? Он — может всё! Наполеон начинал смотреть на окружающих с некоего «пьедестала». И все меньше прислушивался к чужим советам, полагая, что все знает лучше. Вообще-то император людей презирал всегда. Теперь же, на вершине власти, у него тем более имелись для этого основания. Можно вспомнить прусского короля, еще недавно славшего ему надменные ультиматумы, а теперь, сбежав из Берлина, подобострастно интересовавшегося, удобно ли Наполеону в берлинском дворце? Или какого-нибудь мелкого немецкого князька, который, стоя за спиной императора, играющего в карты, выбирает момент, чтобы поцеловать Бонапарту руку. Что стоят такие люди?

Даже собственная родня… Братья и сестры были обязаны Наполеону всем. Но они постоянно считали себя обиженными — потому что Наполеон давал им меньше, чем, как они полагали, им положено. А хотелось им — в точности, как в сказке о рыбаке и рыбке. Больше и больше. Мало того, за его спиной родственнички уже начали разные дурно пахнущие игры. Так, Люсьен Бонапарт в различных оппозиционных салонах любил намекать на то, как хорошо было бы, если бы императором был он… Мол, порядки были бы те же, даже фамилия у императора — та же. Зато — никаких войн. Интриговали и другие члены клана. Интересно, что Наполеон об этом прекрасно знал, но не предпринимал ничего. Сказывалось корсиканское воспитание.

Из людей, окружавших Наполеона, мало кто теперь осмеливался ему возражать. А значит — никто не мог вовремя удержать его от ошибок. Получалось нехорошо. Огромной властью обладал теперь человек, равнодушный к людям и к тому же — азартный игрок. И он продолжал наращивать ставки. Историки, особенно французские, примерно с этого момента карьеры Наполеона постоянно сетуют: вот если бы он умерил свой пыл, договорился бы с Александром, оставил бы в покое Пруссию, не лез бы в Испанию, в Россию… То есть, образно говоря, забрал бы огромный выигрыш и ушел из казино. И

Франция была бы довольна. И народу бы меньше полегло… Но тогда — это был бы не Наполеон. Суть его натуры — азартная игра. И всё тут. Один историк сказал мне в шутку: если бы в 1945 году во главе Советского Союза оказался не Сталин, а Наполеон, он, разгромив Германию, обязательно двинулся бы на Западную Европу. Что-то в этой шутке есть…

Самым грандиозным замыслом Наполеона была его попытка экономически задушить Англию. Это же явилось и самой его грандиозной ошибкой. Той, которая по цепочке повлекла за собой остальные, сделавшие крах империи неизбежным. Но — все по порядку…

2. Тигр против акулы

Врагом номер один для Франции — и до Наполеона, и в его время — являлась Англия. К моменту прихода Бонапарта к власти дело зашло уже так далеко, что никакое соглашение было невозможно. Нет, речь никогда не шла о полном уничтожении противника как государства. Цель была поменьше, но тоже существенная — поставить противника на колени. Надолго — а лучше навсегда — вывести из числа великих держав. Поэтому война, с небольшими перерывами, всё длилась и длилась.

Странная война. Образно говоря, это был поединок тигра и акулы. Франция была несоизмеримо сильнее британцев на суше. Потому-то англичане и старались привлекать в союзники континентальные державы. Зато британский флот превосходил любой другой. Недаром Британия была «владычицей морей». Так что встретиться в открытом бою врагам было непросто.

Я уже упоминал о подготовке Наполеоном десантной операции на Британские острова. В так называемом Булонском лагере с 1803 года готовилась трехсоттысячная армия вторжения. Это была очень серьезная сила. Сумей она высадиться в Англии — той просто нечем было бы защищаться.

— Мне нужны три дня туманной погоды на Ла-Манше, и я буду господином Англии, — постоянно повторял Наполеон. Туман был необходим, чтобы спастись от британского флота. Потом количество дней сократилось до одного.

Наконец настал критический момент. Наполеон, со свойственной ему бесцеремонностью, потребовал от союзной Испании предоставить ему испанские военные корабли. И ведь Испания предоставила. Теперь совместный флот мог уже померяться силами с англичанами. Над Англией нависла смертельная угроза. Там началась паника. Королевская семья уже готовилась бежать в колонии. Но англичане снова успели сколотить коалицию — и Наполеону пришлось отложить вторжение. Беда на время отдалилась.

И тут произошло эпохальное событие. 21 октября 1805 года в бухте Трафальгар франко-испанский флот встретился с английским, который вел адмирал Нельсон. Произошло сражение, являющееся для англичан тем же, чем для французов — Аустерлиц, а для нас — Бородино. Символом воинской славы. Французы имели значительное численное преимущество. А на море оно значит куда больше, нежели на суше. Не числом, а умением в морском бою победить куда сложнее. Такова уж военно-морская специфика.

Но… «Каждый должен выполнить свой долг», — просигналил английский флагман. И британские моряки его выполнили. Флотоводческое искусство Нельсона, выучка офицеров и матросов сделали свое дело. Нельсон в бою погиб, но франко-испанский флот был разбит. Теперь Наполеону нечего было и мечтать о высадке на английские берега.

Но не тот парень был Наполеон, чтобы отступать от задуманного. Он решил победить вековечного соперника не мытьем, так катаньем. 21 ноября 1806 года, находясь в завоеванном Берлине, Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде.

«1. Британские острова находятся в состоянии блокады.

2. Всякая торговля и всякие сношения с Британскими островами запрещены».

Так начинался этот документ.

Суть его — вот в чем. Наполеон задумал удушить Англию экономически. Нет, он не пытался, как впоследствии Гитлер, заморить ее голодом. Перекрыть подвоз продовольствия из колоний у Наполеона не было возможности.

Все было как раз наоборот. Император задумал сократить до нуля ввоз английских товаров в Европу. Англия являлась тогда «мастерской мира». То есть львиная доля товаров изготавливалась там на экспорт. Этим занималось подавляющее большинство населения. Закрыть рынки сбыта — значило обречь Англию на экономический крах. Что неминуемо повлекло бы полный развал и хаос. Безработицу, голодные бунты… И Англия сама на коленях приползла бы просить пардона.

Идея, вроде бы, здравая. В теории. На практике же она крайне трудновыполнима. Дело даже не в чудовищных расходах на содержание многочисленных таможенных постов и пограничных войск, контролирующих береговую линию. Это как раз Наполеон мог себе позволить. Но для успеха предприятия необходимо было контролировать ВСЁ европейское побережье. Ведь останься хоть одна страна в стороне — и она станет перевалочной базой. Тамошние шустрые люди будут делать хорошие деньги, перебивая английские торговые марки на какие-нибудь другие. Причем контролировать прибрежные страны нужно было не как-нибудь, а всерьез. Слишком уж много значили английские товары для жителей Европы. Мануфактура, хлопок, чай, сахар, кофе… Ежу понятно, сколько должно было расплодиться контрабандистов, которые стали бы делать на этом деньги. Так что следовало взять побережья железной рукой. Наполеон вполне понимал, что он собирается натворить.

«Не дешево нам стоило поставить интересы частных лиц в зависимости от ссоры монархов и возвратиться после стольких лет цивилизации к принципам, которые характеризуют варварство первобытных племен; но мы вынуждены противопоставить общему врагу то оружие, которым он пользуется», — писал Наполеон Сенату Французской империи.

Трудно? Да, нелегко. Но перспектива манила. Перекрыть англичанам кислород — и вековой спор двух держав будет окончен с блеском. Это была самая крупная ставка в жизни Наполеона.

Исходя из нынешнего опыта, надо признать, что затея была невыполнима в принципе. Хоть бы Наполеон в лепешку расшибся. Вон в США двадцатых годов в рамках «сухого закона» запретили ввоз спиртного. Результат был не ахти. Да что там «сухой закон»! Сегодня весь мир борется с контрабандой наркотиков. Успехов в этой борьбе что-то не предвидится. А ведь людей, пьющих чай с сахаром, во все времена куда больше, нежели пьяниц или наркоманов. Значит, и масштабы контрабанды здесь крупнее.

Но это мы теперь такие умные. В XIX веке подобных экспериментов никто еще не ставил. К тому же, Наполеон на тот момент уже всерьез полагал, что ему доступно всё. И снова пошел ва-банк. Его войска стали занимать немецкие прибрежные города. По побережью двигались отряды, которые арестовывали всех встретившихся англичан, конфискуя английские товары.

Каждая игра имеет свои правила. Вот и теперь, ввязавшись в очередную авантюру, Наполеон вынужден был действовать так, как подсказывала логика событий. Он попал в глубокую колею, по которой приходилось следовать туда, куда она ведет. Вот так! Самый могущественный человек в Европе превратился в заложника собственной политики. То есть, возможность свернуть или «сдать назад» имелась у него на самом-то деле до самого конца… Но опять же, если бы он пошел на попятный — тогда это был бы не Наполеон. Он всегда играл до последнего.

А логика игры вела к тому, что надо было заставить все европейские страны присоединиться к континентальной блокаде. Добровольно соглашаться на такое дураков не имелось. Ведь это значило пожертвовать личными интересами ради французского дяди. Значит, требовалось заставить европейские страны пойти на это. Любыми способами.

При этом англичане тоже не понимали, что вся затея с блокадой невыполнима по определению. К тому времени не только сам Наполеон, но и все в Европе верили, что он может всё. Британцы засуетились, ощутив ледяное дыхание близкой

катастрофы. Они и раньше не жалели денег на борьбу с Наполеоном. Теперь же были готовы выкладывать на войну любые суммы. Они тоже жили теперь по принципу победа или смерть!

Но на кого было рассчитывать англичанам? Австрия находилась после Аустерлица в полной прострации. От Пруссии остались одно лишь воспоминание. Правда, имелась еще Россия. Потерпевшая поражение, но способная оправиться и не от такого. На Россию и начала всячески воздействовать Англия. Александра I не надо было долго уговаривать: по мере приближения Наполеона начали сильно шевелиться поляки, мечтающие о восстановлении своей страны, и России это очень не нравилось. Так что Александр скорее предпочитал снять этот вопрос, отогнав Наполеона от границ. У французского же императора воевать с Россией не было никакого желания. Но к этому вела все та же политическая логика. Бонапарту требовалось: во-первых, окончательно добить Пруссию, во-вторых, так или иначе принудить Россию присоединиться к континентальной блокаде. Наполеон двинулся в Польшу. Война продолжилась.

3. Поляков всегда обманут

Напомню, в то время Польши как самостоятельного государства не существовало. Она была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Варшава находилась на прусском «отрезке». Вот туда-то и двинулся Наполеон. Навстречу ему двигались русские. После нескольких незначительных боев состоялась, наконец, генеральная битва.

Сражение под Эйлау 8 февраля 1807 года стало одной из самых кровопролитных битв того времени. Тут-то Наполеон и увидел, что такое по-настоящему воевать с русскими. Это был не Аустерлиц! Стояла омерзительная погода, дул ветер и валил мокрый снег. И из этой белой каши на французов перли русские гренадеры, сметая все на своем пути.

— Какая отвага! Какая отвага! — восхищенно восклицал Наполеон.

Впрочем, французы тоже пулям не кланялись. Командовавший русской армией генерал Беннигсен учел уроки Наполеона и направил на французов шквал артиллерийского огня. Корпус Ожеро был уничтожен практически полностью. Но не отступил.

Впрочем, император и сам в этой битве в очередной раз продемонстрировал личное мужество. Наполеон находился на командном пункте в центре фронта. Его накрыл огонь русских батарей. Рядом гибли солдаты и офицеры. Из направлявшихся к нему адъютантов чуть ли не каждый второй падал под ядрами. Вокруг творился сущий ад. Пехотные роты истреблялись русским огнем, на их место подходили другие… А Наполеон оставался на месте и продолжал спокойно командовать. Потому что видел — всё держится на волоске. Прояви он неуверенность — и его войска могут начать отступление…

Положение спасла внезапная атака французской кавалерии. Беннигсен отошел. Как это нередко бывает, каждая сторона записала победу себе. Хотя на самом-то деле все кончилось боевой ничьей. Но это был первый звонок Наполеону. И на парижской бирже, самом точном индикаторе политических настроений, государственные бумаги упали в цене. Ореол непобедимости немного потускнел.

На этом закончились до весны и боевые действия. В те времена зимой обычно не сражались. Император остался зимовать в Польше.

Вот что он писал брату Жерому:

«Я не снимал ни разу сапог 15 дней… Мы — среди снега и

грязи, без вина, без водки, без хлеба, едим картошку и мясо, делаем долгие марши и контрмарши, бьемся обыкновенно штыковым боем или под картечью, раненых везут в открытых санях на 50 лье… Мы ведем войну изо всех сил во всем ее ужасе».

И тут началось интересное кино. Поляки рядами и колоннами пошли к Наполеону, выражая ему полную поддержку. Они почему-то подумали, что Наполеон восстановит Польшу в ее границах до трех разделов. И ради этого готовы были сражаться под его заменами.

Тут надо пояснить. В советской и в западной традиции — в книгах, фильмах и так далее — поляки того времени предстают как благородные патриоты, сражающиеся за свою национальную независимость. Так вот, это, мягко говоря, не совсем так. Взглянув на карту, вы убедитесь, что территории, отошедшие к России после трех разделов — это земли, входящие теперь в состав Белоруссии и Украины. На которых ВСЕГДА жили белорусы и украинцы. К которым поляки относились, как к быдлу (это не метафора, именно оттуда пошло такое понятие). Чью культуру давили, а православную веру преследовали. Россия этим людям была всяко ближе. Так что восклицания польских патриотов о независимости носили странный характер.

Но дело даже не в этом. Польские националисты как тогда, так и позже имели странный вывих в мозгах. Помните, как в «Золотом теленке» «пикейные жилеты» полагали: все происходящее в мире крутится вокруг объявления Черноморска «вольным городом»? Так вот и польские националисты считали, что все европейские политики только и думают о том, чтобы восстановить их независимость. Вот и на Наполеона понадеялись. А оно тому было нужно? Дружба с Александром была ему уж куда важнее, чем надежды поляков. Да и вообще — кто и когда видел, чтобы Наполеон чью-то независимость восстанавливал? Он ее только отнимал.

В этом смысле интересны переговоры Фуше с национальным героем Польши, Тадеушем Костюшко, участником всех польских восстаний того времени. Он в то время сидел в Америке и всё хотел «пробить» идею восстановления Польши в границах 1772 года — то есть до всех разделов. И вел с французами бесконечные (и по причине расстояния) переговоры.

— Так что же сказать Костюшко? — спросил как-то Фуше.

— Скажите ему, что он дурак! — ответил император.

В самом деле. Наполеону более всего были нужны хорошие отношения с Россией. Он ведь и всю эту войну вел, честно говоря, спустя рукава. Целью было — всего лишь убедить Александра, что

с Францией воевать трудно, лучше дружить. И всё.

Но, с другой стороны, зачем отвергать тех, кто лезет к тебе со своей дружбой? И Наполеон блестяще «кинул» поляков. Это было цинично, но с точки зрения политики — гениально. Он давал понять, что может быть… Польским дворянам Наполеон туманно говорил, что независимость надо заслужить. В общем, грамотно пудрил мозги. Император своего добился. В Варшаве его держали за Спасителя Отечества.

Правда, в 1807 году Наполеон восстановил Варшавское герцогство — кусок «прусского отрезка» Польши в рамках Саксонии. Правда, та, в свою очередь, была вассалом Наполеона. Так что независимым герцогство было только на бумаге. Но полякам казалось, что это — уже начало. И они с великой радостью делали все, что требовал от них Наполеон. Требуются деньги? Выворачивали кошельки. Нужны солдаты? Бежали записываться в добровольцы. И ладно бы гибли только поляки, — они сражались против России — вечного исторического противника. Но за свою призрачную независимость они, воюя за Наполеона в Испании, расстреливали тамошных партизан, которые героически боролись против французских захватчиков. И даже клали свои головы в далеких колониях — в карательных операциях против восставших негров.

Польская зимовка отнюдь не была для Наполеона временем безделья. Кажется, он не умел бездельничать в принципе. Наполеон жил в простой крестьянской избе и работал, не покладая рук. На примере той «польской зимы» можно проследить его почти фантастическую способность все успевать. Он управлял половиной Европы. Причем по всем существенным вопросам он принимал решения сам, не доверяя никому. А государственных дел — всегда выше крыши. Но одновременно он подписывал устав института для офицерских дочерей. Или, к примеру, отмечал нелепые, по его мнению, литературные вкусы одного из французских журналов. И даже — обращал внимание на склоки между французскими актрисами, которые, как он писал в Париж, мешали делу.

В общем, Наполеон без всякого преувеличения может быть назван трудоголиком в самом что ни на есть чистом виде.

4. Польская жена императора

С пребыванием в Польше связано начало еще одного длительного романа Наполеона. Его героиня, Мария Валевская, была родом из провинциальной, но довольно известной дворянской семьи, после смерти родителей воспитывалась в доме дяди, богатого магната. К моменту своей встречи с Наполеоном она была замужем — в брак ее буквально выпихнули родственники, выдав за старика. Мария была девушкой красивой, но, как говорится, «не супер».

О деталях первой ее встречи с Наполеоном точно не известно. По одним свидетельствам, она была случайной, по другим — ее устроил Талейран, известный поставщик «девчатины» для императора. Как бы то ни было, но, увидев Марию, Наполеон увлекся ею всерьез. А та поначалу не горела желанием посетить его постель. Она и в самом деле была провинциально-добродетельна. Но от Наполеона так просто не уйдешь — и, в конце концов, Мария стала его любовницей. Под старость, в своих мемуарах, она объясняла свой поступок патриотическими побуждениями. Дескать, так она боролась за свободу родины. Из этой истории в Польше выросло множество романтических произведений, в которых Валевская предстает эдакой национальной героиней, «постельным агентом влияния». На самом-то деле на Наполеона воздействовать таким образом было невозможно. Где ляжешь, там и встанешь.

Но для императора это не была мимолетная связь, которых у него имелись десятки. Он влюбился всерьез. Сохраняя одновременно и застарелую привязанность к Жозефине. Так бывает. Роман затянулся надолго. Мария очаровала его не только внешностью, но и своими душевными качествами. В отличие от большинства людей, окружавших Наполеона, она ничего от него не требовала. Даже наоборот. Мария отказывалась принимать его дорогие подарки. А ведь известен случай, когда Наполеон уговаривал ее принять в подарок драгоценные шали, присланные персидским шахом… для Жозефины! Впоследствии она много раз навещала Наполеона в разных городах и странах, в том числе и в Париже. И даже на острове Эльба. И ее воспринимали не просто как любовницу. Впрочем, во Франции с давних пор фаворитка монарха — это почти официальный статус. Вот ее и держали за эту самую фаворитку. Все-таки, судя по всему, Мария полюбила Наполеона по-настоящему. Не случайно ведь ездила к нему на Эльбу.

Своей родине Мария помочь не могла никак. Но, сама того не

ожидая, она сыграла в европейской политике роль весьма значительную. Это случилось, когда она родила сына. Дело в том, что до этого детей у Наполеона не было. По крайней мере тех, кого он мог на сто процентов считать своими. Жозефина имела сына от первого брака, но с тех пор не беременела. Но и Наполеон до истории с Валевской сомневался в собственной способности быть отцом. Что его, как монарха и корсиканца, весьма удручало. Император без прямого наследника — это непорядок. А тут всё встало на свои места. Что, в конце концов, подтолкнуло Наполеона к разводу с Жозефиной и устройству настоящего «монархического» брака с австрийской принцессой Марией-Луизой.

А сына, родившегося от Валевской, Наполеон признал. Причем признал по высшему разряду. Александр Валевский получил огромное содержание в деньгах и поместьях, а также титул графа Империи. Отдельно император обеспечил и Марию — так что даже после падения Наполеона его «польская жена» и сын остались не просто состоятельными, а очень богатыми людьми.

Со временем любовь Наполеона утратила былой накал, но нежная привязанность к Марии Валевской сохранялась до самого его окончательного падения. Достаточно сказать, что в декабре 1812 года, возвращаясь после российского разгрома, он нашел время завернуть по пути в имение Марии. Его отношения с Валевской — третья и последняя большая любовь императора. Хотя, по большому счету, настоящей пламенной страстью Наполеона была только азартная игра в войну.

5. Развязка войны

Вообще-то, после битвы под Эйлау Наполеон предлагал Александру I мир. Из Франции доносились отчаянные вопли брата Жозефа: «Ваше Величество, вы должны заключить мир любой ценой!»

Александр, однако, колебался. И, как это ни смешно, делу мира помешала именно эта довольно удачная, по сравнению с прошлыми поражениями, битва. Решению России продолжать войну поспособствовало то, что Беннигсен описывая свои успехи, несколько «перегнул палку». Из его слов получалось, что он нанес Наполеону смертельный удар. Вот так всегда. Завышать свои успехи имеет смысл в газетной пропаганде. А вот пытаться раскрашивать положение розовыми красками при рапортах начальству — смерти подобно. Потому что из этого делаются неправильные выводы. И победы оборачиваются поражениями. Так и случилось. Кстати, Наполеон подобных искажений информации не прощал. И наказывал за это свирепо.

Новые боевые действия начались без должной подготовки. Надо сказать, что русские зимовали в ужасных условиях. Интенданты воровали слишком много. Поэтому боеспособность армии была не особенно высокой. Так что состоявшаяся 14 июня 1897 года битва под Фридландом не принесла русским ничего хорошего. Беннигсен, испытывая большое желание атаковать врага, перешел реку. И оказался в ловушке. Русских загнали в пойму и прижали артиллерийским огнем к реке. Они мужественно защищались от наседавших французов. Но ошибка командующего оказалась роковой. Армия в очередной раз оказалась вдребезги разбита.

В этой битве Наполеон сказал фразу, очень хорошо передающую его отношение к судьбе. Во время боя над головой императора пролетела бомба. Стоявший рядом солдат пригнулся. И Наполеон выдал комментарий:

— Если б эта бомба была предназначена для тебя, то даже если б ты спрятался на 100 футов под землю, она нашла б тебя.

Так или иначе, главное было сделано. Александр предложил начать переговоры.

6. Шоу на Немане

В конце июня 1807 года начались знаменитые переговоры, проходившие в городе Тильзит (ныне Советск, Калининградская область). Русский император шел на них в подавленном настроении. В армии, да и в «обществе», мирные переговоры воспринимались очень болезненно. Впрочем, Александр I был сам виноват. Ведь совсем недавно Священный Синод проявил большой ум и сообразительность. Наполеона объявили предтечей антихриста и исконным врагом христианской веры. Весь этот бред читался с амвонов всех русских церквей (интересно, что встречаются работы, созданные уже в наше время, где наполеоновские войны на полном серьезе рассматриваются как происки жидомасонов). А теперь требовалось с «антихристом» мириться…

Правда, все вышло хорошо и почти не больно. Наполеон, как мы уже знаем, очень дорожил добрыми отношениями с Россией. Поэтому с присущим ему актерским и дипломатическим чутьем он сделал все, чтобы Александр не чувствовал себя униженным. Напомню, что обычно он вел себя с побежденными совершенно бесцеремонно, ничуть не заботясь об их чувствах. А в этом случае все было иначе. Французский император поставил дело так: ну, поссорились мы, погорячились, даже подрались, с кем не бывает… Тут Наполеон проявил не только актерский, но и режиссерский талант. На примере поставленного им в Тильзите спектакля можно обучать студентов по специальности «режиссер массовых праздников». Организовано все было великолепно. По двум берегам Немана стояли русские и французские войска. Сама встреча проходила в шатре на плоту, остановленном посередине реки. В этом тоже был смысл: никто не пришел в «гости» к другому. Разговор шел на равных. Недаром еще во время предварительных переговоров Наполеон сказал русскому послу, показав на географической карте Вислу:

— Вот граница обеих империй; по одну сторону будет царствовать ваш государь, по другую — я.

Коротко и ясно. Жалко, что этого не слышали поляки, которые продолжали чуть ли не молиться на Наполеона…

Еще один замечательный ход — это отношение к прусскому королю Фридриху-Вильгельму. Наполеон делал вид, что такового просто на свете нет. Король стоял, как бедный родственник, на берегу с русской стороны. Ждал: может, позовут его? Но не позвали. А в самом деле — зачем он нужен?

В этом тоже была великолепная режиссерская задумка.

Наполеон как бы демонстрировал русскому императору: вот видишь, я с тобой по-хорошему, а ведь могу и так, ежели разозлюсь…

Переговоры вышли непростыми. Александр не хотел связывать себя союзом с Наполеоном. Ему нужен был только мир. Но был и другой камень преткновения. Отношение к нему делает русскому императору честь. Он отстаивал не только свои интересы, а право на существование Пруссии.

Наполеон открыто собирался стереть Пруссию с карты Европы.

— Подлый король, подлая нация, держава, которая всех обманывала и которая не заслуживает существования, — сказал он Александру во время переговоров.

Александр в общем соглашался, но высказывался в таком смысле: оно, конечно, правильно, но, может, все-таки пусть живет…

А тем временем Фридрих-Вильгельм продолжал оставаться вне игры. В отчаянии он решил послать к Наполеону королеву Луизу, надеясь, что она своими красотой и обаянием сумеет повлиять на грозного императора. В этом уже был анекдот. Луиза являлась в Пруссии главой партии «ястребов», ярой ненавистницей Наполеона. Собственно, именно она подтолкнула Пруссию к войне. Император после разгрома Пруссии ей мелко отомстил, велев вылить на нее в газетах ведра помоев. И вот теперь — такая волнующая встреча.

Наполеон прибыл после охоты, потный и запыленный, и застал у себя королеву в роскошном облачении.

Наполеон потом вспоминал:

«Она приняла меня с трагизмом, как мадемуазель Дюшенуа в “Химене”: “Государь! Справедливость! Справедливость! Магдебург!”»

Поясню: речь шла о городе, который прусская королевская чета хотела выпросить у императора назад.

Наполеон отреагировал на уровне профессионального актера. Он предложил королеве стул. Потому что «сидящий трагик становится комичен». Королева продолжала свою речь, исполненную в лучших традициях классицистической трагедии, стоя. Но только она сделала паузу, чтобы набрать в грудь воздуху, Наполеон вновь постарался сменить жанр:

— Какое чудесное платье; скажите, это креп или итальянский газ?

И так далее в том же духе. Королева играла высокую трагедию, император — бытовую драму. Так нашла коса на камень. Луиза была актрисой не того полета. Да и в любом случае

это был бы дохлый номер. Все кончилось ничем, хотя Наполеон изрядно повеселился.

«Прусская королева действительно очаровательна; она кокетничает со мной. Но не ревнуй; все это скользит по мне, как по клеенке. Мне стоило бы слишком дорого ухаживать за ней», — писал он Жозефине.

Тут немного отвлечемся. Эта цитата дает ответ на вопрос: а было ли у Наполеона чувство юмора? Как видим, имелось. Своеобразное, конечно. Можно привести еще одну его шуточку. Рассказывая маршалам о встрече с королевой, он высказался в том смысле, что продлись свидание подольше, — ему пришлось бы отдать Магдебург. Маршалы оценили остроту. Они-то знали, что даже десять очаровательных дам не заставили бы его принимать те или иные решения.

А Пруссию он все-таки не уничтожил. Оставил маленький кусочек. Как было написано в Тильзитском мирном договоре, «из уважения к Императору Всероссийскому». Правда, в Пруссии продолжали оставаться французские войска. Александру же пришлось заключить с Наполеоном союз. То есть он присоединялся в континентальной блокаде. Наполеон мог торжествовать. Он получил, что хотел.

СВИРЕПОЕ СОЛНЦЕ ИСПАНИИ

1. Еще одно шоу

В Польше, желая подбодрить смертельно уставших солдат, Наполеон уверял их: «Это война — последняя». Казалось, так оно и было. Все цели достигнуты.

Но Наполеон обратил недовольный взгляд на юг, на Пиринейский полуостров.

Положение там было следующим.

Португалия оставалась единственной европейской страной, поддерживавшей торговые отношения с Англией. Этого Наполеон потерпеть не мог. Теперь он уже играл только ва-банк, будучи твердо уверен, что к нему обязательно придет счастливая карта. Император уже не считался ни с кем и ни с чем. На дипломатическом приеме в Фонтенбло он чуть не орал на португальского посла, обвиняя его в том, что Португалия идет против него. Правительство в Лиссабоне тут же объявило Англии войну. Но Наполеон решил, что будет надежнее, если он просто приберет Португалию к рукам. 27 октября 1807 года был подписан договор между Францией и Испанией о разделе Португалии. Испания долгое время была союзницей Франции. Она беспрекословно выполняла требования Наполеона. Когда он потребовал флот для высадки в Англии — дали. Приказал послать в Польшу 15 тысяч солдат — и тут не отказали. (Интересно, кстати, как он мотивировал свое требование. Дескать, вам сейчас эти солдаты все равно не нужны. А мне пригодятся.) Так что фактически Наполеон имел над Испанией полный контроль.

Армия Жюно через Испанию двинулась к Лиссабону. Наполеон нарушил обещание? Ни в коей мере! С кем воевать-то? Немного прогуляться до Лиссабона — всего-то дел! Примерно так оно и вышло. Хотя сама прогулка и вышла весьма тяжелой, и в конце марша солдаты Жюно более походили на банду оборванцев. Впрочем, они и были бандой — так как по пути грабили все, до чего могли дотянуться. В союзной стране, заметим. Но цель была достигнута без единого выстрела.

И вот тут Наполеон делает совершенно необъяснимый ни с какой точки зрения финт. Он задумывает подчинить себе Испанию. Зачем? Какой смысл захватывать территорию союзника?

Но, с другой стороны, — а почему бы и нет? Испанцам Наполеон не доверял. Он был почти уверен, что реально никакой континентальной блокады в этой стране проводиться не будет.

Да, честно говоря, у испанских властей просто не хватило бы сил плотно закупорить свое побережье. К тому же в стране царили экономический хаос и политический бардак. На троне сидел представитель династии испанских Бурбонов Карл IV. Который смертельно враждовал с наследником престола Фердинандом, мечтавшим спихнуть папашу. Надо сказать, что династия находилась на последней стадии деградации и вырождения. Можете посмотреть на портреты данных товарищей, написанные кистью Гойи. Великий живописец имел верный глаз — после взгляда на картины вопросов больше не возникает. Понятно, что при таком раскладе ни о какой охране границ речи не могло идти.

А раз так — можно и захватить Испанию. Наполеон, решивший, казалось, прекратить войны, снова втягивался в вооруженные авантюры. Это можно определить одним словом: зарвался. Но если никто уж не может тебе помешать, то почему бы не упростить ситуацию? Посадить на испанский престол кого-нибудь из своих людей — и сразу головной боли будет меньше. Стремление к упрощению ситуации можно объяснить и так. Будь Наполеон хоть трижды гений, но любой человеческий мозг имеет предел. А император привык полагаться только на самого себя. Наполеон просто оказался не в состоянии решать все бесчисленные сложные проблемы, встающие перед ним каждый день. Вот он и принялся рубить гордиевы узлы.

К тому же, прихватить Испанию сильно уговаривал императора Мюрат. Этот человек, простой, как штопор, никогда не заморачивался политическими вопросами. И ему очень хотелось посидеть на испанском троне.

Положение облегчалось тем, что оба враждующих испанских родственничка-Бурбона постоянно обращались к Наполеону за помощью и поддержкой. И Бонапарт начал действовать. Для начала в Испанию снова вошли французские войска. Якобы они шли в Португалию, на поддержку Жюно. А дальше вновь проявился талант Наполеона как постановщика политических спектаклей. Только если в Тильзите он ставил шоу, то здесь — психологическую драму. Император объявил, что согласен выступить судьей в споре отца и сына. Мероприятие должно было состояться в испанском городе Байонне. Отец и сын прибыли туда, наивно веря, что Наполеон их и вправду рассудит «по справедливости». Император великолепно играл роль доброжелательного беспристрастного судьи. Он внимательно исследовал те потоки грязи, которые Карл и Фердинанд выливали друг на друга. Вел себя так, будто у него не было других дел, кроме как слушать эту кухонную свару вырожденцев королевских

кровей. Думается, здесь в Наполеоне говорила его актерская натура. Потому что все это можно было решить куда проще.

«Испанская трагедия, если не ошибаюсь, вступила в свой пятый акт. Близится развязка», — писал он Талейрану. Она случилась, когда родственнички дошли до того, что Карл замахнулся на Фердинанда палкой. После этого Наполеон разыграл возмущение. И заявил, что это — уже слишком. И они оба — недостойны короны. В общем, 10 мая 1808 года король и наследник отказались от своих прав на престол. В пользу Наполеона. А тот провозгласил королем Испании своего брата Жозефа Бонапарта. Все было проделано чисто, без шума и пыли.

Наполеон снова вошел в азарт. Так человек, уже собравшийся уйти из казино с крупным выигрышем, снова ставит небольшую сумму на кон. На прощание. И — опять выигрыш! Значит, сама судьба велит сделать еще ставку. Снова повезло! И все начинается по новому кругу. Наполеон, убежденный, что его ведет «звезда», стал разворачиваться на новую атаку. Он уже стал обдумывать новый бросок в Африку. Ему не давало покоя то обстоятельство, что когда-то он так и не довел там дело до конца.

Но второй раз вляпаться в африканскую авантюру Наполеону не довелось. В Испании, где, вроде бы, все прошло так удачно, началось черт-те что.

2. Ненависть вышла из берегов

Для начала, еще пока Наполеон разбирался в дрязгах королевской семьи, вспыхнуло восстание в Мадриде. Мюрат применил для его подавления старый наполеоновский инструмент — картечь. И бодро сообщил, что «мятеж ликвидирован». Рано радовался. Это было только первым всполохом. А дальше полыхнуло вовсю. Через несколько дней восстания начались почти во всех крупных городах. Затем дошла очередь до провинции. Эти выступления никто не готовил. Они возникали сами по себе, ниоткуда. Пришлось посылать туда дополнительные силы. Закаленные французские солдаты под предводительством опытных генералов столкнулись с плохо вооруженными крестьянами и горожанами. Повстанцев расстреливали во множестве, восстания подавлялись, но они вспыхивали снова. Еще после подавления первого восстания в Мадриде Мюрат высказывал удивление: он стрелял картечью в толпу, а та не расходилась. Во время карательных операций французы столкнулись с еще более бешеным упорством. Повстанцы сражались до последнего патрона, а потом бросались с ножом или кулаками. На французов нападали по ночам, стреляли из лесных зарослей… Французов убивали все — от мала до велика. Где могли и как могли. Кто не имел сил стрелять и не владел ножом, — подкидывал отравленные продукты. Известен случай, когда французы, найдя в доме припасы, заставили женщину и ее ребенка предварительно их попробовать. Они поели, затем на еду набросились и голодные солдаты. Умерли все.

Крестьяне уничтожали посевы и убивали скот, в горах один за другим появлялись партизанские отряды. Так началась герилья — партизанская война. Французов повсюду встречала выжженная земля, на которой из-за каждого поворота подстерегала смерть. И эта пустыня, в которую превращали страну ее собственные жители, была пострашнее пуль и ножей. Французская армия привыкла, что «война сама себя кормит». Поэтому войска не очень заботились о том, чтобы заранее запастись продовольствием и фуражом для лошадей. Отсутствием многочисленных обозов и объяснялась во многом быстрота передвижения наполеоновских войск. Но тут эта тактика обернулась против них. Потому что грабить было нечего.

Первоначально Наполеон не придал этому значения. Он презрительно назвал повстанцев «оборванцами». К тому же император не мог понять: в чем дело? За сто лет до него Людовик

XIV провернул то же самое, что и он. И после войны за испанское наследство король-солнце посадил на трон в Мадриде своего внука. Который и стал родоначальником испанских Бурбонов. И все прошло без сучка, без задоринки. Наполеон не учел, что севший на трон Филипп Бурбон мигом забыл про французское происхождение и постарался стать для испанцев своим. Потому и удержался. А в этот раз солдаты Наполеона еще во время похода на Португалию повели себя как захватчики. Их захватчиками и считали. И относились к ним соответственно.

Но стоит ли об этом думать? В самом деле, разве лучшие в мире войска, разбившие всех, кого только можно, не справятся с кое-как вооруженным мужичьем?

И это было фатальной ошибкой. Впрочем, Наполеона можно понять. С чем-то подобным он сталкивался лишь в Африке. Но там масштабы были куда меньше. В других покоренных странах он встречал только покорность. В Берлине ему вынесли ключи от города и робко просили не учинять особого беспредела. А в Мадриде сражались за каждый дом и падали только мертвыми.

Наполеон привык мыслить категориями королей и полков. С королями можно было договорится, вражеские полки разбить. А в Испании он встретил самое страшное, что может ожидать захватчика — тотальную партизанскую войну.

Но пока что для Бонапарта это были досадные мелкие неприятности. И вот тут…

Наполеон получил известие об этом в Бордо. И с ним случился один из немногих диких приступов ярости. Он метался по комнате, бил и ломал все, что попадалось под руку. Причина его ярости была в полученном донесении. Из него следовало, что один из лучших его генералов, Пьер Дюпон, пошел на завоевание Южной Испании. По пути он встречал только выжженную землю, а со всех сторон его дивизию то и дело тревожили партизанские отряды. Герильеро становилось все больше, в конце концов, число их стало невероятным. А у Дюпона кончилось продовольствие, да и вообще он не представлял, что делать в сложившейся ситуации. В результате 23 июля, под городком Байлен, Дюпон поднял руки вверх. Испанцы взяли в плен восемнадцать тысяч французов. Большинство на родину вернутся не сумели, погибли в плену.

Это было уже чересчур. Сдаться, и кому! Плохо вооруженным и неорганизованным крестьянам! Это и ввергло императора в ярость.

— Он опозорил наши знамена, опозорил армию. У меня здесь несмываемое пятно, — говорил Наполеон и показывал на свою грудь. Оказалось, что «оборванцы» кое на что способны…

3. Злой город

Но и теперь Наполеон ничего не понял.

— Стотысячная армия, и к осени Испания будет завоевана, — утешал император брата, который, прослышав о судьбе дивизии Дюпона, поспешил навострить из Мадрида лыжи.

На самом-то деле только до катастрофы под Байленом восстание можно еще было ликвидировать в обозримом будущем. Теперь, когда повстанцы увидели, что непобедимых французов можно бить, все перспективы растворялись в тумане. Такая война может длиться сколько угодно. Это уже известно. Вьетнам, Афганистан, Чечня, Ирак…

Но была еще одна опасность, которую Наполеон прекрасно понимал. Пример — заразителен. В следующий раз может полыхнуть в другом месте огромной империи. В самом деле, полыхнуло. И очень быстро. Уже через две недели после капитуляции Дюпона началось восстание в Португалии. Оно охватило всю страну. 6 августа на португальский берег высадился во главе английских войск Артур Уэллсли. Позже он станет герцогом Веллингтоном и будет среди тех, кто окончательно сведет Наполеона с исторической сцены. Но до этого — еще далеко. А пока что повстанцы и англичане принялись за отряд Жюно. За время пребывания в Португалии его солдаты от безделья, пьянства и грабежей полностью разложились. Так что их врагам не пришлось даже особо напрягаться. 30 августа Жюно сдался. К счастью для его солдат, пленных вывезли на английских кораблях. А то бы они тоже не выжили.

Творилось что-то непонятное. Французы в Европе били всех, как хотели, а тут — как в болоте увязли. Наполеону же казалось — все можно поправить. В конце концов, сколько раз так бывало: враги наносили поражения его генералам, а потом приходил сам Бонапарт — и все налаживалось. Вот он и отправился лично. Осенью 1808 года каратели двинулись на Испанию.

К этому времени французы оставались только на севере страны. Да и то только в крупных городах. Этот поход был сущим кошмаром. Уж на что крепкими ребятами были наполеоновские солдаты, но и их тошнило от бесконечных мер по наведению порядка. Порядок же можно было восстановить только одной мерой — массовыми расстрелами. Но и то не получалось. Убивали одних — а потом по ночам приходили другие.

Наполеон разбил наскоро сформированную испанскую армию. Разбил и англичан. Император знал, кого посылать в эту экспедицию. В Испании воевал польский корпус. Наполеон ведь

говорил полякам, что независимость Польши надо заслужить. Вот они и выслуживались. Сражались поляки храбро. Но методы усмирения у них были те же, что и у эсэсовцев времен Второй мировой.

Кульминацией трагедии стал город Сарагоса. Его пришлось осаждать несколько месяцев. И это бы ладно. Но когда Ланн сумел-таки ворваться в город, он, старый вояка, был ошарашен. Город — не сдавался. Каждый дом был крепостью. Да что дом! Каждое строение приходилось брать с боем. «Внутренний» штурм города продолжался три недели. Это надо себе представить. Сарагоса — размером с наш районный центр. А может, и меньше. Убивали всех — женщин и детей. Но и те пытались отомстить французам по мере возможности. Это были три недели кровавого кошмара. Такого, с каким еще не сталкивались наполеоновские войска за всю историю своих войн. Жители Сарагосы были уничтожены практически полностью.

Маршал Ланн был лихим гусаром. Это он говорил, что гусар, который доживет до тридцати, — не гусар, а дрянь. Так вот, этот вояка, повидавший разные разности, был подавлен зрелищем взятой Сарагосы: горы трупов.

— Какая война! Быть вынужденным убивать столько храбрых людей, пусть даже сумасшедших людей! Эта победа наводит только грусть, — сказал он.

Так оно и было. Наполеон вроде бы разгромил испанское сопротивление. Но именно «вроде бы». Потому что герилья продолжалась! До самого конца наполеоновской эпопеи французы были хозяевами лишь в крупных городах. Стоило отойти на несколько километров — и продолжалась война. В Испании император вынужден был держать большие войска. Которые куда больше пригодились бы ему в другом месте.

Но дело даже не в том. В Испании император натолкнулся на неодолимую силу. С которой ему потом доведется встретиться в России. Которую невозможно подчинить большими батальонами. Сарагоса оказалась плевком в лицо тем покоренным странам, которые проглотили французскую диктатуру. Напомню, что прусские крепости, гораздо более укрепленные, чем городок Сарагоса, сдавались после нескольких выстрелов. И вот теперь-то у людей в этих странах заговорила совесть — конечно, у тех, у кого она имелась. Восстания начались и в Италии, и в Германии. Их давили. Но империя оказалась в состоянии неустойчивого равновесия. Правда, пока это понимали далеко не все. И, что самое главное, этого не понимал Наполеон. Все складывалось строго по закону Паркинсона. Каждый человек в определенный момент достигает уровня своей некомпетентности. Так вот,

император достиг именно этого уровня. Он был гениальным тактиком — мог повергнуть во прах кого угодно. Но слабым стратегом — не мог сообразить, что же делать дальше. Теперь настали времена, где требовалось именно стратегическое мышление. Надо было разбираться с покоренными землями. Большие батальоны работали здесь явно как-то не так.

Но все эти звоночки император не слышал. Ему казалось — он на самой вершине.

НА ВЕРШИНЕ ЛЕДЯНОЙ ГОРЫ

1. Хозяева Европы

Итак, Наполеон сорвал колоссальный банк. Он, казалось, осуществил все свои замыслы. Правда, Англия все еще стояла за проливом недоступной целью. Но это, казалось, — лишь вопрос времени, континентальная блокада ее доконает. На самом деле все было иначе. В своем азарте Наполеон не заметил главного. Да, он находился на вершине. Но это была вершина ледяной горы. С которой очень легко сорваться. А там уже придется стремительно лететь вниз…

Но тогда это понимали только самые дальновидные люди, вроде министра иностранных дел Талейрана. Вечный предатель, продавший всех, кому служил, он почувствовал зыбкость почвы и начал помаленьку отодвигаться в тень. Но остальные пока оставались в эйфории.

И было отчего. Французы стали хозяевами Европы. Именно так. Иногда можно услышать утверждения, что Наполеон просто опередил свое время. Что он пытался создать то, что мы имеем сегодня: объединенную Европу. В чем-то это так. На завоеванных землях Наполеон действительно проводил реформы. Он наводил порядки по французскому образцу, отметая многое пережитки седой старины, которые давно бы стоило убрать. Потому-то после падения наполеоновской империи многие из его нововведений в этих странах остались. Но все-таки, по большому счету, вся Европа под Наполеоном работала на «старые департаменты» Франции. Так, к примеру, за попытку вывезти из Франции какие-нибудь новые технологии полагался тюремный срок. Заметьте — за вывоз в земли, которые даже формально находились под полным контролем Наполеона. То есть он элементарно «опускал» экономику подчиненных стран. Зачем? Чтобы не было конкурентов для «старых департаментов».

С завоеванных стран разнообразными способами тянули деньги. Делалось это просто и без затей. Император обращался к какой-то стране, а иногда и отдельному городу и требовал «отстегнуть» столько-то. Так, с благодарной Польши Наполеон слупил 35 миллионов франков. Он методично претворял в жизнь принцип, выдвинутый им еще в первом итальянском походе: «война должна кормить себя сама». Только вот масштабы возросли на несколько порядков.

По сути, это была та же самая колониальная политика. Кстати, точно такими же методами действовал и Третий Рейх. Его руководители явно внимательно изучали опыт Наполеона. Только, в отличие от Гитлера, Наполеон не строил никаких

иллюзий относительно прочности созданной им империи. Он хорошо знал историю. Судя по некоторым сведениям, император рассчитывал продержать все свои завоевания под французской рукой в течение своей жизни. А главное — задавить за это время Англию. В том, что потом сооружение развалится, Наполеон не сомневался. Но за это время Франция стала бы сверхдержавой, против которой уже не попрешь. Что ж, заманчива перспектива оставить после себя такой памятник…

А пока в руки Наполеона стекались умопомрачительные суммы. Несмотря на постоянные войны, на огромные расходы по содержанию армии, с финансами во Франции было все в порядке. Редчайший случай для страны, воюющей так долго.

Двор Наполеона тоже поражал роскошью. Прежний королевский двор ему и в подметки не годился. Праздники, банкеты, маскарады следовали непрерывной чередой. Теперь здесь все было организовано всерьез. Был разработан сложный дворцовый этикет и прочие монархические прибамбасы. Наполеон требовал, чтобы к его двору являлись в роскошных дорогих костюмах. Заставлял приближенных приобретать дорогие особняки и замки, заказывать произведения искусства у лучших художников. Впрочем, приближенным императора было на что шиковать. Император награждал своих маршалов с ошеломляющей щедростью. Так, после заключения мира с Россией маршалу Ланну император отвалил аж миллион франков золотом. Не забывал он ни офицеров, ни солдат. Крупные выплаты получили все. Раненые получали втрое больше. Платили и семьям погибших.

Награбленные в Европе деньги растекались по Франции. А во дворце, среди всей этой раззолоченной толпы, двигался человек в простом солдатском сюртуке.

Это был сознательно выбранный имидж. Наполеон вообще несколько кокетничал солдатской простотой. Думается, именно отсюда его и грубость, и резкость. Правда, внешне он был уже не тот. Наполеон располнел и обрюзг. Именно к этому времени он и приобрел свой хрестоматийный образ: низенький толстенький человечек в треуголке.

Продолжала изменяться и психология Наполеона. Как отмечают многие исследователи, его мышление стало утрачивать гибкость. Так, в военном деле он все более и более рассчитывал на количественный фактор. Все вопросы можно решить голой силой, так к чему изощряться? Это порой приводило к тому, что за деревьями Наполеон уже не видел леса.

Один маленький пример. К Наполеону обратился изобретатель Фултон с поистине революционной разработкой:

применение парового двигателя на морских судах. От императора требовалось лишь финансировать постройку парохода и проведение ходовых испытаний. И вот Наполеон, так любивший науку и ценивший ученых, счел… изобретение бесперспективным! Он так и не понял, что судьба дала ему уникальный шанс — разработать принципиально новый тип морского судна, которое свело бы на нет преимущества английского флота. При возможностях тогдашней Франции довести разработки до этапа практического применения можно было куда быстрее, нежели это произошло в реальности в Америке. Которая была тогда захудалой мировой провинцией. Случись так, что пароход построили бы во Франции — может, Англию все-таки заколбасили бы. Забавно бы вышло. Но вот не сложилось.

2. «Нужен ли нам папа?»

Как мы помним, Наполеон сделал очень многое для восстановления во Франции церкви, загнанной революционной волной в подполье. Вершиной этого сближения стала коронация Наполеона. Но то был «брак по расчету». Сам Наполеон был если и не убежденным атеистом, то в любом случае в Бога особо не веровал. Он рассматривал церковь просто как одно из средств управления людьми. И хотел использовать это средство на полную катушку. А потому дружба с римским папой начала портиться.

Началось все с мелочи. Император потребовал от Пия VII расторгнуть брак своего брата, Жерома Бонапарта, с гражданкой Северо-Американских соединенных Штатов мисс Паттерсон. Не нравился по какой-то причине Наполеону этот союз. Или мисс не нравилась. Но — не суть. Римский папа отказал. Потому как с точки зрения Католической церкви никаких причин для развода не было. Видимо, Пий VII пошел на принцип. Решил продемонстрировать, что он — не послушная марионетка. Император отреагировал просто — занял Анкону, один из городов, все еще находившихся под властью примаса. Но это было только начало. 7 января 1806 гада Наполеон в письме в Ватикан назвал себя «покровителем святого престола» и предписал (именно так!) Пию VII присоединиться к континентальной блокаде. Закрыть свои гавани для английских судов. «Вы — владыка Рима, я же — император. Мои враги должны быть вашими», писал он Пию VII. Это было уже чересчур. Дело в том, что папа принципиально строго придерживался нейтралитета. Он долго совещался с кардиналами. Решение далось ему нелегко. Но все-таки примас пошел на конфликт. Он ответил отказом, заявив, что не пойдет против своей совести.

Несколько лет назад Наполеон, возможно, попытался бы договориться. Но теперь он не видел в этом смысла. Зачем, если можно все решить куда как проще? Французские генералы принялись медленно, но неуклонно занимать провинции Папской области. К февралю 1808 года наполеоновские войска вступили в Рим. Он был провозглашен «свободным имперским городом». Светской власти папы пришел конец. Наполеон отобрал у примаса то, что дал ему предыдущий французский император — Карл Великий. Официальное объяснение было такое: Наполеон не посягает на духовную власть папы, он враждует с ним как со светским государем.

В этом Наполеон, мягко говоря, лукавил. Его планы шли куда

дальше. Император планировал повторить финт французского короля Филиппа Красивого (известного многим по книжкам Мориса Дрюона). Филипп в XIV веке силой захватил папу и принудил его перенести резиденцию на территорию Франции, в Авиньон. Наполеон был еще более размашистым парнем. Он собирался передвинуть престол святого Петра в Париж. На острове Святой Елены он вспоминал:

«Водворение римской курии в Париже имело бы важные последствия. Париж сделался бы столицей христианского мира, и я управлял бы религиозным миром так же, как миром политическим».

Вот как! Простенько и со вкусом.

Папа об этих планах, возможно, и не знал. Но догадывался. Поэтому он попытался сыграть на опережение. 10 июня 1809 года Пий VII подписал буллу об отлучении Наполеона. Правда, документ был составлен весьма хитро. Отлучение-то вроде как и было, но Наполеон в нем по имени не назывался. С точки зрения католической религии это очень важно. В противном случае император стал бы vitandus. То есть чем-то вроде неприкасаемого. Все верующие обязаны были бы его «избегать, не говорить с ним и не иметь с ним никакого общения».[9]

Наполеон по поводу папского документа очень смеялся. Мол, папа наивно думает, что от его проклятий «оружие выпадет из рук императорских солдат». Оружие и в самом деле не выпало. Времена, когда папские проклятия разили врага почище «Катюши», давно прошли. Слишком много развелось циников, скептиков и атеистов.

Но на самом-то деле Бонапарт относился к событию серьезнее, чем хотел показать, и сделал все, чтобы буллу не опубликовали. Однако английские спецслужбы подсуетились, и булла стала населению Европы известна. И вызвала изрядный переполох в мозгах. Впрочем, Наполеон и на этот раз пошел вразнос. Папу захватили и вывезли за пределы Папской области. После нескольких перемещений его привезли в город Савону, где он жил на положении заключенного. Хотя ему хотели оставить некоторые знаки почета, но Пий VII отклонил их сам. Наполеон предлагал папе переехать в Париж, с ежегодным содержанием в два миллиона. Но примас отказался от предложенной ему золотой клетки. Он заявил, что от Наполеона ничего не возьмет. Пий VII, который как светский государь вел себя не слишком мужественно, показал себя настоящим отцом церкви.

Император же не смутился. Теперь он снова пер как танк. Новая проблема возникла, когда потребовалось назначить нескольких епископов. Требовалось папское посвящение. Пий VII

дать его отказался. И император обошелся без него. Теперь церковь фактически стала государственным органом. Правда, Наполеон не дошел до того, что сделал Петр I с его ликвидацией патриаршества и созданием Святейшего Синода. Может быть, за другими делами у него просто руки не дошли. Но, по сути, во Франции все туда и шло. Епископы были поставлены под надзор жандармерии, тексты их проповедей проходили цензуру… Как любил теперь говорить Наполеон, «мои епископы и мои жандармы».

То есть император не считал уже для себя важной ничью поддержку. Казалось, он всего сможет добиться сам.

3. Императорский брак

В 1809 году началась новая война с Австрией. В Вене терпеливо выжидали — и когда австрийцам показалось, что Наполеон увяз в Испании, они предприняли очередную попытку его одолеть.

Особого значения происходящему Наполеон не придал.

— Через два месяца я заставлю Австрию разоружиться, и тогда, если будет нужно, совершу снова путешествие в Испанию.

Поначалу все шло как обычно. Войска Наполеона бодро громили австрийцев. Чем-то выдающимся стало лишь ранение Наполеона, случившееся 22 апреля. Императора ранили в ногу. Ему наскоро сделали перевязку, Наполеон приказал посадить себя на лошадь и строго-настрого запретил говорить солдатам о ране. Бой продолжался и закончился полной победой французов. 18 мая Наполеон в очередной раз взял Вену. Во время этой войны Наполеон понес большую личную потерю. 17 мая был смертельно ранен маршал Ланн. Ему оторвало ядром обе ноги. Ланн был один из тех немногих, кто осмеливался говорить в лицо Наполеону то, что он на самом деле думает. Маршал умирал на руках императора. Второй раз за всю историю войн на глазах Наполеона видели слезы. Легенда гласит, что Ланн умолял императора прекратить войны.

А так — все шло, как всегда. Австрия оказалась повержена в очередной раз. Ее территорию снова обкорнали, а казну изрядно вытрясли в пользу Франции. Теперь Австрия фактически являлась наполеоновским вассалом. Что император прикажет — то и будут делать. К тому же, при тамошнем дворе дрожали при мысли, что следующим шагом Наполеона будет окончательное уничтожение страны. Вот как тогда относились в Европе к Наполеону. Как к сказочному дракону, который творит, что хочет, а управы на него нет никакой.

И тут вдруг судьба улыбнулась Вене. Наполеон решил сочетаться браком с австрийской принцессой Марией-Луизой.

Решение это пришло к нему не сразу. Несмотря на ветреность первой жены, на ее запредельное мотовство, Наполеон продолжал любить Жозефину. Прикипел сердцем, несмотря ни на что. Но все-таки на первом месте у императора стояли соображения целесообразности. У него до сих пор не имелось наследника. А Наполеон хорошо знал свою семейку Он совершенно не сомневался, что после его смерти родственнички начнут грызню за власть — и за этим увлекательным процессом пустят прахом

все его достижения. Достойного преемника среди них не имелось. А значит — нужен был наследник. С другой стороны, император уже слишком «врос» в трон. И поддался «монархической» иллюзии. Казалось, удачным династическим браком можно укрепить весьма ненадежную конструкцию «новой Европы». Да и наследник обрел бы некий статус — он не просто являлся бы сыном «узурпатора».

— У политики нет сердца, а есть только голова, — сообщив о своем решении, сказал он жене. Жозефина, услышав о таком, упала в обморок. Вряд ли от очень уж большой любви к Наполеону. Не замечена она была в особо глубоких чувствах к нему. Любовь Наполеона к ней всегда была сильнее. Но падать с такой высоты — всегда неприятно. Кстати, когда развод был уже делом решенным, супруги проводили вместе больше времени, чем когда-либо. Но решение было принято.

На принцессе из австрийского императорского дома Наполеон женился не от хорошей жизни. Выбор-то был небольшой. Либо Австрия, либо Россия. Больше никого не осталось. И сначала Бонапарт, верный своей политической ориентации, обратился в русскую сторону. Тут имелась подходящая кандидатура: великая княжна Мария Павловна, сестра Александра I.

Но не получилось. Да, Россия находилась в союзе с Наполеоном. Но во властных структурах, а особенно в среде высшего дворянства, существовала сильная оппозиция такой политике. Как и всегда, дело было прежде всего в деньгах. Континентальная блокада очень сильно била по российской экономике вообще и по крупным помещикам — в частности. У них теперь не было возможности продавать в Англию зерно. А это — огромные убытки. Не зря ведь Александр то и дело получал анонимки, в которых ему черным по белому намекали на судьбу его отца.

Имелись и личные мотивы. Императрица-мать Мария Федоровна относилась к Наполеону с ужасом и отвращением. И ей совсем не улыбалась перспектива, что ее дочь бросят на съедение «чудовищу Минотавру». А женщина она была весьма влиятельная в кругах, которые создают мнение «общества».

Тут я снова немного отвлекусь. Сила Наполеона состояла не только в том, что он стал неограниченным диктатором, а и в том, что был «self made man».[10] Он расставлял на игровом поле свои фигуры, как хотел. А наследственная монархия — штука весьма гнилая. Государь оплетен нитями бесчисленных связей и интересов элиты, которые возникли задолго до его рождения.

Элита имеет огромное количество явных и скрытых рычагов влияния. Чтобы наследственный монарх мог стать по-настоящему единоличным правителем, он должен, как Петр Великий, Иван Грозный или Генрих VIII вырезать старую элиту на корню. А если он этого не может или не хочет — тогда он не единоличный правитель…

В общем, Наполеон получил из Петербурга ответ в том смысле, что, дескать, шестнадцатилетняя Мария Павловна еще слишком молода. В деле сватовства — не только монархического — такой ответ означает: а пошел бы ты, парень… Люди, склонные смотреть на историю с точки зрения собственной кухни, этим и объясняют разрыв с Россией: дескать, Наполеон обиделся. В политике таких чувств нет. Но доля правды в таком подходе имеется. Отказ «сочетаться браком» означает сигнал: страна-союзница уже посматривает в другую сторону…

Вот и пришлось обращаться в Вену. И там — не колебались. Ведь такой брак — это шанс выкарабкаться из ямы, в которой очутилась Австрия в результате последней войны. Согласие было дано.

Свадьба, состоявшаяся в Вене 11 марта 1810 года, отдавала сюрреализмом. Мария-Луиза жениха никогда не видела. На свадьбе не увидела тоже. Наполеон на торжества не приехал. Недосуг был ему лишний раз тащиться в Вену ради такой мелочи, как свадьба. Роль жениха ВДВОЕМ изображали начальник штаба (!) Наполеона маршал Бертье и брат невесты, эрцгерцог Карл. Монархические браки — это, конечно, прежде всего политическая акция. Поэтому там многое допускается. Но это было и для современников все же несколько чересчур. Однако австрийцы проглотили и такое. А что им еще оставалось делать?

Мужа Мария-Луиза увидела, только подъезжая к Парижу. Как она сама относилась к этому браку? А ее никто и не спрашивал. Вот что писала она близкой подруге незадолго до замужества:

«Со времен развода Наполеона я разворачиваю “Франкфуртскую газету” с мыслью найти там имя его новой супруги и сознаюсь, что откладывание причиняет мне беспокойство. Я вверяю свою участь Божественному Провидению… Но если моя несчастная судьба того захочет, то я готова пожертвовать личным своим благополучием во имя государства».

Понятно, что никаких особых чувств к будущему мужу Мария-Луиза не испытывала. А Наполеон? Тут все сложнее. Никакой особой любви к жене у него, конечно, не было. Но в 1811 году новая императрица подарила ему долгожданного

наследника. И хотя бы как к матери своего ребенка Бонапарт относился к ней тепло. По крайней мере, его письма к ней выходят из рамок простых информационных сообщений. Судя по всему, он верил в формулу «стерпится — слюбится».

В Европе несколько успокоились. Казалось, теперь воцарится относительный мир. Но затишье продолжалось чуть больше двух лет. Потом все началось сначала.

4. Маршалы смотрят искоса

Любая вершина — это начало спуска. Вот и в империи Наполеона в то время, когда она была сильнее всех, начались неприятные течения. Представители элиты, особенно военной элиты, начинали чувствовать усталость. Да, Наполеон сделал их не просто богатыми, а очень богатыми людьми. Да, он осыпал их почестями, графскими, герцогскими, а то и вице-королевскими званиями. Да, у всех них имелись роскошные особняки, загородные поместья и так далее, и тому подобное. Но с какого-то момента деньги и почести, которыми Наполеон осыпал своих людей, стали работать против него. Посудите сами. Какая радость от роскошного особняка и солидного банковского счета, когда ты вынужден всю жизнь болтаться в военных походах со всеми их радостями? Дело тут даже не в личной опасности. Хотя и в ней тоже. Но когда нечего терять, — и помирать легче. Однако важнее все же другое. Ради чего терпеть холод, недосып, грязь и вечную усталость? В молодости весело погулять по чужим странам. А вот когда возраст начинает подпирать… Главная прелесть военных подвигов — в том, что их приятно вспоминать, когда все уже позади. Весело, будучи зеленым юнцом, скакать по полям с саблей. Но ведь захочется потом и отдохнуть… И насладиться заслуженным покоем, достатком и уважением. В самом деле, что толку теперь маршалу Ланну в его миллионном состоянии? На тот свет он отправился без багажа. Он даже не успел жениться… Бессмертная слава — это, конечно, хорошо. Ну, так наполеоновские маршалы уже и так прославились в веках. Ради чего еще стараться?

Наполеон, похоже, этого глухого недовольства не чувствовал. Военные еще не начали ему изменять. На то они и военные — чувства чести и долга вбиты в них намертво.

Со штатскими — было сложнее. Первый «пошел налево» Талейран. И это был очень скверный признак. За всю свою долгую жизнь Талейран совершил много подлостей и предательств. И ведь, сволочь такая, ни разу при этом не поскользнулся. Когда такая тертая и опытная крыса намеревается удрать с корабля — дело уже пахнет керосином.

Уже с 1808 года Талейран стал заниматься тем, что называется государственной изменой. Он установил тайные сношения с русским императором и «сливал» ему дипломатическую информацию. Более того, он советовал Александру быть менее сговорчивым. Мол, уступками ничего не добьешься. Конечно, так на самом-то деле и было. Но сдавать

своих — это не одобряется нигде. Впоследствии, в своих мемуарах Талейран утверждал, что делал это во имя Франции. Может быть, может быть. Но только деньги с Александра он брать не забывал. Русский император, правда, много ему и не отстегивал: понимал, с кем имеет дело, сам не лаптем щи хлебал и разбираться в людях умел. Слухи о странном поведении Талейрана стали доходить до Наполеона. Большую роль сыграла и Летиция Бонапарт. Она стояла в стороне от светских тусовок, но многое видела и слышала. И интересы сына были ей небезразличны.

28 января 1809 года произошла колоритная сцена. Наполеон вызвал в свой кабинет высших сановников империи. Они решали какие-то текущие дела. Император выглядел совершенно спокойно. Но вдруг его прорвало. Он резко вскочил со своего места и подлетел к Талейрану:

— Вы вор! Вы подлец! Вы бесчестный человек… Вы всех предавали и обманывали! Для вас нет ничего святого! Вы бы продали родного отца!

Талейран побледнел и, судя по всему, уже прощался с жизнью. Между тем Наполеон продолжал:

— Почему я не повесил вас на решетке площади Карусель? Но еще не поздно! Вы… Вы… — гнев душил императора. — Вы дерьмо в шелку!

Одна из больших загадок: почему Наполеон все-таки не поставил Талейрана к стенке. Но не поставил. Добрым был слишком. А зря. Потому что почти сразу же после этой сцены министр иностранных дел продался Австрии и повел с тамошним министром иностранных дел тайные дела.

А вот Сталин таких товарищей давил без пощады. Потому-то никто его победить не сумел.

Но все эти сомнительные настроения в верхах были еще половиной беды. Дело обстояло куда хуже. Начались грозные явления в экономике. А экономика — такая штука, разобраться с которой тяжелее, чем завоевать очередную страну. И самое смешное, что причиной накатывающегося кризиса была все та же война, которая приносила в страну огромные деньги. Всё просто. Французская промышленность во многом была ориентирована на производство предметов роскоши. Так, к примеру, крупный город Лион специализировался на производстве шелковых тканей и бархата. Во многом все это шло на экспорт. Вот тут-то и была зарыта собака. Завоеванные страны были разорены войной и последующими поборами. Им было не до шелков, не до ювелирных украшений, не до коллекционных французских вин. Огромную долю покупателей — богатых плантаторов Латинской

Америки и других богатых обитателей стран «за соленой водой», отсекла война с Англией. Ее флот безраздельно господствовал на море, да и каперов[11] развелось, что собак нерезаных. К тому же для текстильного производства нужен хлопок. Чтобы красить ткани, нужно индиго. Где их взять? В общем, с экономикой становилось нехорошо.

Наполеон понимал, что дело пахнет керосином. Ведь кризис — это уже безработица. А значит — социальная нестабильность. В стране, где десять лет назад закончилась революция, это опасная штука. Потому-то император всеми силами старался противостоять опасности. Так, к примеру, безумная роскошь, которую Наполеон навязывал в качестве стиля жизни своим придворным, имела и чисто экономическую подоплеку. Кому ж покупать предметы роскоши, как не «новым французам»? Но это не было, конечно, кардинальным решением проблемы.

Экономика — это еще одна область человеческой деятельности, в которой Наполеон совершенно не разбирался. Впрочем, тогда в ней мало кто что-либо понимал. В смысле — в глобальных экономических законах. Не было надобности. Наполеон первый столкнулся с проблемами «макроэкономики». И ему показалось, что все проблемы можно решить привычным волевым путем.

Наполеон стал заниматься тем же, чем Советская власть эпохи застоя. Стал дотировать «тонущие» предприятия. Вот как он требовал, чтобы министр финансов объяснял подобные траты:

— Вы должны отчитываться передо мной так: я дал взаймы деньги этой мануфактуре, у которой столько-то рабочих, потому что ей грозило остаться без работы.

Чем кончаются такие эксперименты, мы все видали на примере СССР. Так что выход был у Наполеона один — дожать Англию. Довести континентальную блокаду до логического завершения.

А вот с этим обстояло из рук вон плохо. Здесь Наполеон столкнулся еще с одной непобедимой стихией: с человеческой природой. Со стремлением людей быстро заработать. Цели императора вошли в противоречие с желанием европейцев пить чай и кофе, курить табак и носить сюртуки из самого лучшего в мире английского сукна и рубашки из хлопка. А потому — контрабандистов развелось, как грязи. Занятие было не просто выгодным, а очень выгодным. Один рейс через Ла-Манш давал 1200 процентов прибыли. То есть вложил фунт — получил двенадцать. Это сравнимо с прибылями сегодняшней наркомафии.

С контрабандистами расправлялись свирепо. Застигнутых на месте преступления без вопросов расстреливали на месте. Но толку от этого не было никакого. Ведь таможенная стража и жандармы, осуществлявшие прибрежный контроль, были такими же людьми, которым тоже хотелось есть и пить. Представьте — жандарму предлагают сумму, равную его пятилетнему жалованию. И дел-то всего — в нужный момент направиться на патрулирование в сторону, противоположную месту, где идет выгрузка. Технология контрабанды была отработана до совершенства. Английский корабль останавливался темной ночкой в нескольких милях от европейского берега. С него контрабанду перегружали на маломерные суда, которые могли пристать в любом месте. Там их разгружали — и товар благополучно попадал на рынок.

В общем, чем дальше, тем яснее становилось: континентальная блокада оборачивается фикцией. Но отступать… Это значит признать, что все последние несколько лет потрачены впустую. Надо сказать, что в те годы умения признавать свои ошибки в натуре Наполеона не было. Сильное это качество или наоборот — судите сами. Император продолжал упорно двигаться по широкой дороге, ведущей в тупик. На этом пути он сделал радикальный ход: в 1810 году фактически запретил ЛЮБУЮ торговлю колониальными товарами. То есть, чай, сахар и кофе табак стали вообще запрещенными продуктами. Все колониальные товары подлежали конфискации и ПУБЛИЧНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ. В качестве криминального журналиста автору не раз доводилось присутствовать при уничтожении марихуаны и контрафактных дисков. Зрелище сильное. Но, теперь, по крайней мере, «травку» жгут не на Сенной площади и не в Апрашке. Да и любителей этого продукта все же не так много. А представьте себе свои чувства, когда в магазинах нет сахара, а его мешками сжигают на ваших глазах…

Цель Наполеона была проста: подкосить перекупщиков, сделать контрабанду экономически невыгодной. Конечно, ничего из этого не вышло. Просто пышнейшим цветом расцвел черный рынок. Забавное было время, когда обыкновенным чаем торговали, как теперь героином…

Эта политика загоняла в гроб и легкую промышленность. Хлопок и индиго в те времена можно было получить только из Америки. Значит, не из чего шить рубахи, нечем их красить. Дело порой доходило до абсурда. Так, Наполеон не мог найти во Франции сукна для пошива мундиров своим солдатам. И вынужден был покупать сукно через третьих лиц, контрабандой.

Убежден, что в европейском восстании против Наполеона,

которое разразилось после его поражения в России, в значительной степени повинна континентальная блокада. Как в крахе Советского Союза — антиалкогольное законодательство. Обидно, когда на твоих улицах распоряжаются чужеземцы. Но если при этом из-за них еще и чайку не попить… Ах, сволочи! Бей гадов!

Между тем характер Наполеона продолжал портиться. В нем все более проявлялась мелочная раздражительность. И еще: повелитель Европы становился все более и более угрюмым. Приближенные со страхом передавали, что император стал плохо спать. Это был серьезный симптом. Дело в том, что Наполеон имел редкую способность управлять своим сном. Он мог велеть себе заснуть на десять минут — а потом просыпался как ни в чем не бывало. Мог засыпать под огнем, в любом положении и в любых условиях. Так что этот новый симптом пугал. Да и вообще, в поведении императора стали появляться некоторые странности. Так, однажды он вышел к гостям во дворце — и вдруг остановился посреди зала, уставившись в пол. Наполеон стоял и молчал. Смущенные гости ошалело смотрели на эту длительную паузу. Наконец к императору подошел Мюрат, желая что-то сказать. Но Наполеон пробурчал нечто неразборчивое и вышел из зала. С большой долей вероятности можно предположить, что императора начинали мучить тяжелые предчувствия. Возможно, в глубине души он понимал, что «заигрался».

Тут бы Наполеону и остановиться. В конце концов, черт с ней, с Англией. Лет за десять, при имевшихся у Наполеона ресурсах, можно было бы создать новый флот. Можно было бы поиграть в дипломатию и попробовать прижать англичан к ногтю. Да, имелась тлеющая Испания. Но если отказаться от континентальной блокады — тогда и черт-то с ней. Хотели испанцы обязательно видеть на троне своего законного короля — так и верни им их игрушку. Все равно он будет ручным.

Но для «императора всех французов» всё это было слишком муторно. Наполеон мыслил по-другому. Всё или ничего! Хотя, с другой стороны, возможно, он был и прав. В положении неустойчивого равновесия нельзя «сдавать назад». Как в альпинизме — спуск всегда на порядок труднее, нежели подъем. И Наполеон совершает свою роковую ошибку. При упоминании которой французские историки, почитатели Наполеона, чуть ли не в голос рыдают. Он идет в Россию.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗЕМЛИ

1. «Дипломатическая война»

В России распространено несколько неверное представление о характере наполеоновского нашествия. Оно возникло в начале Великой Отечественной войны. Советская пропаганда, дабы вдохновить солдат и тружеников тыла, часто упоминала Наполеона. Мол, перед ним тоже долго отступали. А потом — все-таки «сделали». Тогда это было понятно: пропаганда — такое же оружие, как танки и пушки. Но потом на этой основе сложилась уже традиция. И подоспели бесчисленные книги, стихи и фильмы, которые часто создавали люди, историю вообще не знающие.

Нашествие Наполеона стало прочно ассоциироваться с агрессией Гитлера. Между тем сходство здесь чисто внешнее.

С фюрером — все ясно. Свои цели он четко сформулировал в книге «Майн Кампф»: завоевание жизненного пространства на востоке. Глубинный же смысл его стратегии был вот в чем. Гитлер мечтал об автаркии — то есть о самодостаточном государстве. О таком, которое ни от кого не зависит. Для этого Германии не хватало сырьевой и сельскохозяйственной базы. Продовольственная и сырьевая проблема была ахиллесовой пятой Третьего Рейха. Ради ее решения и пошли на восток.

Наполеону же Россия была по большому счету вовсе не нужна. Да к тому же он был хоть и авантюристом, но не идиотом. И прекрасно понимал, что для захвата хотя бы европейской части Российской империи ему не хватит никакой армии. Великая армия Наполеона в самый свой лучший момент, перед вторжением в Россию, насчитывала около 500 тысяч человек. Это было все, что удалось собрать со всей Европы. Время миллионных армий еще не пришло. С такими силами ни о каком завоевании России речь просто не могла идти.

Сразу же упомяну и еще один миф. Часто приходится слышать, что Наполеон захватил половину России. Говоря так, люди механически переносят реалии мировых войн XX века на совсем иную эпоху. Потому как во времена Наполеона война ходила полосой километров в двадцать. Включая сюда далеко забредших мародеров. На остальной же территории шла обычная жизнь. Так, все основные события Отечественной войны 1812 года крутятся вокруг Старой Смоленской дороги.

Но все-таки: что было нужно Наполеону? С чего бы это он полез в Россию?

А он никуда особо далеко лезть и не собирался. Да, в Париже, перед началом войны, он высказывался о своем желании войти в

Москву. Но, думается, это была всего лишь красивая метафора. Потому что никаких серьезных приготовлений к такому серьезному делу Наполеон не предпринял. Что, в общем-то, было не в его обычае. К новым кампаниям он готовился очень тщательно. А тут — откровенная игра «на хапок». Все было непродуманно, все оказалось неподготовленным. Потому что, повторюсь, никуда всерьез Наполеон лезть и не собирался.

Как мы помним, император всегда стремился к дружбе с Россией. Все прошлые годы он относился к ней с максимальной предупредительностью. Так, после Аустерлица он дал разбитым русским уйти — не преследовал их, не пытался добить до конца. Не кинул никакой кости и полякам. Хотя мог бы обеспечить их преданность на куда более серьезном уровне. Дать бы им Литву (то есть земли нынешней Белоруссии). Потом можно было бы и отобрать. Но Наполеон этого не сделал. По одной причине: в ЭТОЙ войне он постоянно оставлял себе возможность «сдать назад». Договориться.

Предстоящие военные действия он рассматривал как форму «дипломатической войны». То есть, если партнер несговорчив, имеет смысл пригрозить ему силой. Нанести пару-тройку поражений. Глядишь — он и поймет, что шутки кончились. Это можно сравнить с легкой дракой. Когда дерутся не насмерть, а так, меряются силами. Обменялись ударами, а потом тот, кому удалось свалить противника на пол, не добивает его ногами, а даже помогает подняться и продолжает разговор.

А «беседа» шла все о том же — о континентальной блокаде. Россия явно «глядела на сторону». Причин было много. Соображения были экономического порядка — желание вывозить в Англию хлеб, без чего русский рубль шатался, как пьяный. И политические — неуверенность в отношении Польши. И личные — ненависть к Наполеону не только Александра, но и большинства представителей высшего русского дворянства. Которых непредсказуемость Наполеона несколько утомила.

Фактически Россия континентальную блокаду всерьез не поддерживала. Делала только вид. А без нее вся эта затея теряла последний смысл. В Петербург и прибалтийские порты бодро шли «нейтральные» — на деле английские — суда.

В общем, Александр играл в хитрую дипломатическую игру: «да» и «нет» не говорил, а делал то, что считал нужным. Большое значение имело предательство Талейрана. Русский император понял: неладно что-то во французском королевстве, если такие люди бегут. Значит, надо и нам держаться…

Отношения всё накалялись. Тем более, что Наполеон стал теперь совсем резким и нетерпеливым. Он давно уже отвык от

возражений, и независимая позиция России его даже чисто по-человечески раздражала. Так, к примеру, 15 августа 1811 года он крайне раздраженно заговорил с русским послом князем Куракиным:

— На что надеется ваш государь?.. Я не хочу войны, я не хочу восстановить Польшу, но вы сами хотите присоединения к России герцогства Варшавского и Данцига… Пока секретные намерения не станут открытыми, я не перестану наращивать армию, стоящую в Германии.

В общем, судя по всему, Наполеон намеревался дать России хорошую острастку. И надо было торопиться. Континентальная блокада вступила в критическую фазу. Да, Англии приходилось несладко, она держалась с трудом. Но и Франция начала-таки испытывать трудности от бесконечных войн. Самое главное, — зашаталась основная «социальная база» Наполеона: крестьяне устали. В самом деле, сколько еще можно давать своих сыновей на войну, которая ведется уже неизвестно ради чего? Да к тому же в 1811 году Францию постиг неурожай. Кое-где дошло дело до беспорядков. И тут раздался еще один звоночек. Очередной армейский набор проходил с большим трудом. Молодежь побежала в леса, где ее пришлось вылавливать. Наполеон уже явно начинал скольжение вниз по склону своей ледяной горы. Именно поэтому он принял характерное для него решение: одним ударом разрубить очередной гордиев узел. Заставить Россию делать, что велят. Но, конечно, вглубь России он лезть не собирался. Перед самым уже вторжением, в своем обращении к солдатам он назвал предстоящую кампанию «второй польской войной». То есть он не собирался идти дальше приграничных областей. А уж тем более — на Москву…

Теперь Великая армия[12] насчитывала около 420 тысяч человек. Больше, чем когда-либо. Но у Наполеона на этот раз не было уверенности в успехе. Он часто вспоминал теперь судьбу шведского короля Карла XII, который тоже полез в Россию. И проиграл на этом всё. Теперь масштабы войны были, конечно, не те. Но все-таки…

23 июня, за день до начала войны, произошел занятный эпизод. Наполеон объезжал войска, и вдруг он, всегда уверенно сидевший в седле, свалился на землю. Как потом оказалось, под ноги лошади откуда-то прыгнул заяц. Хуже приметы не бывает. И для суеверного Наполеона это было очень серьезно. Он, как часто в последнее время, погрузился в угрюмое молчание.

2. Огонь

Война с Россией началась 24 июня 1812 года. Целых четыре дня Великая армия переходила по трем понтонным мостам через Неман. Переправе никто не пытался препятствовать. Наполеон быстро дошел до Вильны (Вильнюса), где его с восторгом приветствовали польские дворяне. Они еще верили, что император отдаст им их вожделенную Литву. Но у Наполеона были явно иные планы. Он, судя по всему, все еще колебался. Иначе трудно объяснить, зачем он сидел в этом городе 18 дней. Потому что время работало против него. Дело в том, что совсем недавно Кутузов подписал мир с турками, с которыми Россия тогда в очередной раз воевала. Теперь русские войска полным ходом двигались с юга к театру военных действий. Почти одновременно отпал и другой потенциальный союзник Франции — Швеция. С ней русские тоже в очередной раз недавно воевали (оттягав в итоге Финляндию). Наследным принцем — а фактически руководителем страны — в Стокгольме был бывший наполеоновский маршал Бернадот. И Наполеон рассчитывал на его помощь — на то, что шведские войска отвлекут на себя какое-то количество русских. Но Бернадот не горел желанием помогать своему бывшему начальнику. Потому что уже освоился в местных делах и сообразил: с Россией ему в любом случае предстояло жить по соседству Поэтому он поспешил заключить с Александром I мир. Почему же Бонапарт стоял в Вильно? Есть лишь одно внятное объяснение: он продолжал надеяться на начало переговоров.

Однако в конце концов Наполеон двинулся в глубь страны. План его был теперь прост — нагнать русскую армию и закончить кампанию одним ударом. В том, что это ему по силам, Наполеон не сомневался. Французов было почти вдвое больше. Да и к тому же в той русской армии не было генералов, хотя бы близко стоявших к Бонапарту по своим полководческим дарованиям, а Кутузов был еще далеко. Но русские уходили. Оставляя после себя выжженную землю. И император все больше беспокоился. Движение вглубь России чем дальше, тем становилось опасней. Стояла страшная жара. Такая, что ветераны, побывавшие в Египте, только утешали новичков, что там было еще жарче. Начались перебои и с фуражом. А это значит? Что лошади начинают падать. И тогда некому тащить «бога войны» — артиллерию. Началось мародерство. Особенно усердствовали солдаты нефранцузского происхождения. И это понятно. Немцев погнали сюда воевать неведомо за что. Такие солдаты всегда начинают

грабить первыми и первыми же убегают с поля боя. Мародеры — это очень нехороший симптом. Грабят на войне всегда. Но мародер — это тот, кто ради грабежа покидает строй. Именно поэтому, а не за то, что они грабят, их и расстреливают во всех армиях.

Но самым худшим было даже не это. Все более растянутыми становились коммуникации. Что это значит? Четырехсоттысячной армии надо каждый день что-то есть. В малонаселенной России изымать запасы у населения было нелегко. Тем более, что крестьяне старались ничего не оставлять захватчикам. Но ведь еда — это не всё. Солдатам надо чем-то стрелять. Все припасы нужно везти за сотни километров. А дорогу — охранять. И в городах оставлять гарнизоны. То есть каждый очередной километр уменьшал армию даже без всяких боев. Потому-то пройденный путь радости Наполеону не добавлял, а совсем наоборот. Русские упорно уклонялись от сражений — и отступали, отступали, отступали… А уходить им было куда.

Первое крупное сражение состоялось 16 июля в Смоленске. Город был зажжен орудиями и пылал. Французы упорно наступали. Наполеон полагал, что он наконец-то ввязался в генеральное сражение, и настрого приказал Нею до вечера взять город.

Но только не вышло! Русские стояли насмерть. Солдаты порой отказывались выполнять команду об отступлении. Среди горящих домов бой продолжался еще сутки. Несмотря на мужество русских, к вечеру 17-го исход сражения был ясен. Французы одолевали. Но тут их ждала новая крупная неприятность. Русский командующий Барклай де Толли приказал взорвать пороховые склады, на которые французы очень рассчитывали. И что самое главное — опять ускользнул. Правда, ему пришлось оставить своих раненых. Но армия-то ушла!

Наполеон проезжал по пылающим улицам мрачнее грозовой тучи. Все получалось как-то не так. Такое яростное сопротивление Наполеон встречал лишь в Испании. Но самое главное — ситуация все больше выходила из-под его контроля. Ведь чем больше длится такая война — в которой жгут города и сражаются как одержимые — тем сложнее заключить полюбовный мир. Но император не понимал еще самого главного, что мира не будет. Наполеон ошибся не только в характере народа, с которым он влез в войну. Недооценил он и Александра I. Хотя французский император всегда с большим уважением относился к русскому.

«Русский император — человек, стоящий бесконечно выше всех этих остальных. Он обладает умом, изяществом, образованием; он обольстителен; но не искренен, ему нельзя

доверять, это настоящий византиец эпохи упадка империи. Если я здесь умру, он будет моим подлинным наследником в Европе», — писал он впоследствии на острове Святой Елены.

Всё так. Александр и в самом деле был по характеру хитрым «византийцем». Да только вот Российской империи до упадка было еще ой как далеко. Александр откровенно боялся Наполеона — как, впрочем, и большинство государственных деятелей. Но тут он проявил твердость, достойную лидера великой страны. Он не желал больше идти на переговоры. Как Александр говорил позже, он был «готов отступать хоть до Камчатки». А Бонапарт все еще думал: русский император готов к переговорам. Что все не складывается лишь из-за каких-то нелепых случайностей. Собственно говоря, война была проиграна уже тогда. У Наполеона была мысль остановиться в Витебске и продолжить на следующий год. Но тут в нем снова проснулся азартный игрок, и заглушил голос благоразумия. В конце-то концов, он сейчас побеждает! И рано или поздно Александр попросит о мире! Хотя было уже очевидно, что идет совсем иная война. Русские жгли города и деревни — и откатывались все дальше на восток. Нечего было уже не то что грабить, а лошадей кормить становилось нечем. Огромные пространства пугали французов. И уже начиналось партизанское движение. Тогда оно было еще слабым. Но французы делали все, чтобы его усилить: мародерство в Великой армии нарастало стремительно. А когда русского крестьянина грабят захватчики — он начинает сильно злиться. Это не Австрия, где свой император велел местным властям выполнять все приказы императора французов. В этих землях дело обстояло совсем иначе.

С каждым днем в действующей армии оставалось все меньше бойцов. И все меньше было у Наполеона перспектив быстро закончить войну.

Но главный вопрос был в другом: а что делать-то? Гоняться по бескрайним российским просторам за Барклаем? Ситуация складывалась мерзкая. Отступить теперь было уже невозможно. И Бонапарту пришлось принимать решение, которое в начале войны ему и в голову не приходило: идти на Москву. Взять город — а уж оттуда пытаться помириться.

3. День Бородина

Бородинское сражение — один из символов русской воинской славы. Но парадокс в том, что русским это сражение было не нужно никаким боком. А вот Наполеон о нем мечтал. Потому что для него это был шанс все-таки переломить ход войны. Разгромить русскую армию и, наконец, заговорить на привычном ему языке победителя. Потому что все происходящее с ним напоминало пока историю с ежиком в тумане. Идем, идем, долго идем. Куда и зачем? А черт его знает.

Хотя среди русских к этому моменту тоже наблюдалась некая растерянность. Что все-таки происходит? Смысла маневров Барклая не понимали как в Петербурге, так и среди солдатской массы. Недаром его фамилию служивые переиначили как «Болтай да и только». Вспомнили шотландское происхождение военачальника — и начались разговоры об измене. К счастью, Александр вспомнил собственный горький опыт и сам в войска не поехал. И это было правильно. Потому что последним из Романовых, кто отличался военными способностями, был Петр I.

Александр сместил Барклая и назначил главнокомандующим Кутузова. Русский император вообще-то терпеть его не мог. Но тут уж был вынужден наступить на горло собственной песне — хотя бы в угоду общественному мнению. А новый командующий вдруг повел себя так, как никто не ожидал. Он — продолжил отступление. Потому что знал свои возможности и возможности армии, которую возглавлял. И понимал, что в открытый бой с Наполеоном лучше не ввязываться.

На российских просторах в 1812 году столкнулись два совершенно различных типа полководца. Наполеон был гениальный авантюрист. Он всегда лез в драку. И до поры до времени ему удавалось побеждать. Но он являлся скверным стратегом. Это хорошо видно и на примере кампании 1812 года. Начиная с перехода через Неман все в ней было сплошной чередой ошибок. Бонапарт продолжал упорно загонять себя в угол, выхода из которого просто не имелось. Когда не удалось решить войну стремительным ударом, он оказался в положении, в котором, попросту говоря, не мог хорошо разобраться. Теперь надо было вести долгую и сложную войну. В которой вопросы снабжения имели большее значение, нежели успехи на поле боя. Кутузов на поле боя, возможно, и проигрывал Наполеону. Но в области стратегии он, несомненно, был сильнее. Михаил Илларионович был человеком острожным и никуда не торопился. Он-то знал: время работает на него.

И чем дальше будет продолжаться война, тем легче будет справиться с Наполеоном.

Но это — он понимал. А для остальных возможность сдать Москву без боя просто в головах не укладывалась. В этом-то и состоит главная причина Бородинской битвы: Кутузова буквально вынудили дать бой.

Сражение началось рано утром 7 сентября (26 августа по юлианскому календарю). Наполеон был уверен в победе. Всю предыдущую ночь он более всего боялся одного — как бы русские вновь не ушли. Потому что дальше продолжать эту игру было совсем опасно: ко дню Бородина у него в строю осталось лишь 135 тысяч солдат (из 420!). У русских имелось около 130 тысяч. То есть численное превосходство французов фактически уже сошло на нет. Когда на рассвете император увидел, что враг наконец-то решил принять бой, он произнес знаменитую фразу: «Вот солнце Аустерлица!» Казалось, судьба к нему снова благосклонна.

И грянул бой. С первых минут сражения раздался такой грохот пушек, какого даже бывалым солдатам слышать еще не приходилось. Наполеон бросил свои войска в атаку, рассчитывая, как обычно, смести противника коротким и решительным натиском. И опять, как и в Смоленске, оказалось, что с русскими такие вещи не проходят. Они дрались отчаянно. Насмерть. И настроение у Наполеона стало меняться. С разных точек боя ему доносили примерно одно и то же. Что французские части, неся огромные потери, выбивали противника с ключевых пунктов обороны. Но… русские упорно шли в контратаки. И выбивали французов обратно. Знаменитая батарея Раевского переходила из рук в руки более десяти раз. От Багратионовых флешей (земляных укреплений) осталось одно воспоминание. Земляной ров перед ними, а точнее — тем, что когда-то ими было, оказался полностью завален трупами. Бойня шла ужасная. Орудия обеих сторон лупили, почти не разбирая, по своим и чужим.

Настроение Наполеона становилось все более и более мрачным. Маршалы умоляли его дать еще подкреплений. Они клялись и божились, что стоит немного поднажать — и русские сломаются. Часто утверждают, что император не решился тогда пустить в бой свой последний резерв — старую гвардию. Это вряд ли. Наполеон, скорее всего, пошел бы на такой риск. Если бы продолжал надеяться на решительную победу. Но он уже на нее не рассчитывал.

В самую напряженную минуту на тылы французов налетели казаки атамана Платова. Вообще-то, особого военного значения этот рейд не имел, французы быстро оправились от

неожиданности и отбили атаку. Но старый хитрец Кутузов, посылая казаков, знал, что делал. Положение русских было очень тяжелым. Возможно, брось тогда Наполеон в бой все, что он тогда имел — и исход сражения был бы для Кутузова печальным. Однако внезапный удар русской конницы окончательно изменил настроение императора. В самом деле, что еще могут выкинуть эти русские? Какие у них еще имеются сюрпризы? Наполеон уже утратил веру в полный разгром противника. А при такой ситуации, в безумной дали от своих баз, следовало вести себя поосторожнее.

Надо сказать, что на Бородинском поле Наполеон тоже вел себя не как обычно. Как-то чересчур для него осторожно. Видимо, реалии войны на русской земле не располагали к играм с судьбой.

В конце дня русских с их позиций все-таки выбили. Но что это решало? Они отходили в полном порядке — и явно были готовы завтра же продолжать сражение. В последнее время, особенно в русском походе, Наполеон особенно часто впадал в мрачное настроение. Но таким, как в день Бородина, его не видели никогда. Император был не просто угрюм, он впал в какую-то апатию. Не реагировал на обращения подчиненных, которые требовали от него приказаний. А это уж было для него не характерно вовсе.

Каждая из сторон записала Бородинскую битву в число своих побед. Французы, кстати, до сих пор считают ее таковой. С тактической точки зрения они правы, ведь русских выбили со всех позиций. Но война — не футбольный матч. Основную свою задачу Наполеон так и не решил. Русская армия не была разбита. Да и «по очкам» победил все же Кутузов. Численность армий стала примерно равной. И ведь русские были дома, а французы — совсем наоборот.

По большому счету, Бородинское сражение можно назвать поворотным пунктом в биографии Наполеона. Он и сам потом это признавал, называя САМЫМ СТРАШНЫМ сражением в своей жизни. А ведь ему было с чем сравнивать. Судьба, до того к нему неизменно благосклонная, стала куда менее приветливой. Хотя до краха было еще очень и очень далеко.

4. Шумел, гудел пожар московский

Московские передряги Наполеона описаны множество раз. И подробно их фактическую сторону пересказывать нет смысла. Поэтому напомню только основные вехи.

После Бородино Наполеон ошибается снова. Он-то надеялся, что Кутузов все-таки даст под стенами Москвы еще одно сражение. Но русский полководец решил иначе, и сумел отстоять свою точку зрения на знаменитом военном совете в Филях. Русские войска прошли сквозь Москву. Вслед за ними из города ушло большинство жителей.

Первоначально планы Бонапарта оставались прежними: сидеть в городе и ждать мирных предложений со стороны Александра. Но, войдя в Москву, он убедился, что всё идет наперекосяк. Даже хрестоматийное бесполезное ожидание Наполеоном на Воробьевых горах делегации горожан было только началом. Город оказался практически пуст. А потом начался знаменитый пожар. До сих пор ведутся споры о том, кто был виновником этого бедствия. Возможно, Лев Толстой прав — все произошло потому, что не могло случиться иначе. Москва вообще горела довольно часто. А когда в брошенный деревянный город приходит чужеземная армия, то случайные пожары почти неизбежны. Но Наполеон был до конца жизни убежден, что пожары — дело рук русских поджигателей.

— Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают… Какая решимость! Какие люди! Это — скифы!

Только теперь до Наполеона окончательно дошло, во что он ввязался. Он снова столкнулся с силой, победить которую невозможно. Стало понятно: это еще хуже, чем Испания. Эти люди тоже не сдадутся и будут сражаться до последнего. И в этом ключе Москва, к которой Наполеон так стремился, на взятие которой возлагал такие надежды, оказывалась для него бесполезной. Ну, сидит он в этом городе — а дальше-то что?

Русская армия находилась где-то под Москвой, по-прежнему непобежденная. Что теперь? Идти на Петербург? Но это — еще семьсот километров ужасных русских дорог. На такой маневр просто не имелось уже сил. От Александра же не было ни ответа, ни привета. Все попытки вести переговоры проваливались. Наполеон сделал три попытки заключить мир. И каждый раз всё смягчал условия. Под конец речь не шла уже о том, чтобы заставить Александра делать то или не делать это.

— Мне нужен мир; лишь бы честь была спасена, — так сформулировал Наполеон приближенным свою цель.

Но русский император упорно не желал говорить. Не о чем было. И Бонапарт все явственнее чувствовал, как почва начинает уходить у него из-под ног. К тому же выяснялось, что захваченная Москва на самом-то деле является страшной ловушкой. В сожженном городе откровенно плохо было с продовольствием и еще хуже — с фуражом. Добывать то и другое по окрестностям становилось все более сложно. Подмосковные крестьяне без всякого восторга встречали французские «продотряды», все чаще и чаще те пропадали без вести. Но хуже всего было то, что город сгорел, да не весь. Французская армия, оказалась в большом населенном пункте без особой цели, а в Москве осталась пропасть брошенного имущества. Результат понятен: солдаты пустились во все тяжкие и стремительно превращались в банальных грабителей и мародеров. Дисциплина падала со скоростью летящего с крыши кирпича.

Вот как описывает художества французских солдат интендант Великой армии Анри Бейль (впоследствии — писатель Стендаль):

«Я пошел посмотреть на пожар. Мы увидели, как некий Совуа, конный артиллерист, пьяный, бьет саблей плашмя гвардейского офицера и ругает его ни за что, ни про что… Один из его товарищей по грабежу углубился в пылающую улицу, где он, вероятно, изжарился… Маленький г. Ж., служащий у главного интенданта, который пришел, чтобы пограбить вместе с нами, стал предлагать нам в подарок то, что мы брали и без него… Мой слуга был совершенно пьян; он свалил в коляску скатерти, вино, скрипку, которую я взял для себя, и еще всякую всячину. Мы выпили немного вина с двумя-тремя сослуживцами».

Наполеон понимает: оставшись, как он планировал, на зимовку в Белокаменной, он потеряет армию без всяких сражений.

И тогда он начинает обдумывать один из самых авантюрных своих планов. У него появляется намерение нанести русским «удар поддых». Речь шла о том, чего дико боялись в Петербурге: что Наполеон освободит крестьян. Император рассматривал этот вопрос всерьез. Находясь в Москве, он потребовал предоставить ему материалы по пугачевскому бунту. И лично беседовал со старыми людьми, помнившими то время.

Технически эту проблему можно было решить без труда. Найти какого-нибудь лихого человека выдать его, допустим, за «чудесно спасшегося» Павла I. Опубликовать от его лица манифест… Затея вполне могла бы иметь успех. После подобного манифеста в России началось бы такое, что Александру стало бы просто не до войны с Наполеоном. И упущенная французами победа упала бы тогда чуть ли не с неба.

Но только Бонапарт такого не сделал. Хоть и очень сильно об этом размышлял. Почему? Да, у Александра удалось бы вырвать победу. Но Наполеон видел в революционной Франции, что такое крестьянские восстания. В России воцарился бы бардак и хаос с совершенно непредсказуемыми последствиями. А в то время, возможно, Наполеон все-таки не оставлял надежды договориться с Александром. Он все-таки еще не понимал до конца своего положения. Того, что речь теперь пойдет даже не о поражении, а о катастрофе. Но и освобождение крестьян не было просто авантюрой — это было безумием.

А потом момент оказался упущенным. Ведь для того, чтобы объявление «воли» дало свой эффект, требовалось время. А его уже не имелось. Надо было срочно сматывать удочки.

5. Миф про русские морозы

Наполеон двинулся из Москвы 19 октября. Перед этим, поддавшись чувству гнева, который во время сидения в Москве охватывал его не раз, Бонапарт приказал сделать совершенно бессмысленную во всех отношениях вещь: взорвать Кремль. Это вообще ни в какие рамки не лезет. Ведь после такой варварской акции уже любая договоренность с русскими была бы невозможна по определению. К счастью, по разным причинам эта затея не удалась.

Только когда армия двинулась в поход, Наполеон по-настоящему осознал масштабы катастрофы, случившейся с лучшими в Европе войсками. Теперь, если не считать гвардии, это были уже не войска, а черт-те что. По Старой Калужской дороге двигалась вереница бесконечных экипажей, набитых награбленным в Москве имуществом. Дисциплина стала совсем ни к черту. Солдат, который тащит воз добра — это уже не солдат. Наполеон хотел издать приказ избавиться от обозов. Но… не решился. Потому что реакция войск могла быть непредсказуемой. ВПЕРВЫЕ за свою карьеру полководца Наполеон испугался собственных солдат. Это уже, как говорится, туши свет, сливай бензин…

Как известно, Наполеону не удалось двинуться по нетронутой войной Калужской губернии. На его пути стоял Кутузов — и император, после сражения 24 октября под Малоярославцем, не решился ввязываться в новый крупный бой. Наполеон! Не решился! Но Россия и не таких обламывала.

— Этот дьявол Кутузов не получит от меня новой битвы, — сказал Наполеон.

Возможно, он теперь уже не верил в свою удачу. Да к тому же доходили до него и солдатские разговоры:

— Зачем он бросил старую жену и женился на австриячке? Старая приносила нам удачу!

25 октября под Малоярославцем с Наполеоном произошел случай, который сильно повлиял на него. На императора, осматривающего с почтительного расстояния русские позиции, внезапно вылетели казаки. Свите императора пришлось отбиваться чуть ли не врукопашную.

В двух шагах была не просто смерть, а что гораздо хуже — возможность плена. Поэтому вечером того же дня Наполеон велел своему доктору изготовить сильный яд и передать ему. Чтобы при повторении подобного случая уж точно не оказаться в плену. Этот яд, как чеховское ружье на стене, еще сыграет свою роль…

В итоге императора оттеснили на Старую Смоленскую дорогу. По сторонам которой уже ничего не имелось. Все ресурсы уничтожили еще во время наступления.

Все знают, что во время отступления Наполеона его армию погубили внезапно грянувшие морозы. Как часто бывает, «все знают» то, чего на самом деле не было. Не было никаких особых холодов!

«Холод внезапно усилился. В ночь с 15 ноября термометр упал до отметки минус 16 — минус 18 градусов. Все дороги превратились в сплошной лед, лошади кавалерии и артиллерии каждую ночь погибали сотнями и тысячами… Мы вынуждены были оставить и уничтожить большую часть наших пушек и боеприпасов», — вспоминал Наполеон.

Надо сказать, император довольно часто, повествуя о трудностях войны, несколько сгущал, мягко говоря, краски. Помните письмо брату из Польского похода, в котором он утверждает, что 15 дней не снимал сапог? А на самом деле он тогда проводил время с Марией Валевской — и развлекался отнюдь не в землянке. Видимо, в таких преувеличениях проявлялась его актерская натура.

Но есть и другие свидетельства. В том числе — и с французской стороны. Вот что говорил очевидец событий, писатель Стендаль:

«Было бы ошибкой думать, что зима 1812 года наступила рано; напротив, в Москве стояла прекрасная погода. Когда мы выступили оттуда 19 октября, было всего три градуса мороза и солнце ярко светило».

Против мифа о «страшных русских морозах» яростно протестовал легендарный партизан Денис Давыдов. Ему, конечно, обидно было: мороз убивал французов, а мы, значит, ни при чем?

Хотя, конечно, в мире все относительно. В сегодняшней Франции и температура минус 10 считается стихийным бедствием. Но во время отступления наполеоновской армии не было даже таких «жутких» холодов. Пока Великая армия драпала из России, температура, в основном, была ВЫШЕ нуля.

Порой люди, автоматически повторяющие сказку о морозах, даже не понимают, о чем говорят. В самом деле: две недели морозы были под двадцать, а тут пришли к Березине — а она совсем не замерзла. Бормочут что-то о «наступившей оттепели». Но после таких холодов никакая оттепель тихую равнинную реку не вскроет. Это вам не Нева с ее парадоксальной гидрографией и столь же парадоксальным климатом. Случись такие серьезные морозы, о которых принято говорить, солдаты Наполеона просто

перешли бы Березину по льду.

Самая холодная ночь застигла армию уже под Смоленском — тогда ударил мороз в 8 градусов. Что тоже был не сахар, особенно если учесть, что армия, уходя из Москвы, практически не захватила с собой теплых вещей. Но для России это не температура…

Морозы и в самом деле наступили — но позже, когда армия уже выбралась из России. Просто Наполеону очень уж не хотелось признавать позорное бегство своей непобедимой армии. Вот и придумали версию, что «нас победила русская природа». Хотя, с другой стороны… Ведь знали, куда лезли?

Но на Западе в сказки о «генерале морозе» поверили. Очень уж невероятно было шокирующее поражение великого полководца. Французам, понимаешь, обидно было. Европейцам — стыдно. Они-то подняли лапки, а русские вот не захотели. Особую заслугу в создание этой сказки внесли живописцы. Уж больно фактура была хороша — погибающая в снегах, заметаемая метелями непобедимая армия.

Другое дело, что армия и в самом деле таяла не по дням, а по часам. Не было продовольствия. А с фуражом вышел и вовсе полный швах. Поэтому лошади дохли, как мухи. Тут уж было не до того, чтобы тащить награбленное. Те обозы, которые еще оставались, становились легкой добычей партизан. Которых чем дальше, тем становилось больше.

Кстати, о партизанах. При всем уважении к этим людям надо честно сказать, что эффективность их действий несколько преувеличена. Вернее, даже не так. На самом деле все обстояло следующим образом. По сути, из России бежали две армии. Одна, все более уменьшавшаяся в числе, но, тем не менее, все еще грозная и боеспособная. С ней находился и Наполеон, который всеми силами старался вытащить своих солдат. Как и в других трудных походах, он шел пешком и старался шуточками подбодрить шагавших рядом с ним. Как уже говорилось, именно за такие вещи оставшиеся в живых ветераны похода простили ему всё. И до конца жизни не уставали превозносить своего кумира. В том числе и поддерживая миф о морозах…

А была и другая армия, тащившаяся в хвосте первой. Это была уже просто толпа, живущая по принципу «спасайся, кто может». Конечно, это грубая схема. В реальности имелось и множество частей «переходного типа». Медленно деградирующих — от солдат к проклинающим судьбу беглым бродягам.

Император всеми силами пытался сохранить боеспособность ядра армии. А остальные? Да и черт с ними! Для Наполеона солдатом был только тот, кто стоит в строю. О раненых и больных

он заботился только тогда, когда это не мешало здоровым. Но здесь ситуация была экстремальной: вышел из строя — и привет. Жестоко? Но так поступают всегда и на любой войне. Вспомним, что Барклай, отступая из Смоленска, тоже оставил раненых на произвол судьбы. И ведь вряд ли французы особо о них заботились.

Так вот, партизаны не нападали на части, сохранившие боеспособность. Денис Давыдов, к примеру, так описывает один из своих партизанских дней:

«Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился и сам Наполеон… Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько не покушались мы оторвать хоть одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и гордую осанку сих всеми родами смерти испытанных воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля… Все наши азиатские атаки не оказывали никакого действия против сомкнутого европейского строя… колонны двигались одна за другой, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим для них бесполезным наездничеством. В течение этого дня мы взяли одного генерала, множество обозов и до 700 пленных, но гвардия с Наполеоном прошла посреди казаков наших, как стопушечный корабль перед рыбачьими лодками».

Из этого не следует, что партизаны бездельничали или только добивали тех, кто был уже не в силах сопротивляться. В любом случае разбираться с бредущей на запад бандой было нужно. Но главной задачей партизан был перехват обозов и уничтожение фуражных команд. Чисто крестьянские отряды, которых наплодилось множество, нередко совмещали приятное с полезным. Уничтожая фуражиров, помогали Отечеству, а заодно и немного грабили обозы отступающих французов. Что тоже являлось очень большим делом. Ведь главное в армии — это снабжение. Без пороху, пуль и продуктов французские части из боеспособных быстро становились доходягами. Так действуют партизаны во все времена. И во время Второй мировой народные мстители тоже не нападали на танковые дивизии СС.

Регулярная русская армия беспокоила французов не слишком. Но партизаны и голод делали свое дело, армия Наполеона таяла и таяла.

Серьезный удар был нанесен Наполеону в Минске. Русский

генерал Чичагов пришел туда раньше французов — и «приватизировал» запасы продовольствия, которые были там заботливо собраны наполеоновскими тыловыми частями. Это был удар в самое больное место — в желудок.

Одним из самых ключевых моментов отступления стала переправа через Березину. Здесь Наполеон снова проявил беспощадность настоящего полководца. Которая, тем не менее, спасла лучшие части его армии.

…Французы переходили через реку. Здесь, кстати, проявился героизм незаметных тружеников войны — саперов. Именно французские инженерные части сумели в труднейших условиях, пожертвовав собой, навести переправы.

Когда основные части уже были на другом берегу, на мосты ломанулись люди из «второй армии» — толпы отставших от своих частей солдат. Их преследовали казаки, которые особо не лезли вперед, но методично вырубали отставших. Собственно, говоря толпы, бросившиеся на мост, были уже просто человеческим стадом, охваченным одним чувством — выжить. Арьергарду основной армии пришлось отбрасывать их, применяя оружие.

Как говорят пожарные, не так страшен пожар, как паника. Вот и на Березине все произошло строго по этому афоризму. Порядок на мостах, соблюдавшийся до того неукоснительно, был нарушен. А когда на переправе начинается бардак — можно вешаться сразу. Случилось то, что и должно было. Сначала возник затор, по которому открыли огонь подоспевшие русские пушки. Потом один из мостов подломился, и люди стали тонуть в ледяной воде. Как вспоминали потом очевидцы, зрелище было кошмарное. Река превратилась в сплошную кашу из тонущих людей. Но война вообще бывает красивой только на картинах баталистов и в кино. Не стоит судить о той Отечественной войне по фильму «Гусарская баллада».

Солдаты, не успевшие перейти Березину, опоздали навсегда. Сразу после перехода последних боеспособных частей Наполеон приказал мосты сжечь. На том берегу осталось около десяти тысяч больных, обмороженных и отставших. Большинство из них погибло под казачьими клинками. Но главное император все-таки сделал — сумел увести свои оставшиеся части от полного разгрома.

Московская эпопея окончилась для Великой армии 10 декабря, в Вильно. Это была уже не армия, а озверевшая толпа. Непобедимые наполеоновские солдаты, стараясь побыстрее добраться до пищи и жилья, устраивали друг с другом вульгарные драки. Почти все магазины в городе были разграблены. Маршалы

и не пытались навести порядок. Понимали, что у любого человека есть предел сил. Забавно, как, наверное, «радовались» теперь польские жители Вильно, которые полгода назад восторженно приветствовали Наполеона… В конце концов ошметки армии ушли за Неман. И долго еще потом реку переходили отдельные группы измученных людей, которые не верили, что остались живы.

Итог московского похода? В июне Неман перешли 420 тысяч человек. Еще 150 тысяч подошли затем к ним в виде подкреплений. Из них уцелело около 30 тысяч. Причем в основном выжили те, кто не ходил далеко вглубь России, те, кто сидел в тыловых гарнизонах или действовал на вспомогательных направлениях. Еще 100 тысяч попали в плен. А остальные? Остались лежать на российских полях и дорогах.

А император? Наполеона с армией уже не было. Он не стал дожидаться развязки трагедии. На военном совете Наполеон завил, что покидает армию. Маршалы слегка обалдели и пробовали возражать. Но император был тверд. Как и когда-то в Египте, он понимал: этот кон с треском проигран. Нужно начинать новый. Наполеон прекрасно осознавал: после российского разгрома его престижу нанесен страшный удар. Чем не замедлят воспользоваться союзнички, которые, несомненно, попытаются отыграться. Но отступать Наполеон был не намерен. Он собирался вести игру дальше.

Еще 6 декабря он покинул армию. Как и в Африке, уехал тайно. Ни капли сожаления о нагроможденной горе трупов у него не наблюдалось. Ну, ошибся. Бывает.

В великой трагедии начинался новый акт.

КОМПРОМИСС — НЕ ДЛЯ НАС!

1. Поступь новой войны

Жизнь проста, когда ждешь
выстрела с той стороны.

(Борис Гребенщиков)

1813 год — один из самых примечательных в истории наполеоновских войн. Именно в это время характер Наполеона проявился наиболее ярко. Так сказать, в чистом виде.

Переезд императора до Парижа занял двенадцать суток. По тем временам и по той погоде — это верх скорости. Наполеон обогнал даже почту — а она работала в его империи выше всяких похвал. Он оказался первым, кто принес в Париж «веселую» весть о том, что Великой армии больше не существует. Новость распространилась быстро, и тысячи семей замерли в тягостном ожидании: кому вскоре придется оплакивать своих родных? Такого во Франции не было давно. Конечно, в прежних наполеоновских войнах тоже гибли люди. Но столько — никогда. Да и плач вдов заглушался раньше громом победных фанфар. Теперь же к горю примешивалось и изрядное смущение: а дальше-то что? Среди французов война с Россией была самой непопулярной из всех, которые вел Наполеон. Никто толком не мог понять — зачем она ведется? Да и сам император не мог это объяснить внятно — так, как он делал в предыдущие кампании. Представителей элиты, которые знали больше, давно уже мучили дурные предчувствия. Теперь они стали превращаться в стопроцентную уверенность — ничем хорошим наполеоновские походы не кончатся. «Это начало конца», — бросил Талейран. Старый проходимец был, как всегда, прав.

А что Наполеон? Он, кажется, единственный в Париже не разделял всеобщего уныния. Скорее — наоборот. Приближенные давно не видели его таким оживленным, деловитым и энергичным. Куда делись его мрачность и апатия, в которые он впадал в последние годы, когда дела шли — лучше не бывает! Как отмечали люди, давно его знавшие, Наполеон, казалось, сбросил лет пятнадцать. Возможно, потому, что теперь отступили на задний план мучительные, запутанные и, по сути, неразрешимые стратегические вопросы. Которые чем дальше, тем глубже заводили в болото. Сейчас было одно — снова предстояло драться. А в этой стихии Наполеон чувствовал себя как рыба в воде. Теперь все снова было ясно и четко. Император не

сомневался, что Александр ринется в Европу, чтобы раз и навсегда разобраться со своим бывшим союзником. Дурак бы он был, если бы это не сделал. Уверен Наполеон был и в другом: униженные Австрия и Пруссия, сведенные к положению французских «шестерок», тоже попытаются поднять головы. Звоночки такие были уже во время русской кампании. Прусский генерал Иорк, сражавшийся за французов (Пруссия вынуждена была предоставить Наполеону своих солдат), перешел вместе со своей частью на русскую сторону.

В начале 1813 года прусский король решил воспользоваться моментом и попросил смягчить кое-какие пункты мирного договора с Францией. Договор был кабальный, но и его Наполеон не выполнял. В общем-то, король вежливо и почтительно просил, чтобы император хотя бы выполнил то, что сам обещал на бумаге. Можно было бы и пойти навстречу. Но Наполеон расценил это как «наезд» и отказался наотрез. Так он будет вести себя и дальше. Ни шагу назад! Но такая позиция привела к тому, что Пруссия, в конце концов, решилась выступить в союзе с Россией.

Число врагов множилось. Но Наполеон не обращал на это внимания. Он опять полагался лишь на большие батальоны.

В общем, если раньше Наполеон нападал и захватывал, то теперь предстояло завоеванное защищать. Именно так. Император принял твердое решение — не уступать ничего из «своих» земель. Всё или ничего.

Но для того, чтобы воевать, одного желания мало. Нужно еще, чтобы имелось чем воевать. А отборная армия осталась «под снегом холодной России». Что ж, надо было набрать новую. И тут Наполеон столкнулся с проблемой. Людей не было!

Тут надо пояснить. В те времена до всеобщей воинской повинности еще не додумались. В армию набирали так: из определенного числа молодых людей призывного возраста брали одного. И этих новобранцев предстояло обучать. Так вот, с молодыми людьми выходила напряженка. А нарушать подобный порядок даже бесцеремонному Наполеону в голову не приходило. Надо было выкручиваться. Еще из России он послал распоряжение провести досрочный набор. Задействовав при этом и формирования национальной гвардии (нечто вроде нынешних внутренних войск). В общем, кое-как разобрались, но становилось ясно, что «кувшин показывает дно».

Кстати, если уж речь зашла о рекрутских наборах. Многие специалисты утверждают, что именно «благодаря» наполеоновским войнам среди французов даже до сих пор крупных мужчин меньше, чем среди других европейцев. Кого

брали в армию? Самых высоких и здоровых. Вот генофонд и оскудел…

Так или иначе, армия вновь была создана. Наполеон учел и опыт кампаний в Испании и России. Война, судя по всему, должна была идти на территории «союзных» немецкий государств, население которых император лишний раз злить не хотел. Поэтому теперь армия располагала достаточными средствами, чтобы не отнимать у населения продовольствие и фураж, а платить за все золотом.

В начале мая 1813 года Наполеон встретился с русско-прусскими войсками в Саксонии. Казалось, все пошло по-старому, как это было до 1812 года. Союзные войска потерпели поражение в двух битвах (Кутузова у русских уже не было, он умер незадолго перед началом кампании). Это не было разгромом, да и французы понесли серьезные потери. И все же… Французский император вновь демонстрировал свою хватку. Он вполне мог полагать, что фортуна, отвернувшаяся от него в России, снова стала к нему благосклонна. Это только укрепило его в желании не уступать ни пяди. Австрийский министр иностранных дел Меттерних, который всю эту кампанию бегал в качестве посредника между воюющими сторонами, предложил ему «вечный мир». С условием кое-чем поступиться. В ответ на это Наполеон произнес замечательную фразу:

— Вы хотите удить рыбку в мутной воде. Нельзя приобретать провинции, проливая только розовую воду… Да, если вы хотите получить от меня эти земли, вам придется проливать кровь.

Дальше пошло в том же духе. Опять сражения, в которых Наполеон неизменно побеждал. Во время одной из битв маршал Дюрок после разговора с Наполеоном с грустью обронил:

— Вот он теперь опять одерживает победы после неудач; это и был бы как раз случай воспользоваться уроками несчастья. Но вы видите. Он не изменился. Он ненасытно ищет битв. Конец этого не может быть счастливым…

Так случилось, что именно это были последние слова старого боевого товарища Наполеона, одного из тех, кому император продолжал доверять. Ядро, чуть ли не последнее в утихающей битве, ударило в дерево — как раз между Дюроком и императором. И отрикошетило в Дюрока.

Суеверного Наполеона потрясла эта смерть. Он машинально опустился на пень и долго сидел на нем без движения…

2. «Смерть приближается к нам»

В одной из бесед с Меттернихом Наполеон так объяснил свое упорное нежелание идти на уступки:

— Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденные в свои столицы, и для них это все равно. А я солдат. Мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед своим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, возбуждающим восхищение!

Красивая фраза. Как и многие другие, сказанные Наполеоном в присутствии большого числа свидетелей. Талантливый актер, он понимал, что говорит для истории. Что его слова будут потом долго и много цитировать. Только эти слова вряд ли что-то объясняют в столь бескомпромиссном поведении Наполеона в 1813 году. Славы он уже приобрел на три жизни.

Он не мог не понимать, что балансирует на самом краю. Да, Наполеон все еще побеждал. Но война вступила в иную фазу. Его нынешние победы — это был не Аустерлиц. Они не приносили коренного перелома. Зато уносили жизни его солдат. Наполеон не привык их жалеть, но людские ресурсы Франции заканчивались. А русские… У них с этим делом все было в порядке. Войну «на измор» у России еще никому не удавалось выиграть.

Беда была не в ослаблении военного гения Наполеона. Наоборот. Как отмечали его приближенные, некоторая вялость, ослабление стратегического таланта наблюдались у императора во время кампании 1812 года. Теперь энергия вернулась. А вот солдаты были уже не те. Как уже говорилось, успехи Наполеона были основаны на умении подбирать не только маршалов, но и капралов. Да только где они, его старые, испытанные в боях солдаты? Нет их! Наскоро обученные новобранцы — это было уже не то. Призывать приходилось уже подростков. Что же до солдат из вассальных немецких стран, то они дезертировали сотнями.

Если отмести разговоры о славе, то с практической точки зрения стремление не уступить ни пяди было уже абсолютно бессмысленно. Было очевидно, что континентальная блокада с треском провалилась. Созданная с таким трудом империя начинала разваливаться. Когда в середине 1813 года в войну вступила Австрия, союзники получили уже серьезное превосходство в силах. А ведь, как охают многие историки, Наполеону тогда можно было поступиться совсем немногим — и все было бы хорошо. Что же стояло за решительным нежеланием

его идти на компромиссы? Ведь так он себя не вел никогда до этого. Тупое упрямство игрока, верящего в свою «звезду»?

Но есть и еще одно объяснение.

Уже на острове Святой Елены Наполеон обронил:

— Мне надо было умереть после того, как я вошел в Москву.

В 1813 году Наполеон часто вспоминает о смерти. 2 мая, когда на его глазах был убит маршал Бесьер, Бонапарт воскликнул:

— Смерть приближается к нам!

После гибели Дюрока, о которой уже было рассказано, Наполеон бросил еще одну характерную фразу:

— Прощай, может, скоро встретимся.

Но слова — это не главное. В ту кампанию в поведении Наполеона была заметна новая черта — он начал то и дело лезть под пули. Напомню, что личную храбрость Наполеон демонстрировал множество раз, но всегда это было связано с необходимостью. На Аркольском мосту он увлек за собою заколебавшихся было солдат. В битве при Эйлау стоял под огнем с той же целью — поднять боевой дух своих подчиненных. Просто так рисковать жизнью он полагал для военачальника недопустимым. А вот в 1813 году — начал. Наполеон постоянно стал стремиться попасть в самую гущу сражения, находиться в авангарде или на острие атаки. При том, что никакой необходимости в подобной игре с судьбой не было. Может быть, он просто-напросто искал смерти?

Если вспомнить фразу Наполеона про смерть в Москве, то все становится на свои места. Возможно, Наполеон понимал: игра уже проиграна. Вершина пройдена, начинается спуск. А может быть, он просто устал.

Человек, будь он трижды гений, — все-таки не компьютер. Да и компьютеры ломаются. А Наполеон столько лет работал, как проклятый. Создается впечатление, что он вообще не представлял, что такое «отдыхать». По крайней мере, за весь период пребывания его у власти неизвестно ни ОДНОГО дня, который он полностью посвятил бы досугу. Тем более, что в последнее время постоянно приходилось решать задачи, которые даже ему были явно не по силам. Вот и наступил предел. И появилось, возможно, подсознательное стремление — покончить со всем этим. Но покончить красиво. С блеском. Тогда какой смысл торговаться из-за пунктов каких-то там мирных договоров? Да пошли вы все! Помирать — так с музыкой. А то, что при этом будет еще гора трупов…

— Вы не военный, у вас нет души солдата, какая есть у меня, вы не жили в лагере, вы не привыкли презирать свою и чужую

жизнь… Что для меня значат двести тысяч человек? — бросил как-то Наполеон Меттерниху во время одной из их перепалок.

Может, все и не так. Может, у Наполеона просто ум за разум зашел. Но потом он перестал искать смерть. Потому что началась новая смертельная игра…

3. «Акела промахнулся!»

В 1813 году война вступила в решающую фазу. На исторической сцене обстановка была: «все те же и Пруссия». На этот раз у союзников было в полтора раза больше сил, чем у Наполеона. Но поначалу все пошло по обычному сценарию: 2 мая под Лютценом Наполеон нанес союзникам грандиозное поражение. Что привело всех в некоторое замешательство. Но ситуация стала изменяться. В начале кампании союзники привлекли к сотрудничеству того самого генерала Моро, который ненавидел Наполеона за то, что не сумел сделать того же, что Бонапарт. Он давно уже отсиживался в эмиграции, высланный из Франции за шашни с англичанами, и ждал случая отомстить. Правда, ему это особо не удалось. В конце августа в битве под Дрезденом он был убит огнем батареи, которой в тот момент командовал сам Наполеон. В обоих армиях ходил упорный слух, что император лично навел пушку на предателя.

Но Моро успел дать союзникам два совета. Не связываться с Наполеоном, а бить его маршалов. И не идти после поражений на мировую, а продолжать войну. Вообще-то то же самое делал и Кутузов. Но генералы союзников отличались весьма средними способностями, — они и не потрудились изучить опыт прошлогодней кампании.

Теперь же, получив ценные советы, они стали претворять их в жизнь. И весьма успешно. Союзники стали брать немецкие города и уничтожать французские гарнизоны. Маршалом тоже доставалось. В общем, ситуация снова повернулась не в пользу Наполеона. Империя сыпалась. Кое-кто из вчерашних покорных слуг стал уже «отваливаться», не дождавшись даже, чем кончится дело. Это уже было вовсе плохо. Выход у Наполеона был один — попытаться разбить врага в генеральном сражении. И вот, наконец, наступила развязка.

16 октября под Лейпцигом началась самая грандиозная битва в истории наполеоновских войн, получившая название «битва народов».

С национальным составом на поле боя и в самом деле было все в порядке. Против Наполеона сражались русские, австрийцы и пруссаки. До кучи к ним присоединился бывший наполеоновский маршал, а теперь шведский принц Бернадот (кстати, это была последняя война, в которой участвовала Швеция, с тех пор шведы сидят тихо).

За французского императора воевали, кроме французов, бельгийцы, голландцы, поляки, итальянцы, солдаты некоторых

немецких княжеств.

Рекордной была численность участников битвы. На момент ее начала у союзников было 220 тысяч человек, у Наполеона — 150 тысяч. На территории Европы битв такого масштаба не велось еще никогда.

Сражение длилось три дня! Первый день окончился вничью. Что, если учитывать неизбежный бардак в командовании союзников, для Наполеона было уже невесело. Мог бы добиться и большего. Но на самом деле все сложилось еще хуже. Потому что ночью к противникам Наполеона подошли еще 110 тысяч человек русско-шведских сил. Теперь перевес союзников стал подавляющим. Следующий день прошел без особых событий. Наконец, утром 18 октября союзники пошли в решительную атаку. И в этот день судьба вовсе отвернулась от Наполеона. Саксонским частям, которые сражались за него, надоело, видимо, проливать кровь. И ладно бы они пустились наутек. Нет, все вышло куда хуже. Саксонцы повернули пушки против французской армии.

Самое интересное, что даже в такой гнусной ситуации Наполеон продолжал бой. И продолжал весьма успешно. По крайней мере, на ночь все разошлись на прежние позиции. Но теперь уже Наполеону ничего не оставалось делать, как поскорее уходить. Еще один такой день — и от его армии осталось бы лишь воспоминание.

Но судьба продолжала наносить Наполеону удары. Отступая через Лейпциг, император приказал взорвать за собой мосты. Но саперы что-то не рассчитали — и мосты взлетели на воздух раньше времени. В итоге около 30 тысяч человек остались на том берегу. Но и на этом дело не кончилось. Во время отступления Наполеону пришлось пробиваться сквозь отряды баварцев, которые решили теперь посчитаться за всё.

Армия Наполеона не была еще полностью уничтожена, но расклад был уже иной, нежели совсем недавно. Империя Бонапарта рушилась бесповоротно. Противнику была открыта прямая дорога в «старые департаменты» Франции. Теперь предстояло сражаться тут. И уже вставал вопрос: а чем сражаться?

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ

1. И опять отказ

Однако, даже нанеся Наполеону под Лейпцигом страшное поражение, союзники как-то не особо рвались продолжать с ним войну. Точнее, Александр, вообще-то, рвался. Слишком уж много в его жизни имелось неприятных эпизодов, связанных с Бонапартом, лучше было довести дело до конца. А вот у австрийцев было иное мнение. Тут уже были чисто политические соображения. Так всегда. Не успеют союзники добить врага, как между ними начинаются разногласия. Как бы то ни было, но Наполеону снова предложили мириться. И ладно бы. Тем более что условия были просто ошеломляюще выгодные для страны, армию которой только что разгромили. Наполеону предлагали оставить в покое германские города, Испанию и прекратить войну. Ему же оставалась Франция в границах 1801 года. Это было сильно. Германию и Испанию император все равно уже потерял. Начинать все сначала возможности не было. А границы 1801 года — это результат мира, который тогда Наполеон заключил после победы под Маренго. Кроме Франции, Наполеон оставался хозяином Италии, Бельгии и еще кое-какой мелочи. Это, конечно, не всеевропейская империя, но и о таком до Наполеона французы никогда даже мечтать не могли. Бонапарту оставалась мощная и богатейшая держава. Что же император? Он занялся подготовкой новой войны. Проиграв крупный выигрыш, Наполеон не желал оставаться даже не то что «при своих», а в солидном прибытке.

Император снова начинает игру на всё. Он то ли не может, то ли не хочет остановиться. Пока есть еще возможность делать ставки — игра продолжается!

Целыми днями он занимался подготовкой к войне. А иногда вскакивал из-за стола, начинал ходить по кабинету и бормотать, ни к кому не обращаясь.

— Погодите, погодите. Вы скоро узнаете, что я и мои солдаты не забыли свое ремесло! Нас победили между Эльбой и Рейном, победили изменой… Но между Рейном и Парижем изменников не будет…

В конце концов войска союзников вторглись во Францию. Жребий был брошен. Наполеон понимал трудность выпавшей на него задачи. Поэтому, отправляясь на войну, он впервые сделал специальные распоряжения на случай смерти. Регентшей должна была стать его жена Мария-Луиза. И наследником был его сын. Которого император приучил говорить: «Идем бить дедушку

Франца».

Вообще, отношение Наполеона к сыну — это особая статья. Император редко испытывал к кому-то горячие чувства. Даже его отношения с Жозефиной или Марией Валевской трудно назвать страстной любовью. А вот к сыну он привязался крепко. И маленький Жозеф был единственным, кто совсем не боялся человека, который продолжал внушать страх всей Европе. Он чувствовал себя во дворце полным хозяином и делал, что ему вздумается. Не было случая, чтобы Наполеон повысил на него голос, а уж тем более — наказал.

Мало того. Многие ли из отцов позволят сыну находиться в своем кабинете во время работы? Замечу — труднейшей работы. А Наполеон позволял. Сын часами сидел у него на коленях, требовал, чтобы отец играл с ним в солдатики. И тот играл. Он мог прервать любой деловой разговор, если требовал к себе внимания сын. Приближенные Наполеона поражались, сколько заботы и нежности отдает этот жесткий человек своему чаду. Мужчина-корсиканец получил долгожданного законного наследника!

Но все-таки… Наполеона требовала к себе война. Как он ни любил сына, война значила для него все-таки больше. В ночь с 24 на 25 января 1814 года, перед отъездом к армии, Наполеон на цыпочках прошел в детскую спальню. Он очень долго стоял возле кровати и глядел, не спуская глаз, на Жозефа. Потом повернулся и вышел. Как оказалось, с сыном он виделся в последний раз в жизни.

Тут стоит рассказать об их дальнейшей судьбе. После падения Наполеона Мария-Луиза вернулась вместе с сыном к отцу, австрийскому императору Францу. Никакого интереса к судьбе мужа она никогда не проявляла. Но это и понятно — ее ведь никто не спросил, когда выдавали замуж.

Что же касается сына… Он так до конца жизни и не покинул Австрии. Там ему дали титул герцога Рейхштадтского. Но прожил герцог Жозеф очень недолго — всего двадцать один год. Ничего — ни хорошего, ни плохого — сказать о нем нельзя. Жил себе и жил. А потом помер. Однако в историю он попал. Как Наполеон II (напомню, что на престоле Франции с 1848 по 1870 годы сидел Наполеон III, но это было уже совсем в другую эпоху).

2. «Итальянские сапоги»

И началась одна из самых изумительных страниц в биографии Бонапарта. Находясь, казалось бы, в совершенно безнадежном положении, он снова стал творить чудеса…

На первый взгляд положение его было безнадежно. Французская армия имела всего 50 тысяч боеспособных солдат. У союзников — более чем в четыре (!) раза больше. Соотношение запредельное. Но, тем не менее… Как сказал сам император, «я опять нашел свои итальянские сапоги». Он опять стал генералом Бонапартом.

И в самом деле, кампанию 1814 года историки сравнивают с итальянской. Наполеон «пошел вразнос». И действительно… Империи теперь не стало. О континентальной блокаде и помину не было. А значит — ни к чему было заботиться о бесконечном укреплении вечно расползающегося здания. Незачем следить за огромной территорией и вникать в тысячи государственных мелочей, — словом, заниматься тем, что и составляет основную ежедневную работу государственного деятеля такого масштаба. Теперь у Бонапарта снова было единственное дело — ввязаться в драку и победить. Терять снова было нечего.

И пошло-поехало. Союзники несколько расслабились. А император наоборот — опять был веселым и злым. И начал с того, что уже проделывал когда-то в Италии — стал бить союзников по частям. Мало не показалось никому. Одна победа последовала за другой.

Это произвело ошеломляющее впечатление. Снова Бонапарт начал казаться каким-то заколдованным полководцем. Который лупит всех, как ему вздумается. Который появляется там, где его никто не ждет, и оставляет за собой поле боя, с которого поспешно отступают очередные разбитые враги.

Он писал тогдашнему министру иностранных дел Коленкуру:

«Я взял от 30 до 40 тысяч пленных; я взял 200 пушек и большое количество генералов».

Теперь он снова был уверен в себе и строил грандиозные планы. Он заявлял маршалам:

— Если завтра я буду так счастлив, как сегодня, то в 15 дней я отброшу неприятеля к Рейну, а от Рейна и до Вислы — всего один шаг.

Казалось, катавасия заваривается по второму кругу. Союзники, которые все еще обладали численным превосходством, снова утратили недавнюю уверенность. Они дважды просили императора о перемирии — а о нем всегда просит тот, кто

чувствует себя слабейшим. Но Наполеон оба раза отказал. Он опять придерживался принципа «всё или ничего». Всё еще можно повернуть вспять! Еще несколько удачных битв — и дело наладится. И он снова отвергает предложение о мире. И снова победы, победы, победы…

3. Крах

Но это был только внешний блеск… На самом же деле, несмотря на новые победы, положение становилось все хуже и хуже. Потому что и в победоносных битвах гибли французские солдаты. А новых теперь уже решительно неоткуда было взять!

Правда, был еще один выход. Самый крайний. Повторить 1793 год, выкинув клич «отечество в опасности!». И поднять всех. И такое ему предлагали.

Вот разговор Наполеона с одним из генералов после очередной победоносной битвы:

— Ну, что вы, генерал, скажете о происходящем?

— Я скажу, что Ваше Величество, несомненно, обладает еще новыми ресурсами, которых мы не знаем.

— У меня есть только те, кого вы видите.

— Но почему, Ваше Величество, вы не помышляете, чтобы поднять нацию?

— Химеры! Химеры, позаимствованные из воспоминаний об Испании и о французской революции. Поднять нацию в стране, где революция уничтожила дворян и духовенство, и где я сам уничтожил революцию!

И правда. Наполеон достаточно насмотрелся на революционные прелести, чтобы снова выпустить из бутылки джинна, которого он сам с трудом туда законопатил. Как и в случае с вариантом освобождения крестьян в России, это уже была бы не азартная игра, а разжигание костра на пороховой бочке. Потому как стихию эту потом опять пришлось бы долго и нудно загонять обратно. И черт знает, чем бы все это кончилось… Наполеон еще верил, что сможет победить без таких сумасшедших игр.

К тому же… не верил Наполеон народу. Солдаты — это другое дело. Он умел поставить дело так, что даже новобранцы, даже иностранцы продолжали с готовностью идти за ним на смерть. А что ждать от вооруженного населения? Непонятно. Это лежало вне его понимания. Ведь Наполеон пришел в уже созданную армию. Он умел говорить с солдатами. Но не обладал способностью товарища Троцкого зажигать энтузиазмом «народные массы».

Да и вот вопрос: а поднялась бы «нация»? Ни в какую реку нельзя войти дважды. Что получилось один раз, второй может с треском провалиться. Кстати, в 1945 году, при приближении советских войск, нацисты потратили множество сил и средств, чтобы разжечь в Германии партизанскую войну против

«коммунистических варваров». Результат был нулевым. Хотя фанатичных наци еще хватало. Устали…

Союзники зато решили на этот раз идти до конца. Потому что осознали: если Наполеона так трудно добить сейчас, то потом, если отступиться, это станет еще труднее. К тому же начала «сыпаться» уже не только наполеоновская империя. Уже и французская элита все активнее глазела по сторонам в поисках ближайших кустов. Предавал старый боевой товарищ, Мюрат. Этот сын трактирщика стал благодаря Наполеону королем Неаполитанским. Теперь он, самоустраняясь, готов был сдать своего повелителя, только бы самому усидеть на троне. Да и те, кто не пошел на прямое предательство, стоили уже куда меньше, чем раньше. Они смертельно устали. Их, как Наполеона, не посетило второе дыхание. И если сам император бил теперь своих противников, то союзники били его маршалов.

По иронии судьбы, решительный удар Наполеон получил с Корсики. Еще с юношеских лет у него остался там смертельный враг — Поццо дель Порто. Именно за такие настроения этот человек и был приближен Александром. Так вот, он дал русскому императору очень ценный совет:

— Цель войны — в Париже. Пока вы будете думать о сражениях, вы рискуете быть разбитыми, потому что Наполеон всегда будет давать битвы лучше, чем вы, потому что его армия, хотя и недовольная, но поддерживаемая чувством чести, даст себя перебить до последнего человека, пока Наполеон около нее. Как бы ни было потрясено его военное могущество, оно еще велико, очень велико, больше вашего могущества. Но его политическое могущество уничтожено. Времена изменились. Военный деспотизм был принят как благодеяние на другой день после революции, но погиб теперь в общественном мнении… Нужно стремиться кончить войну не военным способом, а политическим. Коснитесь Парижа только пальцем, и колосс Наполеона будет низвергнут, вы этим сломаете его меч, который не в состоянии вырвать у него.

Это был великолепный план. Удар в спину. Союзники решили так и поступить. И двинулись на Париж. Нельзя сказать, что город сдался совсем без боя. При штурме столицы Франции войска антинаполеоновской коалиции потеряли около девяти тысяч человек. Но французы сражались уже вяло. Да и Александр, который в этой затее был главным, всячески старался продемонстрировать свои добрые намерения. В общем, город капитулировал. 31 марта союзники вступили в Париж. Кстати,

Сенат, в прежнем же составе, уже 2 апреля декретировал низложение своего императора.

Забавно отреагировал Наполеон, когда узнал обо всем этом.

— Это превосходный шахматный ход. Вот, никогда бы не поверил, что какой-нибудь генерал у союзников способен это сделать.

А ведь у Наполеона всегда было правило: не считать противника глупее себя. Получается, этот ход и ему не приходил в голову? Или он уже играл ва-банк? И думал — авось, пронесет?

Но даже в этой ситуации Наполеон не намерен признавать поражения. Он пытается тянуть время и для отвода глаз начать разговоры о мире. Приближенные предлагают: а может, попытаться замириться на самом деле?

Но Наполеон — против:

— Нет, нет! Довольно и того, что был момент колебаний. Нет, шпага все покончит. Перестаньте меня унижать!

Show must go on! Император решает играть до конца. В Фонтенбло собираются войска. Наполеону все кажется, что не все еще потеряно. Это, похоже, находит подтверждение во время последнего смотра 4 апреля. Наполеон обращается к войскам:

— Солдаты! Неприятель, опередив нас на три перехода, овладел Парижем. Нужно его оттуда выгнать. Недостойные французы, эмигранты, которых мы имели слабость некогда простить, соединившись с неприятелем, надели белые кокарды. Подлецы! Они получат заслуженное за это новое покушение! Поклянемся победить или умереть, отплатить за оскорбление, нанесенное отечеству и нашему оружию!

— Мы клянемся! — раздалось в ответ.

Но маршалы были иного мнения.

И тут произошло событие, с которого я начал книгу. Командиры воевать не хотели.

Но пока что Наполеон отрекся в пользу сына.

Союзники же хотели большего. Точнее, их уговорили роялисты, которые столько лет ждали своего часа, а теперь слетелись, как мухи на известное вещество. Наполеон надеялся на свой последний аргумент — на войска, которые все еще были ему верны. Вряд ли он собирался всерьез воевать. Угроза силой — тоже аргумент. Но цепь предательств становилась все длиннее. Перейдя на сторону коалиции, его предал маршал Мармон. Больше выхода не было.

Теперь требовалось уже полное отречение династии. Узнав о таких требованиях, Наполеон сначала еще колебался:

— Впрочем, мы увидим. До завтра.

В ту ночь император, теперь уже бывший, долго беседовал с Коленкуром. Много там было сказано интересных слов.

— Поверьте, — говорил Наполеон. — Я не думаю о себе, мое поприще кончено или близко к концу. Впрочем, какое же удовольствие я мог бы иметь в том, чтобы царствовать над сердцами, которые уже утомлены и готовы отдаться другим!.. Я думаю о Франции… Ах, если бы эти дураки не предали меня, ведь я в четыре часа восстановил бы ее величие, потому что, поверьте мне, союзники, сохраняя свое положение, имея в тылу Париж и меня перед собой, погибли бы!

Всю ночь Наполеон угрюмо бродил по залам дворца и, наконец, сказал свое решение маршалам, которые тоже всю ночь опасались, что все-таки будет продолжение:

— Господа, успокойтесь! Ни вам, ни армии не придется больше сражаться. Я согласен отречься. Я желал бы для себя, для вас, так же, как для моей семьи, обеспечить престолонаследие за своим сыном. Я думаю, что эта развязка была бы для вас еще выгоднее, чем для меня, потому что вы ждали бы правительства, соответствующего вашему происхождению, вашим чувствам и вашим интересам… Это было бы возможно, но низкая измена лишила вас положения, которое я мог бы вам обеспечить… Но вышло по-иному. Я покоряюсь своей участи, покоритесь и вы вашей… Вы хотите покоя — вы получите его. Но, увы! Пусть будет Богу угодно, чтобы я ошибся в своих предчувствиях, но мы не были поколением, созданным для покоя. Мир, которого вы так желаете, скосит вас на ваших пуховых постелях скорее и больше людей из вашей среды, чем скосила бы война на бивуаках.

И 6 апреля подписал документ об отречении. Династии Бонапартов не стало.

В 1812 году, когда Наполеон чуть не попал в плен к казакам, он приказал изготовить яд, чтобы не угодить в плен в любом случае. Это был раствор опиума. С тех пор Наполеон с ним не расставался. И вот этот пузырек с ядом сработал, как чеховское ружье на стене. Игра была проиграна, чудовищное напряжение этого великого и жуткого царствования исчезло, оставив после себя пустоту. Что теперь? Наполеону не грозила от победителей ни смерть, ни тюрьма, только — почетная ссылка на остров Эльба, который отходил под его власть. Но быть хозяином жалкого клочка земли после того, как командовал всей Европой? Ведь ему было всего только сорок пять лет! И все уже оставалось в прошлом. Для трудоголика Наполеона, скорее всего, было невыносимо именно это, а даже не сам факт поражения. Потому

что решился он только чрез шесть дней. А ведь смерти Наполеон не боялся никогда, а год назад он сам подставлял голову под пули. Но, как бы то ни было, 11 апреля 1814 года Наполеон все-таки выпил пузырек.

Но — не вышло. Отрава то ли изначально была слабой, то ли испортилась. Умереть — не получилось.

Сильное отравление опиумом — штука жутко мучительная. К тому же сам пострадавший представляет собою, мягко говоря, не слишком эстетичное зрелище. Человек испытывает жуткие боли, его часами выворачивает наизнанку…

Приближенные позвали доктора, хотя Бонапарт им это запретил. Потом он потребовал себе еще отравы. Чтобы теперь — уж наверняка. Противоядие он принять отказался. Видимо, надеялся, что яд все-таки подействует.

— Как трудно умирать! Как было легко умереть на поле битвы! Почему я не был убит при Арси-сюр-Об! — вырвалось у него.

(Арси-сюр-Об — местечко, при котором 21 марта произошло сражение, в ходе которого Наполеон откровенно искал смерти).

Умереть ему в тот раз так и не пришлось.

20 апреля 1814 года произошло знаменитое событие, которое доныне очень любят романисты и кинематографисты. Наполеон прощался с гвардией.

— Солдаты, вы, мои старые товарищи по оружию, с которыми я шел всегда по дороге чести. Нам теперь нужно с вами расстаться. Я мог бы дальше остаться среди вас, но нужно было бы продолжать жестокую борьбу, прибавить, быть может, к войне против иноземцев войну междоусобную, и я не мог решиться разрывать дальше грудь Франции. Пользуйтесь покоем, вы так справедливо его заслужили, и будьте счастливы. Обо мне не жалейте. У меня есть миссия и, чтобы ее выполнить, я соглашаюсь жить: она состоит в том, чтобы рассказать потомству о великих подвигах, которые мы вместе с вами совершили. Я хотел бы вас всех сжать в своих объятиях, но дайте мне поцеловать это знамя, которое вас всех представляет…

Эффект от речи был сильный. Гвардейцы плакали, размазывая слезы по усам.

Великая и страшная эпопея закончилась вроде бы красиво и мирно. Так думали все, так полагал и сам Наполеон. Европа уже приготовилась наслаждаться долгожданным миром.

Почти сразу после того, как Наполеон прибыл на остров Эльба, смерть постигла его Жозефину, которую он, пусть и несколько своеобразно, но продолжал любить всю жизнь.

Несмотря, что после отречения императора она, в общем-то была в общественном смысле никем, но тем не менее, до самой смерти она оставалась первой дамой Франции. Первый из союзных монархов, Александр, демонстративно игнорировал двор Людовика XVIII, возведенного на престол русскими штыками. Зато часто и охотно ездил в ее резиденцию Мальмезон. А уж за ним косяком пошли деятели поменьше. Жозефина принимала всех, так что у нее день-деньской коромыслом стоял блестящий дым. Однако бывшая императрица, когда-то больше всего на свете любившая светские тусовки, теперь им не радовалась. Она выполняла заданный ритуал — и всё.

В мае Жозефина тяжело заболела — и врачи никак не могли поставить диагноз. Она умерла в своем дворце Мальмезон 29 мая 1814 года. До сих пор ходит множество версий по поводу причин ее смерти. Тут и замаскированное самоубийство, и даже отравление. Действительно, новый Двор дико злился, глядя на то, каким почетом пользуется первая жена «узурпатора». Но есть более простое объяснение. Когда позднее, на острове Эльба Наполеон спросил ее лечащего врача, в чем причина ее смерти, тот ответил:

— Горе, тревога за вас.

Есть такая болезнь, под названием «нежелание жить». Она не лечится.

Казалось, все кончено.

Но «звезда», которая вела Наполеона, ослепительно сверкнула еще раз. В его жизни происходило много удивительных и невероятных вещей. Но то, что случилось теперь, не укладывается ни в какие рамки. Это совершенно фантастическая история, получившая название «Сто дней».

ДЖЕК-ПОТ С НУЛЯ — И СНОВА НОЛЬ

1. Пьяный проспится, дурак — никогда

Наполеон вполне искренне полагал, что свою роль на исторической сцене он уже отыграл. Остров Эльба, находящийся всего в 50 километрах от Корсики, казалось, подсказывал суеверному Наполеону: откуда начал — туда и вернулся. Это был маленький, довольно уютный клочок суши с тремя городками и несколькими деревнями. Народ на нем жил добродушный и смирный, и присутствие в качестве повелителя такого большого человека им очень польстило. Наполеон зажил тихо и спокойно. Время от времени к нему приезжали мать и сестра. А иногда — и Мария Валевская. В общем, эдакая провинциальная идиллия. Которая, возможно, продолжалась бы много лет. Но жизнь сложилась по-другому. И главными виновниками новых европейских потрясений были пришедшие на смену Наполеону правители.

Ситуация, сложившаяся вокруг двора Жозефины, когда и при новой власти она оставалась первой дамой страны, была очень символична. И могла бы послужить серьезным предупреждением новой власти. Александр, умнейший и хитрейший дипломат, ничего не делал просто так. И посещая Жозефину, он как бы показывал вернувшимся эмигрантам их настоящее место. Только вот теперь Францией руководили люди, до которых не доходили не только такие изящные дипломатические ходы, но не дошел бы и удар молотком по голове. Пришедшие к власти Бурбоны НИЧЕГО не понимали. Вообще.

В этой книге не раз упоминалось, что верхушка роялистской эмиграции была той еще компанией. Среди видных эмигрантов находилось немало мужественных и ярких людей. Но вот ее главные лидеры…

Двадцать лет эта шантрапа болталась между несколькими европейскими странами, и главным их занятием было — клянчить деньги у всех, кто согласится их дать. И с надеждой глядеть на европейские державы: когда те соберутся, прогонят Наполеона и вернут их на родину. Как у любых эмигрантов, важным их занятием были бесконечные интриги и кухонные склоки. Это всегда бывает характерно, что французские эмигранты не оставили после себя ничего — ну, хотя бы одного приличного антиреволюционного и антинаполеоновского памфлета. Сплошная муть. Они достали всех. К примеру, русское дворянство, сперва раскрывшее эмигрантам объятия, уже скоро стало глядеть на них с откровенным отвращением. Недаром

Александр I, самый умный из «антинаполеоновских» монархов, до последнего момента противился возвращению на престол Бурбонов. И почти сразу же после их воцарения горько пожалел, что поддался уговорам.

Если свергнутый Людовик XVI был наделен мозгами очень экономно, то его племянник вообще оказался полным нулем. Вдобавок он двадцать лет болтался по чужим углам и, понятное дело, о том, как управлять государством, представление имел весьма смутное. Но Его Величество был хотя бы тихим. Ему было шестьдесят лет, он был тучен и страдал подагрой. Король предпочитал не гнать волну, потому что имел одну маленькую и по-человечески понятную мечту — дожить свои дни в тишине и покое. А вот брат короля, герцог д'Артуа, при столь же впечатляющих умственных способностях был к тому же типом весьма агрессивным, злобным и деятельным. А что может быть хуже деятельного дурака?

Умнейший циник Талейран, сам немало способствовавший реставрации, почти сразу же заметил: «Бурбоны ничего не поняли и ничему не научились». В самом деле, вернувшись, король и его компания желали, чтобы все пошло по-старому. Вычеркнуть двадцать лет из истории и вернуть, как было. Забавно, что они даже свои указы датировали годами правления Наполеона. Мол, не было такого, это все приснилось. Их можно сравнить с какой-нибудь сегодняшней бабушкой, выходящей под заменами Анпилова. Ей кажется: стоит махнуть рукой — и советская власть вернется…

Правда, развернуться Бурбонам не давали. К этому приложил руку и Александр I. Он прекрасно понимал, кто собрался теперь вокруг французского трона, и каких дров они могут наломать, дай им волю. Поэтому русский император буквально из-под палки заставил короля подписать новую Конституцию. Это роялистским «ультра» сильно не понравилось. Но с русским царем спорить им было не по зубам. Так что фактически вся созданная Наполеоном политическая и экономическая система осталась в неприкосновенности.

Но, тем не менее, роялисты с упертой настойчивостью стремились сделать все ошибки, которые только можно. Казалось, они задались целью озлобить против себя всех.

Начали с армии — основе правления Наполеона. Император, за исключением небольшого промежутка времени, все время воевал или готовился к войне. Все богатства, вся слава империи шли от армии. Понятно, что это была элита. Так вот, после реставрации, для затравки, на эту многочисленную касту

обрушилась неприятная вещь под названием «сокращение офицерских кадров».

По большому счету Бурбоны, осуществляя это мероприятие, были правы. Армия была огромной. Новой власти, которая и в мыслях не держала с кем-то воевать, такая огромная машина была не нужна. Кроме того, наполеоновской армии откровенно боялись. В ней Бурбонов, мягко говоря, не слишком-то любили. В общем, проблема сокращения была актуальна. Но ведь эту чрезвычайно болезненную процедуру можно проводить по-разному. В 1814 году во французской казне деньги имелись. Значит, имелась возможность спустить это дело на тормозах. И провести «конверсию» мягко, постаравшись максимально сгладить острые углы. Но куда там! Огромное число офицеров просто-напросто вышвырнули.

Подобное массовое увольнение профессиональных военных — всегда мина замедленного действия. Вспомним Германию после Первой мировой войны. Там тоже вышвырнули на улицу десятки тысяч офицеров. Чем все это кончилось — известно: они по первому зову пошли туда, где им обещали, что офицеры вскоре снова будут нужны…

Но и тем, кто остался в кадрах, жизнь медом не показалась. В начале книги я описывал порядки в дореволюционной французской армии. Бурбоны стали возрождать эти славные традиции. По-человечески их можно понять. Ну, как не порадеть человеку, рядом с которым ты двадцать лет подряд отирался на задворках европейских дворов? Как не пропихнуть его на какую-нибудь выгодную должность, да повыше чином? И стали пропихивать. Представьте себе состояние наполеоновских генералов и офицеров, участвовавших в великих сражениях, прошедших всю Европу. А тут над ними сажают какого-то нуля в военном деле, который не нюхал пороху, зато всю великую эпоху отсиживался за спинами противников.

Основные массы населения, крестьяне, были еще более недовольны. Правда, у Бурбонов все же хватило соображения не устраивать перераспределения собственности. Талейран, руководивший после реставрации правительством и всеми силами пытавшийся держать Бурбонов в рамках, понимал: если такое только начать, то лучше сразу паковать чемоданы. При первых попытках нового передела земли новую власть просто сдуло бы с трона. Да и Александр бы такого не допустил. Ни к чему ему была вторая серия всефранцузского бардака. Он-то, в отличие от Бурбонов, умел делать выводы из происходящего.

Но белые «ультра» ничего в упор не понимали. Это, впрочем, объяснимо. Единственное, что они всегда умели, так это

транжирить деньги. Людовик XVIII, следуя примеру дяди, попытался облегчить напряжение среди своих дружков, создав много высокооплачиваемых халявных должностей. Но, как сказал поэт, «пряников сладких всегда не хватает на всех». Так что главным пунктом мечтаний «ультра» стало возвращение «законных» земель их прежним владельцам.

Если нельзя гадить — можно вонять. И роялисты самозабвенно принялись за это дело. О переделе земли твердили постоянно, устно и письменно.

Вот представьте себе картину. Приезжает в какую-нибудь французскую деревушку прежний помещик, которого тут уже давным-давно забыли. Прогуливается он, значит, по полям и такую речь ведет:

— Ну, что, мужички, теперь на троне у нас законный король-батюшка. Так что скоро земли, которые вы у меня отобрали, возвращать придется.

Потешив таким образом душеньку, возвращенец уезжает. Оставляя крестьян в тягостном недоумении.

Вот уж чего не терпят землевладельцы, так это неопределенности. Да, при Наполеоне было тяжело. И парней в армию пачками забирали. Но был порядок! Император сказал «ваша земля». И точка. А теперь… Настроение подогревали и вернувшиеся солдаты. Отдохнув и залечив раны, они начали рассказы о своих подвигах, больше похожие на чудесные сказки. И, конечно, рассказы об императоре Наполеоне, под знаменами которого все это совершили. «У нас была великая эпоха»…

Кто еще? Предприниматели и высший свет. Первым тоже при новой власти мало не показалось. Сначала они приветствовали окончание континентальной блокады и открытие морских дорог в колонии. Но потом — волками взвыли. В то время одной из важнейших функций любого европейского государства была «защита отечественного производителя». С помощью таможенных тарифов. То есть те или иные товары иностранных конкурентов не пускали на внутренний рынок, просто повышая ввозные пошлины.[13] Так поступали все, в том числе и Россия. Только не Франция Бурбонов. Главным конкурентом продолжала оставаться Англия. Но как могли король и его окружение попереть против своих благодетелей! В общем — сплошное разорение и убытки…

А тогдашние великосветские нравы характеризует такой факт. Эмигрантские дамы «высшего света» публично осмеяли и оскорбили жену маршала Нея. Который даже среди полководцев Наполеона считался «храбрейшим из храбрых». Это, кстати, тоже характерно: мужа тронуть никто из мужчин не осмелился, кишка

была тонка, а женщин к ответу не призовешь. Запомним этот факт. Потому что именно Ней сыграет ключевую роль в возвращении Наполеона.

И, наконец, последнее, чтобы уже все было понятно до конца. Если не считать убежденных роялистов, то более всего уходу Наполеона радовались представители творческих профессий — журналисты, адвокаты, писатели. То есть те, кого в любой стране более всего на свете волнует «свобода слова». Потому что именно она их кормит. Император прессу не любил и работать с ней то ли не умел, то ли не считал нужным. Напомню, что, придя к власти, он из шестидесяти газет оставил четыре. Поэтому пишущая братия наступившей свободе радовалась. Однако быстро выяснилось, что «свобода слова» при Бурбонах — примерно такая же, как была у нас при Ельцине. То есть можно писать всё, что угодно, если это «всё» — за президента. Наступала эпоха откровенного мракобесия. В авангарде здесь шли даже не просто церковники, а ярые клерикалы (разница между ними примерно такая же, как между патриотом и фашистом).

В общем, против Бурбонов оказались ВСЕ. Противостоявшая им кучка отмороженных «ультра» — не в счет. Они ничего не могли и ничего не умели.

2. Тигр готовится к прыжку

Не стоит, конечно, думать, что Наполеон вот так вдруг проснулся утром, попил кофе и решил, что пора возвращаться. Он был азартный игрок и часто играл ва-банк, но очертя голову, не зная броду, в воду не лез. С самого начала он понимал, что Бурбоны — не ахти какой подарок для Франции. Но все-таки даже Наполеон недооценил поначалу их совершенно запредельную глупость. Он не предполагал, что страна дойдет до белого каления так скоро.

А во Франции сложа руки не сидели. Примерно с начала 1815 года во Франции стал складываться против Бурбонов заговор. Далеко не все его участники желали возвращения императора. Но были и такие. И они довольно быстро наладили с островом Эльба информационный обмен. Теперь Наполеон мог узнавать о том, что творилось в стране и мире не по газетам, а из более серьезных источников.

Что происходило во Франции, мы уже знаем. Но и в мировой политике тоже было нехорошо. Едва победив Наполеона, члены коалиции начали ссориться. И чем дальше, тем больше. Причина была проста и вечна, как пирамиды: победители делили добычу. Так бывает почти всегда. И после двух мировых войн в XX веке, сразу же после подписания мира начиналась всё та же грызня. Каждый тянул в свою сторону.

А Наполеон не торопился. Он рассчитывал на то, что участники коалиции чем дальше, тем перессорятся больше. А может, и до войны между ними дойдет. Тогда — совсем хорошо. Ему теперь вполне подходил классический принцип всех путчистов: «чем хуже, тем лучше».

Как-то, гуляя на острове Эльба около своего дворца, он остановился около стоявшего на часах гренадера (ему разрешили вывезти на остров два батальона старой гвардии, и заметьте — солдаты добровольно поехали за ним в ссылку).

— Что, старый ворчун, тебе тут скучно?

— Нет, государь, но не очень и развлекаюсь.

— Это не всегда будет продолжаться, — тихо сказал ему Наполеон.

Его снова манила перспектива большой игры.

Пока что спешить было — не в его интересах. Однако поторопиться все-таки пришлось. До Наполеона дошли две новости — плохая и очень плохая. Заговор против Бурбонов составлялся, что называется, на шару. Много болтали. Знали о

нем уже чуть ли не все. Антикоролевская партия могла получить чувствительный удар поддых. С дугой стороны, союзники императора все еще боялись. Не верили они, что он успокоился. Поэтому на Венском конгрессе, в ходе которого обсуждалось «устройство послевоенной Европы», то и дело всплывал вопрос: а не следует ли законопатить Наполеона куда-нибудь подальше от Франции? Есть сведения, что к нему даже собирались подослать убийц. Вот был матерый человечище! Его боялась вся Европа, даже когда Наполеон оставался во главе лишь двух батальонов солдат на крохотном клочке суши.

В общем, Бонапарт решил рискнуть. Последней каплей стал разговор с матерью, когда она в очередной раз прибыла на остров. Как мы помним, несмотря на отдельные разногласия, Наполеон продолжал с мнением мадам Летиции считаться. И он рассказал ей все.

— Я не могу умереть на этом острове и кончить свое поприще в покое, который был бы недостоин меня, — говорил он. — Армия меня желает. Все заставляет меня надеяться, что, увидев меня, армия поспешит ко мне. Конечно, я могу встретиться с офицером, который верен Бурбонам, который остановит порыв войска, и тогда я буду кончен в несколько часов. Этот конец — лучше пребывания на этом острове… Я хочу отправиться еще раз попытать счастья. Каково ваше мнение, мать?

Можно представить, насколько труден был для Летиции ответ. Ведь на Эльбе сын был хотя бы жив. А тут он снова ввязывался в авантюру, и такую, по сравнению с которой все его предыдущие игры были просто чепухой.

— Позвольте мне быть минутку матерью, потом я вам отвечу…

Она долго молчала, а потом сказала:

— Отправляйтесь, сын мой, и следуйте своему назначению. Может быть, вас постигнет неудача и сейчас же последует ваша смерть. Но вы не можете здесь оставаться, я это вижу со скорбью. Будем надеяться, что Бог, который вас сохранил среди стольких сражений, еще раз сохранит вас.

Наполеон начал действовать. У него имелись два батальона Старой гвардии плюс еще рота солдат, охранявшая остров. В том, что все эти люди последуют за ним, император не сомневался. Итак, под его началом оказалось около 1100 человек. Согласитесь, для переворота — маловато. Особенно если учесть, что он должен был пройти теперь практически через всю Францию. Но Наполеон не сомневался в том, что ему это удастся. По его мнению, во Франции опасность была лишь в одном: что

какой-нибудь фанатик-белый его убьет. Но на такие шансы уже можно было ставить.

И грандиозная авантюра началась. Несколько малых судов отошли от острова Эльба. Вокруг него курсировали английские и французские корабли, но судьба и тут была за Наполеона. Англичане ему на пути не попались. Встретились французы. Но они пропустили десант без помех.

И понеслось!

3. Шаги Командора

Этот поход лучше всего описывать в виде хроники.

1 марта 1815 года суда подошли к французскому берегу неподалеку от Канна (того самого, «фестивального»). Первыми, кого высадившиеся увидели на берегу, были таможенные стражники. Те приветствовали императора. Император отправил в город людей за продовольствием. Его мигом подвезли, не задавая лишних вопросов. Далее Наполеон решил двигаться глухими горными дорогами. Но перед тем, как начать марш, он приказал отпечатать в типографии воззвания к армии и народу. Расчет был правильный. Пока весть распространяется, в горах его никто не достанет. Ведь главный риск был именно в первые дни.

А в Париже было весело. О появлении во Франции Наполеона телеграф[14] принес известие через четыре дня после его высадки. Значения этому не придали ровно никакого. Подумали — Наполеон на Эльбе совсем умом тронулся. Поэтому правительство сделало очередную глупость: напечатало об этом событии в газетах. То есть помогло противнику, «пропиарив» его за свой собственный счет. Ну, и получили…

Это был взрыв. Париж совершенно ошалел. Город зашевелился, как это всегда бывает, поползли слухи и контрслухи. Роялисты же, по своему обыкновению, тут же начали смазывать салом пятки.

7 марта Наполеон приблизился к Греноблю, первому «райцентру» на его пути. Возле города дорогу ему преградили три полка. То есть около шести тысяч человек. Но самое главное — у его противников были пушки. То есть исход сражения мог быть только один…

Пожалуй, это был самый критический момент во время всего похода на Париж. Победу здесь могла одержать только моральная сила. Да, собственно, на нее-то император и рассчитывал, начиная свой путь.

Наполеон приказывает солдатам держать ружья дулом вниз. И сам идет впереди.

Командир полка был в панике. Он видел, что его солдаты не готовы сражаться с императором. И справедливо рассудил, что если он скомандует «огонь!», то еще неизвестно, в кого полетят пули. Он решил принять соломоново решение: отойти. Но не сумел. К городу уже скакали кавалеристы, кричавшие:

— Друзья, не стреляйте! Вот император!

А потом к строю вплотную подошел и сам Наполеон.

Он расстегнул сюртук.

— Кто из вас хочет стрелять в своего императора? Стреляйте!

Это была победа! Солдаты, плюнув на всё, бросились приветствовать Наполеона. И дело даже не в том, что его «армия» сразу увеличилась в несколько раз. Был сделан почин. А дальше… Это было как снежный ком: чем дальше, тем проще. И когда молва о произошедшем в Гренобле разлетелась по Франции, солдаты уже знали что им делать, когда Наполеон подойдет.

В Гренобле Наполеон произнес речь, в которой он заявил, что теперь он стал другим и войн больше вести не собирается. Просто, мол, он увидел, что Бурбоны всех достали, вот и пришел с ними разобраться. Верил ли он сам в то, о чем говорил? Возможно — да. Но ведь в разных обстоятельствах человек мыслит по-разному…

Наполеон разослал приказания по местным полкам, велев им присоединиться к нему. Те с готовностью присоединились. Теперь у него было еще небольшое, но уже реальное войско. А потому дело пошло куда веселее.

Этот поход был триумфом. Сельское население встречало его с полным восторгом. Любая помощь оказывалась моментально. Наполеон потом честно признался, что был попросту ошарашен. Начиная эту авантюру, он твердо рассчитывал на успех. Но не представлял, что это пойдет не только без сучка и задоринки, но и в обстановке, приближающейся к карнавальной. Теперь Наполеон не боялся уже ничего и никого. Оставалось лишь дойти до Парижа и усесться на трон.

На пути лежал Лион, тогда — второй после Парижа город Франции.

Бурбоны направили туда уже знакомого нам графа д'Артуа. Нашли кого посылать! Из Бурбонов именно его в народе ненавидели более всех. Он почему-то думал, что, сказав пламенную речь, поведет солдат на Наполеона. Туда же послали маршала Макдональда одного из тех, кто добровольно перешел к Бурбонам еще до отречения Наполеона.

10 марта Макдональд построил местный гарнизон, показал им королевского братца, толкнул речь и призвал солдат кричать «да здравствует король!» Ответом ему было гробовое молчание. На военном языке это значит: да пошел ты, мы твои приказы выполнять не станем. Граф со скоростью пули рванул из города. Макдональд все еще надеялся на что-то. И зря. Потому что части Наполеона уже входили в город. Его солдаты бросились навстречу полкам императора. Пришлось бежать и маршалу.

14 марта Наполеон встретился с еще одним своим старым боевым товарищем — маршалом Неем. Это был последний козырь Бурбонов. Ней был известен как «храбрейший из храбрых» и пользовался в армии большим авторитетом. К тому же Ней искренне полагал, что Наполеону во Францию возвращаться не стоит. Он-то знал императора. И полагал, что начнется новый этап войн. Но, с другой стороны, вспомните, как дворцовая сволочь оскорбила жену Нея. Подобные люди такого не прощают. Да, он не хотел возвращения Наполеона. Но, с другой стороны, понимал, что с Бурбонами ему — не по пути. И потому, хотя он и обещал «привезти Наполеона в клетке», никто не знает, что он думал на самом деле. Возможно, что он еще не сделал выбор и решил оценить обстановку на месте.

А там все сразу стало ясно. Ней, старый вояка, тут же сообразил, что ни солдаты, ни офицеры сражаться с Наполеоном не желают. Все его аргументы отскакивали от них, как горох о стену.

Ночью же случилось то, что должно было случиться. Части начали уходить на «ту сторону». Последней каплей была записка, которую с верховым прислал Нею сам император: «Я вас приму так, как принял на другой день после сражения под Москвой.[15] Наполеон».

Ней сделал выбор. И произнес перед солдатами короткую речь, суть которой сводилась к одному: «Да здравствует император!»

Наполеон в таком выборе Нея и не сомневался. Он знал своих людей. Поэтому еще за несколько дней до перехода к нему маршала он подготовил для него точный приказ, куда идти и что делать.

Это был последний кирпич в стене. Защищаться Бурбонам было нечем.

20 марта Наполеон вошел в Париж. Тут встреча императора превзошла всё. Более всего это было похоже на сегодняшний психоз во время приездов поп-звезд. Но тогда мозги у людей были не так вывихнуты, как теперь — и подобного современники не видели ни до, ни после. В апофеозе экстаза толпа, оттеснив конвой, вынула Наполеона из кареты и на руках донесла до дворца.

Вся эта потрясающая хроника великолепно отразилась в заголовках газет. Вот как сообщали о продвижении Наполеона одни и те же газеты, где сидели одни и те же редакторы:

«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан»,
«Людоед идет к Грассу»,
«Узурпатор вошел в Гренобль»,
«Бонапарт занял Лион»,
«Наполеон приближается к Фонтенбло»,
«Его Императорское Величество ожидается сегодня в своем верном Париже»…

Это, кстати, к слову о «свободе прессы».

4. Фортуна показала фигу

Итак, Бурбоны бежали. Наполеон снова сидел на троне, и сидел так же прочно, как и в 1801 году. Народ ликовал. Но приближенные императора отмечают в нем новое качество — какую-то возникшую вдруг нерешительность. Ослабел как-то его всепобеждающий напор. Казалось бы, судьба только что доказала свою к нему любовь, подарив невиданный триумф. И дело даже не в том, что положение Франции было очень нерадостным. В конце концов, из «худших выбирались передряг». Но императора мучил вопрос, который, пожалуй, он никогда себе до той минуты не задавал: а что делать дальше? Он-то был не Людовик XVIII и не граф д'Артуа. И прекрасно понимал, что нельзя просто так вычеркнуть год своего отсутствия. Что же делать теперь?

Жизненный опыт — штука, имеющая и оборотную сторону. Именно поэтому в революциях побеждают молодые. Они прут вперед, а там — будь, что будет. Когда Наполеон пришел к власти в первый раз, ему было 32 года. И он шел напролом. Но в 46 лет повторить такое — значительно труднее. Потому что уже известно, чем все закончится.

Теперь он пришел к власти на волне народного энтузиазма. Но Наполеон наверняка отлично сознавал, что на самом-то деле в нем видели некоего «идеального Наполеона». Который у каждого был свой. Бурбоны всем надоели, и во время их правления об императоре вспоминали только хорошее. Каждый свое.

И Наполеон честно попытался стать другим. Он обещал мир. И попытался его обеспечить. Император предложил всем странам коалиции мирный договор на основе принципа: «кто что имеет, тот тем и владеет». Два года назад такое приняли бы с восторгом. Но вот теперь из этого ничего не вышло. Слишком уж страшным было его внезапное возвращение, вызвавшее по всей Европе новый шок. Да и в «мирного» Наполеона верилось как-то не очень. Это сегодня он «белый и пушистый», а дальше что? Вот, к примеру, выходит из тюрьмы уголовник — и искренно мечтает «завязать». А дальше глядь — опять начал воровать и грабить…

Наполеон попытался сыграть в демократию. И начал создавать нормальную конституционную монархию. Но и это не получилось. Ну, не терпел Бонапарт по жизни демократических институтов! Да и не поверили ему.

С колокольни сегодняшнего дня не очень понятно, почему он даже по-настоящему не разобрался с теми, кто его предал. Эх, не те тогда были времена! Это в следующем веке диктаторы учтут ошибки великого предшественника. И будут превентивно мочить

правых и виноватых.

Наполеон в свои «сто дней» вообще старался не делать резких движений. Такое впечатление, что он боялся испытывать судьбу дальше. Возможно, он уже чувствовал, что выбрал свой лимит везения…

Впрочем, по-настоящему Наполеон ничего решить так и не успел. Снова приходилось воевать. Коалиция решила, хоть кровь из носа, довести на этот раз дело до полного завершения. Силы двигались огромные. Но теперь уже выхода не было. Снова приходилось драться.

Кампания началась удачно. Наполеон с прежним блеском нанес коалиции два поражения. Но последняя победа имела роковые последствия. Разбив 16 июня у Линьи пруссака Блюхера, император послал маршала Груши в погоню за его уходящим корпусом. А главные силы встретились 18 июня с английской армией у селения Ватерлоо. За день перед боем погода была совершенно омерзительная. Лил проливной дождь. И почва размокла.

Эта последняя битва Наполеона не стала его лебединой песней. В ней проявлялась всё та же его нерешительность. Он долго медлил с началом атаки — и это оказалось его очень большой ошибкой.

Но вот, наконец, началась одна из самых известных битв мировой истории. Она шла со страшной яростью и переменным успехом. Англичане, укрепившиеся на холме, держались геройски. Не менее храбро сражались и французы. Они упорно продвигались, несмотря ни на что. Был момент, когда командующему англичан герцогу Веллингтону казалось, что все кончено. Но англичане продолжали держаться. Наполеон послал в бой все резервы, включая гвардию. И тут подошли пруссаки. Но Наполеон продолжал атаковать. Он ведь рассчитывал, что вслед за пруссаками придут и его войска. Ситуация находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Подойди к французам подкрепления — они бы выиграли эту битву. Император ждал их до последнего. Но Груши не пришел.

Помните битву при Маренго, когда Наполеона спасло от разгрома появление дивизии Дезе, которую никто не ждал? Здесь положение сложилось с точностью до наоборот. Он ждал подкреплений. И можно было бы победить, если бы подошел Груши… В первом случае судьба улыбнулась Наполеону, второй раз — повернулась к нему спиной.

До сих пор споры об этом не утихают. То ли французский маршал потерял пруссаков, а преследовал какой-то

незначительный отряд и, будучи исполнительным до тупости, даже услышав шум битвы, двигался куда-то не туда. То ли он просто предал Наполеона. Это, в конце концов, не слишком важно. Судьба была теперь не за Бонапарта.

Разгром последовал полный. Сохранив порядок, ушла только уцелевшая часть гвардии. Остальные французы бежали.

Хотя на самом-то деле в этот раз песенка Наполеона все равно долго бы не пелась. Ну, разбил бы он англичан с пруссаками. Ведь подходили еще австрийцы и русские… Да и вообще, коалиция на этот раз взялась за дело всерьез. Союзники готовились выставить в общей сложности миллион человек! По тем временам — совершенно фантастическая численность армии. Против таких не просто больших, а гигантских батальонов не помогло бы уже ничего.

Но для Наполеона этот разгром означал именно то, что «звезда» его погасла навсегда. Всю дорогу до столицы он провел словно в полудреме. И когда приехал в Париж, выглядел, как сдувшийся воздушный шарик. Что-то в нем окончательно сломалось.

Он уже ничего не хотел и никуда не стремился? Просто ждал, что будет дальше? Он еще попытался получить от палаты депутатов особые полномочия… Парламент был против.

Сторонники предложили ему стать диктатором Франции, а брат Люсьен — расстрелять депутатов из пушек. Народ, в принципе, был ко всему готов. Потому что все видели: к ним в обозах союзников снова везут Бурбонов. Но Наполеон — отказался. Он свое — уже отыграл.

22 июня Наполеон вторично отрекся от престола и поехал в сторону Атлантического океана. Император решил уехать в Америку. В бухте Рошфор его ждали два фрегата, выделенные морским министром. Но бухту блокировал английский флот.

Наполеону предложили еще два способа избегнуть плена. Сперва — провезти его на маленьком судне. Наполеон на это не пошел. Второй план был еще более отчаянным. Командир фрегата «Медуза» вызвался ввязаться в бой с англичанами. Это было верное самоубийство, но за то время, пока англичане топили бы «Медузу», второй фрегат, на котором находился бы Наполеон, успел бы выйти в море. Бонапарт отказался снова. Он пояснил, что теперь он является частным человеком, а жизнь простого гражданина не стоит таких жертв.

15 июля 1815 года Наполеон сдался англичанам. Его эпоха закончилась уже навсегда.

ИТАК, ИТОГ

Собственно, история великого полководца и дипломата на этом закончена. Но все-таки биография героя заканчивается только с его смертью. Поэтому нужно сказать еще несколько слов. Хотя бы потому, что и его «жизнь после жизни» на острове Святой Елены Бонапарта тоже кое в чем характеризует.

После сдачи англичанам Наполеон никогда больше не ступил на европейский берег. Его сразу отправили к новому месту ссылки. Знаменитый этот остров расположен в южной части Атлантического океана. Это уже жуткая глушь. До ближайшего материка — Африки — от него около двух тысяч километров. Но это не «пустынный и мрачный гранит». Довольно милый зеленый островок, с хорошим, здоровым климатом. Были в английских колониях места куда гнуснее.

Бывшему императору разрешили взять на остров нескольких приближенных и слуг. Жил он там отнюдь не взаперти, а в отдельном доме, пользовался полной свободой (разумеется, в пределах острова) и мог заниматься, чем заблагорассудится. Самое худшее, что было для Наполеона в его ссылке — это безделье. Трудоголик, не знавший, что такое отдых, очень плохо переносил ту жизнь, о которой, может быть, многие только мечтают. Единственная работа, которая была здесь возможна — это составление, а вернее, диктовка мемуаров.

Это очень интересные документы. Хотя бы тем, что не дают практически ничего для темы этой книги. В мемуарах Наполеон пишет о чем угодно — о своих походах, битвах, о переговорах и прочем. Но только не о себе. Личного в них — почти нет. О своем внутреннем мире, мыслях и переживаниях Наполеон не посчитал нужным говорить. Очевидно, он счел это излишним. Но, согласитесь, это тоже характеризует человека. Вот, дескать, мои дела, а остальное — суета. Интересно, что Наполеон, по большому счету, в своих воспоминаниях ни о чем не жалеет. Не жалеет в глобальном смысле — про «кровавых мальчиков в глазах» или что жизнь не на то потрачена. Он, к примеру, признает, что поход в Россию был ошибкой. Тактической. Но того, что сама цель его внешней политики, континентальная блокада — тоже ошибка, он так и не понял. Ну, не сложилось. Не удалось выиграть. Не повезло. Интересно, что до конца жизни он так и не перестал жалеть, что не сумел довести до конца операцию в Египте. Ну, хотелось ему дойти до Индии и поднять ее против англичан…

С пребыванием на острове Святой Елены связана еще одна

забавная вещь — как относились к нему англичане, которые его охраняли. Комендант острова, Гудсон Лоу, был просто раздавлен ответственностью. Он всё боялся, что Наполеон умудрится-таки сбежать. А вот английские солдаты относились к пленнику с обожанием. Хотя их страна воевала с ним почти двадцать лет. Даже спустя уже много лет солдаты и офицеры вспоминали время, проведенное в той жуткой дыре, с ностальгией. Как же! Жили рядом с великим человеком. Такое уж было у Наполеона обаяние.

С 1819 года Наполеон начал все чаще и чаще болеть. Его здоровье ухудшалось постепенно, участились резкие внутренние боли. Наполеону становился все хуже и хуже. 2 мая 1821 года наступило резкое обострение. 3 мая он находился еще в сознании. Символично, что как раз в ночь на четвертое на океане разыгрался страшный шторм, и сила ветра была такова, что с корнем вырывало деревья. А Наполеон уже был без сознания. Умер он 5 мая на рассвете.

На счет причин его смерти есть разные мнения. Сам Наполеон полагал, что он умирает от рака. Ведь его отец Карло Бонапарт умер в сорок лет от той же болезни. Есть версия, что причина — тропическая болезнь, зародыш который он подхватил еще в Египте. А теперь в тропиках она стала прогрессировать.

С самого момента смерти Наполеона стали ходить слухи, что его отравили англичане, которые продолжали его смертельно бояться. В последние двадцать лет появлялись сообщения, что останки Наполеона исследовали и в костях в самом деле нашли мышьяк. Только вот материалов этих исследований никто не видел.

А что оставил после себя Наполеон, кроме славы и опыта ведения боевых действий, которые изучают курсанты всего мира? Созданная им империя рухнула. Но созданная им Франция осталась. Многие его учреждения, как, например, деление Франции на департаменты, существуют до сих пор. С Кодекса Наполеона буквально списаны юридические документы разных стран. Да и Бурбоны, вернувшись на трон уже во второй раз, опять-таки не посмели ничего изменить. Правда, они и по второму разу стали совершать всё те же ошибки. И в 1830 году, в результате Июльской революции, их все-таки выкинули из Франции.

И вот что хочется сказать отдельно. Перед самой смертью Наполеона посетило гениальное озарение. Он сказал: «Мне надо было строить империю на основе якобинцев».

То есть на основе ***экстремистской партии,*** *не*

останавливающейся перед тотальным насилием. Знакомо, а? К счастью для Европы, он понял это слишком поздно. А то еще в XIX веке ее народам довелось бы испытать «новый французский порядок…»

Иллюстрации

Наполеон на Аркольском мосту.
Антуан Жан Про (1796–1797)

Наполеон никогда не «играл в орлянку» со смертью. Но если возникала необходимость — без колебания шел под пули

Герб Бонапартов

Жозефина Богарне — женщина, которую Наполеон любил всю жизнь

Портрет Наполеона.
Рихтер (1830 г.)

…Но император должен иметь наследника. Поэтому после развода с Жозефиной Наполеон женился на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе. Нежная привязанность императора к сыну поражала его приближенных

Портрет Жозефины. *Франсуа Жерар (1801 г.)*

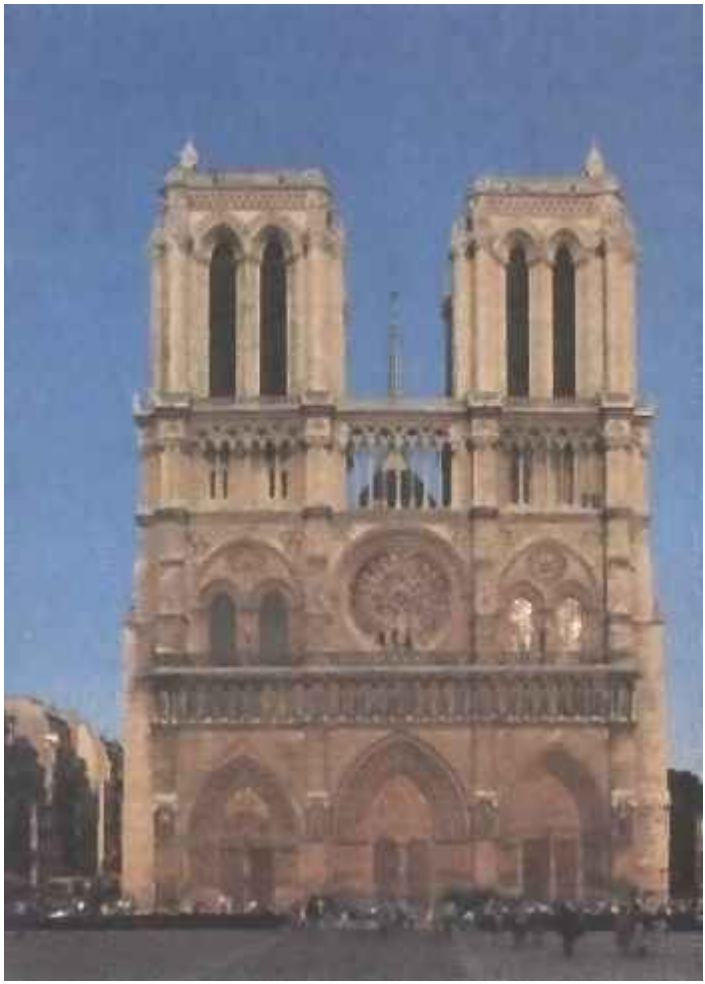
Жозефина, первая дама Франции (значит — и Европы). Обратите внимание на ее платье. Тогда в моде был стиль Древнего Рима — величайшей захватнической империи всех времен

Жозефина, рисующая Наполеона

«Коронация Наполеона». *Давид*

Эта церемония поставила точку в истории Великой Французской революции. Началась новая эпоха

Фрагмент картины «Коронация Наполеона»



Впервые в истории Франции коронация проходила в знаменитом соборе Нотр-Дам

Лувр. Этот дворец видел всякое. В том числе — и Наполеона

Долгое время Наполеона считали непобедимым. Его военный гений внушал ужас противникам

Во Франции в честь его побед в 1806 году воздвигли триумфальную арку Карузель. Без нее невозможно теперь представить Париж

Дворец Фонтенбло — любимая резиденции императора. Отсюда он удалился в свою первую ссылку. Чтобы через год

вернуться триумфатором

Вид на дворец Фонтенбло

Дворец Мальмезон. Изображение XVIII в.

Дворец Мальмезон. Его Наполеон подарил Жозефине. Дворец оставался ее любимой резиденцией. Тут ее навещали практически ВСЕ известные люди того времени (в том числе и Александр I). В Мальмезоне Жозефина умерла от беспокойства за судьбу сосланного императора

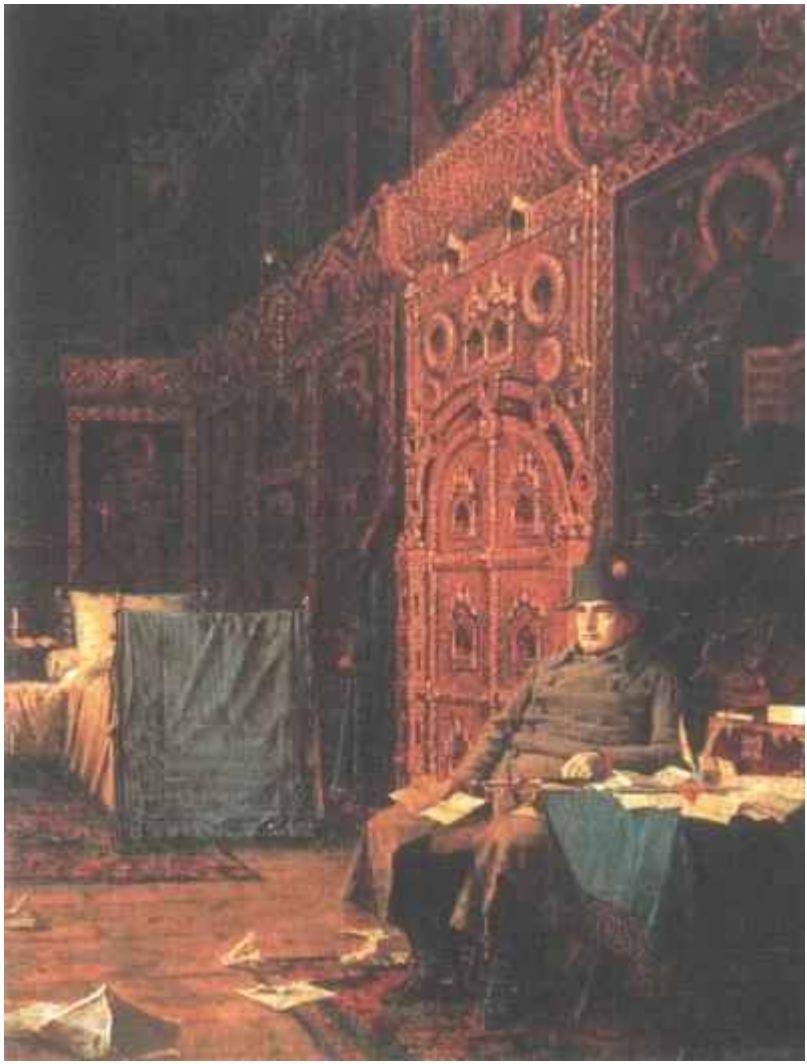
Его треугольная шляпа. А также косметический набор Жозефины и ее табакерка. Эта женщина умела производить впечатление…

«Наполеон на охоте в Компьенском лесу». *Карл Верне (1811 г.)*

В редких перерывах между походами во Франции бурлила придворная жизнь. Ее блеск затмил все, что до этого видела страна

Версаль. Дворец, за время Революции пришедший в жалкое состояние, но в 1806 году по распоряжению Наполеона был реставрирован и обрел прежний блеск

Для современников непобедимость Наполеона была чем-то, граничащим с чудом. Потому-то многие его враги обращались к Нострадамусу — и видели во французском императоре Антихриста



На Этапе. Дурные вести из Франции. *Верещагин (1887–1895).*

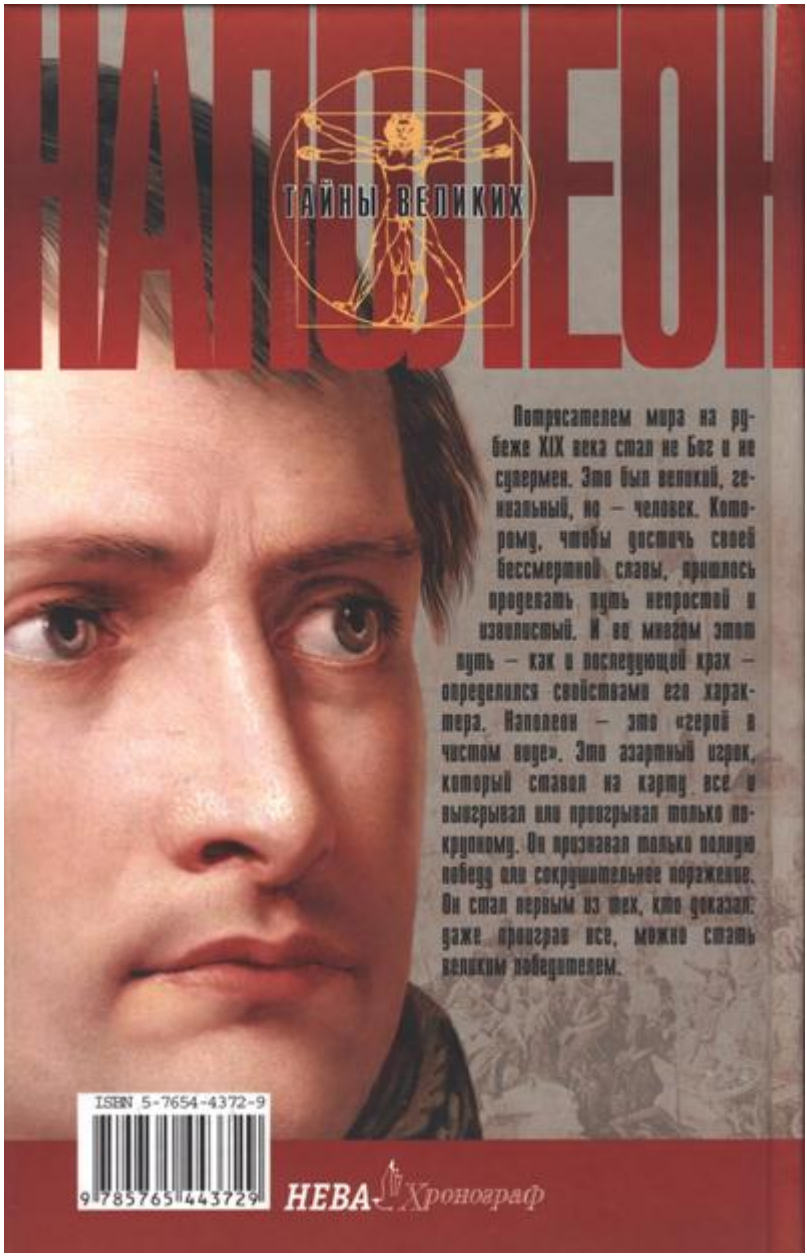
Но в России наваждение развеялось. Против этой земли его гений оказался бессильным

Так проходит земная слава. Итог блестящей карьеры — на фрегате «Беллерофон» Наполеона отправили в ссылку на остров Святой Елены

Теперь оставалось лишь диктовать мемуары

Колонна на Вандомской площади, украшенная фигурой Наполеона.

В наполеоновских войнах погибло около миллиона французов. Но, несмотря на это, Наполеон был и остается национальным героем Франции


НАПОЛЕОН
ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ
Потрясателем мира на рубеже XIX века стал не Бог и не супермен. Это был великий, гениальный, но – человек. Которому, чтобы достичь своей бессмертной славы, пришлось проделать путь непростой и извилистый. И во многом этот путь – как и последующий крах – определился свойствами его характера. Наполеон – это «герой в чистом виде». Это азартный игрок, который ставил на карту все и выигрывал или проигрывал только по-крупному. Он признавал только полную победу или сокрушительное поражение. Он стал первым из тех, кто доказал: даже проиграв все, можно стать великим победителем.
ISBN 5-7654-4372-9
9 785765 443729
НЕВА
Хронограф

Потрясателем мира на рубеже XIX века стал не Бог и не супермен. Это был великий, гениальный, но — человек. Которому, чтобы достичь своей бессмертной славы, пришлось проделать путь непростой и извилистый. И во многом этот путь — как и последующий крах — определился свойствами его характера. Наполеон — это «герой в чистом виде». Это азартный игрок, который ставил на карту все и выигрывал или проигрывал только по-крупному. Он признавал только полную победу или сокрушительное поражение. Он стал первым из тех, кто доказал:

даже проиграв все, можно стать великим победителем.

notes

Примечания

1

Исследователи. Первыми проникли в экваториальную Африку.

2

К примеру, с маркизом де Садом, которого революция освободила из Бастилии, он разберется просто и коротко. Когда тот снова начнет выступать, он просто-напросто запихнет его в дурдом. Где тому и было самое место.

3

И вот ирония судьбы. Милорадович погиб не где-то на поле брани, а в Петербурге, от провокаторской пули мятежника — декабриста Каховского.

4

По этому поводу можно привести забавный факт. Франция в XX веке два раза (в обе мировые войны) горела синим пламенем, потому что полагала: Бельгия сохраняет нейтралитет, и немцы не станут через нее наступать. Своей собственной истории не знали, что ли?

5

В англоязычных странах — обиходное название британского флага.

6

Автор дает свой вариант перевода этой фразы. Желающие могут попробовать найти свой: «Foutez-moi tout le monde dehors!»

Такой «тенью», к примеру, был Марк Чепмен, убийца Джона Леннона.

8

Любопытно отметить, что, несмотря на все войны, Наполеон после отречения оставил финансовые дела Франции в великолепном состоянии. Исключительный случай для Нового и Новейшего времени.

9

Это точная формула церковного отлучения, составленная еще в средние века.

10

«Человек, сделавший сам себя» *(англ.)*. Расхожий американский термин, характеризующий тех, кто сделал свой успех «своею собственной рукой».

11

Капер — «официальный» пират. Человек, который получает право грабить корабли, идущие под флагом враждебной страны. В описываемые годы Англия отрицала, что использует каперов, но на самом деле их было полно.

12

Великой называлась основная армия. Кроме нее были части, стоявшие по всей Европе, плюс к этому около 200 тысяч завязли в Испании.

Кстати, так поступают и теперь. Только вместо железной решетки тарифов чаще используют мягкую сетку «экологических требований» и тому подобного.

14

Автор не сошел с ума. Тогда уже существовал так называемый механический телеграф. На расстоянии прямой видимости были расположены вышки. От одной до другой с помощью механических приспособлений передавались световые сигналы. Примерно, как в морском семафоре.

15

Имеется в виду Бородинская битва, в которой Ней особо отличился.